МАМИН-СИБИРЯК

ВКРУГ РАКИТОВОГО КУСТА

№ 29/111

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ.

Вкругъ ракитова куста

—) и (—

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 1 рубль.

Изданіе Д. П. ЕФИМОВА.
Москва, Большая Дмитровка, домъ Бахрушиныхъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ шкафахъ желѣзныхъ дорогъ продаются слѣдующія изданія:

Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. 75 к.
— Образцы изящной русской рѣчи. Сборникъ. 1 р.
Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. 4 р.
— Три единственныя дочери. 50 к.
Апраксинъ. Больное мѣсто. 1 р.
Арсеній Г. Карьера. 1 р.
Браунъ, Лили. Женскій вопросъ. 2 р.
Бернштейнъ. Проблемы соціализма. 1 р.
Беллами, Эдв. Черезъ сто лѣтъ. 1 р.
Бурже, П. Изъ-за любви. 50 к.
— Трагическая идиллія. 1 р. 50 к.
— Дѣловой человѣкъ. 75 к.
— Призракъ 1 р.
— Этапъ. 1903 г. 1 р. 50 к.
Бьернсонъ. Свыше нашей силы. 50 к.
Викторовъ П. Ученіе о личности. Изд. 2-е 1 р. 50 к.
Вербицкая. Освободилась. 1 р.
— Преступленіе Маріи Ивановны 1 р.
Воротниковъ. Анна Ярославна, корол. Франціи. 1 р.
Вогюэ. Голоса мертвыхъ. 1 р.
— Антонъ Чеховъ. 20 к.
— Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
Гауптманъ Г. Роза Бернд̀ъ 40 к.
Гопа. На скользкомъ пути. Романъ. (Пер. съ англійскаго). 1 р. 50 к.
Герцъ. Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ. 1 р.
Гартманъ Эд. Современ. психологія. Пер. подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
Денисюкъ. Краткій повторительный курсъ теоріи и исторіи **политической экономіи** примѣнительно къ курсу университета. 75 к.
Джеромъ К. Джеромъ. Павелъ Кельверъ. 1 р. 50 к.
Додэ, А. Первое путешествіе 30 к.
Записки Горона. Отъ нашествія до „анархіи". Среди преступленій. 1 р.
— Мошенники высшей школы и воровскія шайки. Полиція будущаго. 80 к.
Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! 60 к.
Золя. Нана. Переводъ съ фр. 1 р.
— Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
Золя. Трудъ. 1 р. 50 к.
Крестовская, М. Артистка. 2 р.
— Исповѣдь Мытищева. Вопль. 1 р.
Котляревскій. Собр. соч. 1 р.
Коппе, Ф. Жертва любви. 60 к.
— Двѣ женщины. 60 к.
Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Пер. подъ ред. проф. Ланге. 80 к.
Квитка-Основьяненко, Г. Панъ Халявскій. 50 к.
Левенфельдъ. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь и произведенія. 1 р.
Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. 1 р. 5 к.
— Тайны жизни. 1 р. 25 к.
— Избранные разсказы. 1 р.
— 20 лѣтъ назадъ. 1 р.
Любичъ-Кошуровъ Братъ человѣчества. 75 к.
Мясницкій И. Проказники. 1 р. 25 к.
— Гостинодворцы. Пов 2 р.
— Милые люди. Изд. 3-е. 1 р.
— Мануфактуръ совѣтникъ. 2 р.
— Наши ближніе. 1 р.
— Свадьба и др. разск. 1 р.
— Бѣсъ-дѣвка. 1 р.
— Вернулся. 25 к.
— Безъ языка. 1 р.
— Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р. 25 к.
— Ихъ степенства Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
— Дачныя прелести. 1 р.
— Житейскія комедіи. Юмор. сб. 1 р.
— Отъ скуки. Юмор. сборникъ. 1 р.
— Струйки смѣха. Изд. 2 е. 1 р.
— Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова. 1 р.
— Мужья и жены. 1 р.
— Веселые разсказы. 1 р.
— Господа коммерсанты. 1 р.
— Блестки юмора. 1 р.
— Юмористическія шалости. 1 р.
— 24 юморист. разсказа. 1 р.
Мура Ф. Милліонеры. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. 1 р.
— Уральскіе разсказы, т. 4-й. 1 р.
— Преступники. 1 р.
— Повѣсти. 1 р.
— Безъ названія. 1 р. 25 к.
— Золото. Изд. 2-е 1 р. 50 к.
— Приваловскіе милліоны Изд 2-е. 2 р.
— Золотая муха и др. разск. 1 р.
— Человѣкъ съ прошлымъ 1 р.

1920
III

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

ВКРУГЪ РАКИТОВА КУСТА

→ и ←

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Публич. и Рум. Биб. Т...

Изданіе Д. П. Ефимова.
Москва, Большая Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

15610-О

2007337371

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНССНЪ
МОСКВА, ПЕТРОВКА, 22.

1904.

Вкругъ ракитова куста.

Повѣсть.

I.

Солнце уже спускалось къ горизонту, дѣлаясь все больше и больше. Оно постепенно краснѣло, зажигая края вытянутыхъ надъ моремъ облаковъ живымъ огнемъ, пурпуромъ и переливавшимися цвѣтами радуги. Море было спокойно и только чуть-чуть колыхалось у самаго берега, гдѣ приливала широкая волна. Слабый шопотъ этого прибоя напоминалъ ровное дыханіе засыпающаго человѣка. Расцвѣченное всѣми огнями радуги небо отражалось въ водѣ, а набѣгавшая ткань морской волны принимала самые нѣжные перламутровые тона — розовые, голубые, зеленые, желтые съ особеннымъ нѣжнымъ отливомъ дорогого жемчуга, точно море было освѣщено изнутри. Отъ всей этой картины вѣяло какою-то сказочною красотой и той освѣжающей здоровою нѣгой, отъ которой не хочется проснуться.

Да, это было то сѣверное холодненькое море, которое создало сѣверную сагу и ея неукротимыхъ героевъ—викинговъ.

Елена Григорьевна проводила каждый вечеръ на пляжѣ, переживая глухую тоску. Ей вспоминалась далекая южная родина, далекое южное теплое море... А здѣсь даже лѣтомъ было холодно, и даже краски заката казались ей холодными. Она устало смотрѣла темными глазами на толпу гулявшихъ на пляжѣ и какъ-то ни о чемъ опредѣленномъ не думала. Да, *онъ* непремѣнно придетъ, предложитъ ей руку и проведетъ черезъ эту толпу, которой она такъ не любила... Кажется, вчера, да, именно вчера она узнала одного московскаго профессора, съ которымъ встрѣчалась въ Ялтѣ, и самымъ глупымъ образомъ начала смотрѣть въ сторону, хотя онъ ея не узналъ. А еще когда-то ухаживалъ... Впрочемъ, профессорская разсѣянность вошла въ пословицу. Елена Григорьевна знала почти наперечетъ всѣхъ гулявшихъ, хотя и не была ни съ кѣмъ знакома, и знала также, что курортныя дамы ее не любятъ, считая гордой, и вмѣстѣ завидуютъ ея костюмамъ и красотѣ. Если бы онѣ знали, какъ она сама ненавидитъ себя, свою красоту, жалкія тряпки, въ которыя должна была наряжаться совсѣмъ не для себя и своего удовольствія... Въ видѣ утѣшенія у нея мелькала всего одна мысль: вѣдь, когда-нибудь

все это должно было кончиться, какъ кончается все на свѣтѣ.

— А я васъ ищу по всему пляжу, Елена Григорьевна...—проговорилъ надъ ея ухомъ жирный басокъ, заставившій ее вздрогнуть.

Она ничего не отвѣтила, а только умоляюще посмотрѣла на него своими темными испуганными глазами.

— Аркадій Евгеньичъ не придетъ,—отвѣтилъ басокъ на этотъ нѣмой вопросъ. — Онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

Елена Григорьевна поднялась, но молодой человѣкъ ее удержалъ.

— *Намъ* приказано дождаться здѣсь, пока сгорятъ костры. Можетъ-быть, Аркадій Евгеньичъ еще и придетъ, если почувствуетъ себя лучше. Онъ сейчасъ прилегъ отдохнуть... Вѣдь сегодня у эстонцевъ древній языческій обычай — жечь костры. У насъ они называются, кажется, купальными огнями... Да...

Молодой человѣкъ устало опустился на скамейку. Онъ казался старше своихъ двадцати-шести лѣтъ благодаря какой-то дряблой тучности. Даже модный костюмъ изъ бѣлой фланели съ голубыми полосками старилъ его. Безцвѣтное, точно вылинявшее, лицо глядѣло тусклыми безцвѣтными глазами. Онъ страдалъ одышкой и въ разговорѣ дѣлалъ паузы, глотая воздухъ, какъ только-что вытащенная изъ воды рыба.

Лѣвая рука вѣчно точно чего-то искала, шевеля пухлыми безсильными короткими пальцами. Елену Григорьевну больше всего возмущало, когда этотъ пухлый молодой человѣкъ начиналъ смѣяться какимъ-то дряблымъ смѣхомъ, при чемъ дѣлалось это безъ всякаго повода. Она знала, что онъ и сейчасъ будетъ смѣяться, и ее впередъ охватывало непріятное жуткое чувство. Когда его лицо уже начинало распускаться въ безцвѣтную неопредѣленную улыбку, она предупредила его смѣхъ неожиданнымъ вопросомъ:

— Павелъ Максимычъ, извините за откровенность, мнѣ кажется, что вы боитесь Аркадія Евгеньича?

Дряблое лицо Павла Максимовича сразу приняло непривычно-серьезное выраженіе, какъ у человѣка, которому помѣшали чихнуть. Онъ повелъ плечами и отвѣтилъ съ заикающимися паузами пойманнаго школьника:

— Нѣтъ, т.-е. да... если хотите...

Потомъ онъ поднялся и съ неожиданной для самого себя смѣлостью, глядя прямо въ лицо Еленѣ Григорьевнѣ, проговорилъ:

— А вы боитесь?

— И даже очень боюсь,—просто отвѣтила Елена Григорьевна, стараясь равнодушнымъ тономъ замаскировать внутреннее волненіе. — Каждая женщина должна кого-нибудь бояться...

— Неужели и меня какая-нибудь женщина будетъ бояться?

— О, непремѣнно... Именно та, которая васъ полюбитъ.

Павелъ Максимовичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и ничего не отвѣтилъ. На его дряблomъ лицѣ появилось какое-то брезгливое выраженіе. Ему показалось, что Елена Григорьевна смѣется надъ нимъ. Его полюбитъ женщина...— этого не было и не будетъ. Онъ повертѣлъ въ рукахъ свою палку и какъ-то безсильно опустился на скамейку.

Публика все прибывала на пляжѣ. Яркіе лѣтніе туалеты дамъ пестрили гуляющую толпу красивыми пятнами. Около приготовленныхъ костровъ суетилась дачная дѣтвора. Собственно эстонцевъ почти не было. Они кучками сидѣли въ дальнемъ концѣ пляжа, гдѣ на берегу пріютились рыбачьи избушки. Народнымъ праздникомъ завладѣли господа. Елена Григорьевна продолжала молчать, напрасно стараясь придумать какую-нибудь тему для разговора. Съ Павломъ Максимовичемъ иногда было трудно разговаривать, и, кромѣ того, онъ въ этихъ случаяхъ совсѣмъ не умѣлъ слушать и какъ-то по-дѣтски перебивалъ на половинѣ фразы.

— Да, скучно... — неожиданно проговорилъ онъ.

— Благодарю за комплиментъ... — отвѣтила

она. — Вы иногда бываете очень любезны, Павелъ Максимычъ.

— Это я не про себя, а про васъ. Я замѣтилъ, что вамъ хочется зѣвнуть... А я не умѣю занимать дамъ. Это особенный талантъ...

— Вы правы: съ дамами обыкновенно говорятъ ни о чемъ, чтобы убить время.

— Не всегда... Вонъ посмотрите, какъ заразительно-весело смѣется вонъ та дѣвушка... съ розовымъ зонтикомъ...

— Она смѣется потому, что еще очень молода... А молодость счастлива уже тѣмъ, что многаго не понимаетъ.

— Да, пожалуй... Вѣрнѣе сказать: ей еще не въ чемъ раскаиваться. Мнѣ эта смѣющаяся дѣвушка напоминаетъ счастливаго путешественника, у котораго весь багажъ состоитъ изъ одного розоваго зонтика.

Ей показалось, что онъ сдѣлалъ намекъ на что-то, о чемъ начиналъ догадываться. Она даже хотѣла разсердиться, но сдержала себя. Потомъ этотъ нелѣпый приказъ Аркадія Евгеньевича присутствовать при глупой церемоніи сжиганія костровъ,—здѣсь все было пропитано только ей одной понятной ироніей. Она припомнила именно такую купальную ночь тамъ, на далекомъ тепломъ югѣ, гдѣ около костровъ собралась счастливая молодежь. Какъ милы были дѣвичьи лица, улыбавшіеся безграничной радостью глаза,

напоенный молодыми пѣснями воздухъ, счастливая дрожь молодого смѣха... Она шла подъ-руку съ нимъ кругомъ такого горѣвшаго костра, а онъ шепталъ: „Это наше вѣнчанье... вкругъ ракитова куста!“... Она была счастлива тѣмъ счастьемъ, которое нагоняетъ страхъ. Да, счастлива, какъ человѣкъ, который только-что перенесъ самую рискованную и опасную операцію и болѣе не чувствуетъ боли. Онъ не забылъ этого момента и послалъ напомнить о немъ...

II.

Они не замѣтили, какъ солнце опустилось въ море и какъ зажглись первые костры въ дальнемъ концѣ пляжа. Публика съ дѣтской торопливостью хлынула въ сторону этихъ огней. Разодѣтыя дачныя дѣти бѣжали съ радостнымъ крикомъ, перегоняя другъ-друга. Особенно эффектно выдѣлялся одинъ костеръ, охваченный огнемъ сразу. Надъ нимъ крутившимся облакомъ поднимался багровый дымъ.

— Намъ пора...—нерѣшительно проговорилъ Павелъ Максимовичъ, поднимаясь и выгибая руку кренделемъ.

— Да?—точно удивилась она, торопливо опираясь на его руку.—Мы дожны исполнить предписаніе въ точности?

— Точно такъ-съ, Елена Григорьевна.

Они оба принужденно засмѣялись, вмѣшиваясь въ толпу публики, которой было сейчасъ не до нихъ.

— А вѣдь хорошо...—ни къ чему сказалъ Павелъ Максимовичъ, съ удовольствіемъ чувствуя, какъ Елена Григорьевна опирается на его руку и какъ отъ каждаго ея шага онъ получалъ толчокъ, точно его сердце начинало биться внѣ его тѣла.

— Что вамъ такъ понравилось?—спросила она такимъ тономъ, когда не ждутъ отвѣта.

— Я люблю огонь... Въ немъ есть что-то мистическое, символъ жизни... Вѣдь и наша жизнь есть только медленное сгараніе... Каждое наше чувство, каждая наша мысль есть только отблескъ этого невидимаго, внутренняго, пожирающаго насъ огня.

— Знаете, это очень красиво сказано, Павелъ Максимычъ... Вѣдь вы кончили университетъ?

— Да, только за границей... Потомъ я лѣтъ пять провелъ въ Англіи и страшно тосковалъ по родинѣ. Это смѣшно, а я, главнымъ образомъ, тосковалъ именно о томъ, что въ англійскихъ паркахъ и скверахъ нельзя разложить огня и посидѣть около него. Такъ, просто посидѣть, ни о чемъ не думая... Впрочемъ, я встрѣчалъ много такихъ огнепоклонниковъ, главнымъ образомъ, конечно, среди охотниковъ.

— Развѣ вы охотникъ?

— А вы какъ думаете?

Она посмотрѣла на него и недовѣрчиво покачала головой. Павелъ Максимовичъ меньше всего походилъ именно на охотника.

— У васъ есть родные въ Москвѣ?—спросила она, продолжая какую-то неожиданную мысль.

— Дальніе... Собственно отъ своей родни я какъ-то отвыкъ да и отъ своего купеческаго круга отсталъ. Сохранились одни дѣловыя отношенія... Какъ-то даже странно, когда знаешь людей съ дѣтства, даже радъ ихъ видѣть, а встрѣтишься—и сказать нечего.

— У богатыхъ московскихъ коммерсантовъ теперь мода давать своимъ дѣтямъ англійское воспитаніе?..

— Отчасти мода, а отчасти заставляетъ необходимость...

— Это очень оригинально, когда молодыя купеческія дѣвушки говорятъ по-англійски. Я сама слышала не одинъ разъ въ Ялтѣ...

Они шли и болтали обо всемъ, что приходило на умъ. Павелъ Максимовичъ говорилъ какъ-то торопливо, точно боялся, что не успѣетъ всего высказать. Она перебивала его и тоже торопилась. Вѣдь у нея было такъ мало времени, когда она могла быть сама собою, и, вѣроятно, поэтому она старалась выговориться.

— Вамъ приходило на умъ, Павелъ Максимычъ, что въ сущности мы, вѣдь, цѣлую жизнь

молчимъ, т.-е. говоримъ совсѣмъ не то, что хотѣли бы сказать? Я еще маленькой дѣвочкой прошла эту школу молчанія... А потомъ пришлось молчать еще больше... Есть спеціальное выраженіе: старческая болтливость. Ахъ, какъ я это понимаю!.. Не правда ли, какъ хорошо, когда уже ничто человѣка не стѣсняетъ... Я и теперь уже начинаю иногда думать по-старушечьи. Вѣдь, право, девять десятыхъ что̀ насъ волнуетъ и заботитъ, чего мы боимся и чему радуемся—все это пустяки, если посмотрѣть со стороны. Напримѣръ, мнѣ было всего тринадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ влюбилась. Принято обыкновенно смѣяться надъ этой влюбчивостью дѣвочекъ-подростковъ, а по-моему это совсѣмъ не смѣшно. Мой идеалъ тогда былъ пожилой учитель географіи, брюзгливый отъ пива, некрасивый, съ краснымъ носомъ вдобавокъ... Онъ на меня не обращалъ, конечно, никакого вниманія, а я вся дрожала, когда онъ проходилъ мимо, совершенно терялась, когда онъ спрашивалъ меня урокъ. Представьте себѣ, у меня до сихъ поръ сохранилось по отношенію къ нему что-то такое, какое-то смутное чувство, какъ сохраняются у растенія первые засохшіе листья... И мнѣ сейчасъ чего-то жаль, какъ жалѣешь потерянную вещь, когда кажется, что здѣсь такой другой больше не найдешь. Гдѣ онъ сейчасъ, мой учитель географіи? Можетъ-быть умеръ, можетъ-быть

спился окончательно, можетъ-быть попрежнему тянетъ свою учительскую лямку... А въ сущности, къ чему я это все говорю?...

— Я отлично васъ понимаю, Елена Григорьевна,—въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Павелъ Максимовичъ.—Въ этихъ недосказанныхъ словахъ и недоразвившихся чувствахъ есть своя логика, и они иногда дороже настоящихъ словъ и чувствъ. У меня была тоже такая привязанность, хотя я былъ гораздо старше васъ. Мальчики въ этомъ отношеніи развиваются позднѣе... Это было въ Лондонѣ. Я ее встрѣтилъ на одномъ людномъ гуляньѣ. Мальчики влюбляются въ дамъ, а не въ дѣвушекъ. Когда я ее увидѣлъ въ первый разъ, меня точно ударилъ электрическій токъ... Даже я затруднился бы отвѣтить, была ли она красива, или какъ тысячи другихъ женщинъ. Но я былъ полонъ ею, для меня ничего больше не существовало....

— Это, вѣроятно, была родная сестра моего учителя географіи?—пошутила Елена Григорьевна.

— По всей вѣроятности,—согласился онъ.—Посмотрите, почти уже всѣ костры горятъ... Очень хорошо!.. Если бы не было стыдно, я съ удовольствіемъ началъ бы бѣгать вокругъ нихъ вонъ съ тѣми счастливыми ребятишками. А вонъ та дѣвушка съ розовымъ зонтикомъ, которая давеча такъ заразительно смѣялась. Она успѣла уже сдѣлаться серьезной...

Начинали сгущаться лѣтнія сумерки. Морской горизонтъ закрывался широкими тѣнями. Огни отъ костровъ отражались въ водѣ. Пахло дымомъ.

— Зачѣмъ вы живете здѣсь?—спросила Елена Григорьевна послѣ длинной паузы.—Гунгербургъ—одинъ изъ самыхъ скучныхъ курортовъ, а у васъ свое имѣніе въ Крыму...

— Я? Зачѣмъ я живу здѣсь? Неужели вы не догадываетесь, Елена Григорьевна...

— Нѣтъ, одно время я пробовала догадаться, но вы—умный человѣкъ и, конечно, сами давно поняли, что я не изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ стоитъ скучать...

— А если мнѣ некуда больше итти? Я хочу дышать однимъ воздухомъ съ вами—и больше ничего...

— Могу пожалѣть только объ одномъ, что вы, значитъ, слишкомъ мало меня знаете...

— Но это не мѣшаетъ мнѣ, если можно такъ выразиться, *чувствовать* васъ, всю чувствовать...

— Чувствовать усталость, безволіе, тоску?

— Все, все!. Прибавьте къ этому еще ненависть...

Она вздрогнула и быстро отняла свою руку, точно онъ ее ударилъ...

— Да, ненависть...—повторилъ онъ, дѣлая удареніе.—О, какъ мнѣ это чувство знакомо! Но это не та здоровая настоящая ненависть, ко-

торая дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, а отраженное чувство, какъ прямое слѣдствіе безволія... Вѣдь собака, ненавидитъ палку, которой ее бьютъ. Здѣсь хуже... Моя ненависть только отраженіе моего рабства. Самою большою злостью, какъ извѣстно, отличаются самыя маленькія насѣкомыя, которыя умираютъ, вцѣпившись въ врага зубами. Нарушенная воля—первоисточникъ всевозможныхъ преступленій, особенно когда это утраченное душевное равновѣсіе окрашено личными чувствами.

Она отлично понимала, о чемъ онъ говоритъ, и ей дѣлалось страшно. Вѣдь всѣ эти безсвязныя мысли, совершенно непонятныя для постороннаго человѣка, служили тѣмъ полупризнаніемъ въ любви, которое такъ цѣнится умными женщинами. Зачѣмъ слова, когда они дѣлаются только шелухой и скорлупой таинственнаго зерна и когда вся суть заключается въ тембрѣ голоса, въ интонаціи, въ краснорѣчивыхъ паузахъ... И ей было больно, потому что этотъ странный молодой человѣкъ не хотѣлъ понять, что ей нечѣмъ было отвѣтить его настроенію. Развѣ можно объясняться въ любви съ женской тѣнью?

— Я встаю очень рано и люблю встрѣчать восходъ солнца,—продолжалъ Павелъ Максимовичъ.—Мы слишкомъ привыкли къ нему, т.-е. къ этому источнику жизни, въ которомъ уже впередъ заключены всѣ наши мысли и чувства,

радости и страданія. Эта блестящая, сверкающая и ослѣпляющая тайна, около которой вращается наша планета и которая въ то же время въ силу психическаго обмана кажется висящей надъ нашею головой... Вообще, если...

Онъ хотѣлъ что-то еще сказать, но въ этотъ моментъ кто-то назвалъ его по имени.

III.

Это былъ человѣкъ Арсеній, изъ кургауза, съ веснусчатымъ лицомъ, какими-то жесткими кудрями и ногтями въ траурѣ. Онъ прибѣжалъ на пляжъ безъ шапки и съ салфеткой подъ-мышкой.

— Палъ Максимычъ... извините, у насъ неладно въ нумерѣ.

— Что такое случилось?

Арсеній посмотрѣлъ на Елену Григорьевну и прибавилъ уже шопотомъ:

— Баринъ Аркадій Евгеньичъ померши...

Елена Григорьевна разслышала эту фразу и тихо вскрикнула. Арсеній струсилъ, что, можетъ-быть, напрасно сразу проговорилъ все дѣло и напугалъ барыню прежде времени, и, чтобы поправить ошибку, закрылъ ротъ рукою.

— Ты что-нибудь путаешь...—строго замѣтилъ Павелъ Максимовичъ, подавая руку Еленѣ Григорьевнѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Палъ Максимычъ... Я, значитъ, отворилъ дверь въ ихній нумеръ, а они изволятъ лежать на полу и не дышутъ-съ... я и побѣжалъ объявить вамъ... Ноги даже трясутся со страху... Какъ есть безъ дыханія лежатъ на коврѣ у письменнаго стола...

Всѣ трое ускореннымъ шагомъ отправились къ кургаузу. Елена Григорьевна тяжело дышала. До кургауза было всего минутъ десять ходьбы, но эта дорога сейчасъ показалась безконечной. Было уже темно, и Павелъ Максимовичъ по близорукости нѣсколько разъ запинался на совершенно гладкой дорожкѣ. Человѣкъ Арсеній изъ вѣжливости не рѣшился обойти господъ, а свернулъ на сосѣднюю дорожку и побѣжалъ бѣгомъ.

— Доктора... Ради Бога, доктора!—крикнула ему вслѣдъ Елена Григорьевна.

— Слушаю-съ!—долетѣлъ изъ темноты отвѣтъ.

— Доктора!—крикнулъ Павелъ Максимовичъ охрипшимъ отъ волненія голосомъ.

— Слушаю-съ...

Гунгербургскій курзалъ по вечерамъ освѣщался какъ-то особенно привѣтливо, точно онъ былъ насыщенъ уютнымъ теплomъ. Нумеръ Елены Григорьевны выходилъ прикрытымъ полосатою маркизой балкономъ къ морю, и сейчасъ можно было видѣть отворенную дверь, потому что на

письменномъ столѣ Аркадія Евгеньевича горѣла лампа.

— Съ нимъ это случалось и раньше,—говорила Елена Григорьевна, подбирая шелестѣвшую шелковую юбку.— Да, случалось... въ Кіевѣ... потомъ когда мы были въ Варшавѣ... У него сердце не въ порядкѣ... Вѣдь вы знаете доктора Брусницына? Полный такой... Мы съ нимъ встрѣчаемся за табльдотомъ... Такъ онъ предупреждалъ Аркадія Евгеньича...

— Докторъ самъ, кажется, тоже боленъ?

— И даже очень боленъ... У него тоже сердце... Онъ такъ спокойно говоритъ о своей смерти...

— Я не люблю людей, которые много ѣдятъ,— замѣтилъ Павелъ Максимовичъ совершенно не къ мѣсту, припоминая прекрасный аппетитъ доктора Брусницына.

Человѣкъ Арсеній встрѣтилъ господъ въ дверяхъ нумера; въ коридорѣ толпилось нѣсколько горничныхъ, а въ нумерѣ толстый докторъ Брусницынъ, стоя на колѣняхъ, старался привести лежавшаго на полу больного въ чувство.

— Докторъ, ради Бога, что случилось,—умоляюще шептала Елена Григорьевна, опускаясь на колѣни, чтобы поддержать безсильно перекатывавшуюся голову больнаго.

— Нечего особеннаго...—грубовато отвѣтилъ докторъ.—Дайте одеколонъ... Можетъ-быть есть англійская соль... Натирайте одеколономъ ви-

ски... Человѣкъ, принесите льду... Мадамъ, помогите разстегнуть рубашку...

Еленѣ Григорьевнѣ, несмотря на волненіе, невольно бросилась въ глаза эта разсчитанная грубость доктора. Раньше онъ былъ совсѣмъ другимъ. Но теперь было не до этого, и она покорно исполняла докторскія приказанія. Больной лежалъ на лѣвомъ боку. Это былъ средняго роста худощавый господинъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и плотно сжатыми губами. Большой лобъ оттѣнялся густою темною шевелюрой, въ которой уже сквозила преждевременная сѣдина. Темные усы скрывали некрасивый чувственный ротъ. Въ общемъ это было самое обыкновенное лицо, которое оживлялось только странными сѣрыми глазами, пристальными, строгими, насмѣшливыми и въ минуту возбужденія казавшимися совсѣмъ черными. Но сейчасъ эти глаза были закрыты, и лицо оставалось обыкновеннымъ.

Павелъ Максимовичъ стоялъ около письменнаго стола и смотрѣлъ, какъ умѣло и быстро руки Елены Григорьевны исполняли докторскія слова. Докторъ раза два вскидывалъ на него свои глаза и почему-то считалъ нужнымъ морщиться. Сознавая свою безполезность, Павелъ Максимовичъ все-таки не рѣшался уйти въ свой нумеръ. Ему казалось, что это бѣгство можетъ обидѣть Елену Григорьевну. Когда больной полуоткрылъ одинъ

глазъ, Павелъ Максимовичъ вздрогнулъ отъ какого-то терпкаго и непріятнаго ощущенія, какъ дрессированное животное, когда къ нему подходитъ хозяинъ. Боже мой, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы эти глаза никогда не открывались.

— Что вы тутъ стоите? — обратился къ нему докторъ, хмуря брови.—Помогите намъ перенести его на кровать... Мадамъ, вы поддерживайте голову...

Несмотря на свою худощавость и маленькій ростъ, больной оказался настолько тяжелымъ, что потребовалась помощь Арсенія. Когда больной былъ положенъ въ кровать и раздѣтъ, онъ тяжело вздохнулъ и удивленно открылъ глаза.

— Ну, вотъ все и кончилось,—недовольнымъ голосомъ замѣтилъ докторъ. — Теперь покой, покой и покой... Я кстати пропишу одну микстурочку, которая въ сущности и не нужна. Да... Крѣпкій куриный бульонъ... молоко, а еще лучше простокваша... и больше ничего.

Докторъ любилъ подшучивать надъ своей медицинскою кухней и въ то же время обижался, если другіе шутили надъ ней. Написавъ рецептъ, онъ грузно поднялся и, не простившись, пошелъ къ дверямъ. Елена Григорьевна догнала его въ коридорѣ.

— Докторъ, ради Бога, что̀ съ *нимъ*?

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на нее черезъ очки и сухо спросилъ:

— Онъ много пилъ?

— Никогда!..

— Вы въ этомъ убѣждены? Гм... Можетъ-быть, онъ страдалъ нѣкоторыми грѣхами юности...

— Докторъ...

Докторъ задалъ еще одинъ вопросъ, который заставилъ Елену Григорьевну покраснѣть съ ушами. Она быстро повернулась и бѣгомъ бросилась въ свой нумеръ. Докторъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, снялъ очки и долго ихъ протиралъ, точно они мѣшали ему просмотрѣть что-то такое важное и рѣшающее.

— *Онъ* зналъ толкъ въ хорошихъ сигарахъ, а это главное...—бормоталъ докторъ, спускаясь по лѣстницѣ въ общую залу.—Да, самое главное...

Человѣкъ Арсеній былъ нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены и, провожая глазами спускавшагося по лѣстницѣ доктора, обругалъ его требушиной. Зачѣмъ онъ обижаетъ барыню, которая всегда даетъ на чай?

Павелъ Максимовичъ оставался у постели больного, который лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ дышалъ неровно, съ усиліемъ набирая воздухъ. Когда Елена Григорьевна вернулась, онъ открылъ глаза, и Павлу Максимовичу показалось, что онъ улыбнулся.

— Тебѣ лучше, Аркадій?—тихо спросила Елена Григорьевна, наклоняясь къ нему.

— Ничего... пройдетъ... — съ трудомъ отвѣтилъ онъ.

Она видѣла по его безпокойному взгляду, что онъ что-то старается припомнить и не можетъ. Павелъ Максимовичъ ушелъ въ кабинетъ и принялся осторожно шагать по мягкому ковру. Его вниманіе обратилъ валявшійся на полу разорванный конвертъ, котораго онъ раньше не замѣтилъ. На письменномъ столѣ лежало письмо, вѣроятно, вынутое изъ этого конверта. Павелъ Максимовичъ никогда не читалъ чужихъ писемъ, но именно это, лежавшее на столѣ, письмо тянуло его къ себѣ, какъ магнитъ. У него мелькнула мысль, что между этимъ письмомъ и обморокомъ Аркадія Евгеньевича есть какая-то связь. Не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, Павелъ Максимовичъ какимъ-то крадущимся шагомъ подошелъ къ столу, схватилъ письмо и быстро спряталъ его въ карманъ. Какъ-разъ въ этотъ моментъ вошла Елена Григорьевна и удивилась, что Павелъ Максимовичъ покраснѣлъ и какъ-то виновато спряталъ руку въ карманъ.

IV.

Павелъ Максимовичъ прямо убѣжалъ изъ нумера, оставивъ Елену Григорьевну въ полномъ недо-

умѣніи. У него стучала кровь въ вискахъ, сердце билось тяжело, голова горѣла. Его нумеръ былъ въ концѣ коридора и выходилъ окнами въ сосновый лѣсокъ,—Павелъ Максимовичъ не выносилъ морского вѣтра и шума прибоя.

— Что я сдѣлалъ? — думалъ онъ въ ужасѣ, хватаясь за голову. — Вѣдь это воровство... Боже мой, до чего я дошелъ!

Но вѣдь все можно исправить. Да, нужно исправить... На него напала рѣшимость безвольнаго человѣка. Вѣдь онъ письма не читалъ, слѣдовательно виноватъ только вполовину... Придерживая письмо въ карманѣ, Павелъ Максимовичъ направился твердою походкой въ коридоръ и къ нумеру Елены Григорьевны. По дорогѣ его встрѣтилъ какой-то знакомый по табльдоту, фамилію котораго онъ забылъ. Неизвѣстный знакомый что-то его спрашивалъ, и, вѣроятно, получилъ очень безсвязный отвѣтъ, потому что посмотрѣлъ на него удивленными глазами.

— Извините, я спѣшу,—пробормоталъ Павель Максимовичъ.

Этотъ господинъ испортилъ все дѣло, потому что, когда Павелъ Максимовичъ подошелъ къ нумеру больного, ему сдѣлалось страшно, и онъ зашагалъ по коридору въ другой конецъ, выходившій открытымъ окномъ въ садикъ кургауза, гдѣ сейчасъ играла музыка. Ночь была ти-

хая, темная, и въ зелени садовыхъ деревьевъ, какъ свѣтлячки, красиво мелькали разноцвѣтные фонарики. Павлу Максимовичу сдѣлалось душно, и онъ съ трудомъ набиралъ въ легкія воздухъ. На лбу у него выступалъ холодный потъ, въ ногахъ чувствовалась нервная дрожь. А въ саду лилась музыка, радостная и зовущая, которая нагоняла сладкую тоску. Эти мѣдныя трубы, скрипки и віолончели досказывали невысказанное, то, чему нѣтъ словъ и мѣры.

Собравъ послѣднія силы, Павелъ Максимовичъ почти бѣгомъ бросился къ нумеру Елены Григорьевны. Онъ прислушался у двери,—тамъ было все тихо. На осторожный стукъ, въ дверяхъ показалась Елена Григорьевна, успѣвшая переодѣться въ сѣрый капотъ.

— Это я... письмо... т.-е., я его укралъ,—шопотомъ проговорилъ Павелъ Максимовичъ, подавая письмо. — Но я не читалъ... даю честное слово...

— Письмо? Да, *онъ* спрашивалъ про него...— шопотомъ же отвѣтила Елена Григорьевна, перечитывая нѣсколько, совершенно непонятныхъ для нея, строкъ и неразборчивую подпись.—Что это такое... Отъ кого?.. Вотъ прочтите...

Въ запискѣ стояло: „На югѣ жарко и пыльно. Бойтесь сѣверо-восточнаго вѣтра, чтобы не простудиться. Буду“. Очевидно, письмо было шифрованное, какъ и подпись.

— Тайны мадридскаго двора, — проговорила Елена Григорьевна, вынужденно улыбаясь.—Покойной ночи, Павелъ Максимычъ.

— Если вамъ что-нибудь нужно, я къ вашимъ услугамъ...

— Благодарю васъ, но припадокъ уже прошелъ...

На этотъ разъ Елена Григорьевна ошиблась. Припадокъ повторился. Когда она вернулась въ спальню, больной лежалъ съ открытыми глазами и посмотрѣлъ на нее съ своей обычной подозрительностью..

— Ты это съ кѣмъ разговаривала тамъ? — спросилъ онъ.

— Я? Ни съ кѣмъ, — солгала Елена Григорьевна.

— Я слышалъ, какъ ты съ кѣмъ-то шепталась, и слышалъ мужской голосъ.

— Тебѣ это показалось, Аркадій...

— Ты лжешь?!.—рѣзко крикнулъ онъ, приподнимаясь на локоть и не сводя съ нея глазъ.

Она вынужденно засмѣялась и отвѣтила, стараясь сохранить простоту тона:

— Ахъ, да, виновата: приходилъ Арсеній, и я спрашивала его, не видалъ ли онъ того письма, о которомъ ты меня давеча спрашивалъ. Представь себѣ, оно валялось на полу.

— Еще разъ лжешь: оно оставалось на столѣ!

— Нѣтъ, на полу... И въ суматохѣ Арсеній

бросилъ его въ корзинку. Я его нашла и сейчасъ тебѣ принесу.

— Не нужно... Мнѣ только хотѣлось знать, какъ ты умѣешь обманывать...

— Аркадій, ты меня оскорбляешь...

— Довольно... мнѣ дурно...

По начавшимся конвульсіямъ Елена Григорьевна поняла, что опять будетъ припадокъ, и быстро позвонила.

— Ради Бога, скорѣе доктора!.. крикнула она горничной.

— Они въ ресторанѣ ужинаютъ...

Докторъ, дѣйствительно, ужиналъ въ обществѣ барона фонъ-Клаккъ и еще какого-то господина съ закрученными рыжими усами. Онъ поморщился, когда горничная вызвала его.

— Опять припадокъ?—говорилъ онъ, вытирая губы салфеткой. — Не можетъ этого быть... Ты что-нибудь напутала. Господа, извините, я сейчасъ вернусь...

— Мы подождемъ, Егоръ Иванычъ, — съ изысканной любезностью отвѣтилъ баронъ, поправляя распушенные по-кошачьи усы. — Это у Искрицкихъ кто-то боленъ?

— Да, припадокъ... — неохотно отвѣтилъ докторъ.

Когда онъ вышелъ, господинъ съ рыжими усами спросилъ:

— Это господинъ небольшого роста и очень красивая молодая дама?

— Да, очень колоритная брюнетка...

Еще разъ поправивъ усы, баронъ равнодушно прибавилъ.

— Какая-то таинственная парочка... Никто ихъ здѣсь не зоветъ, и они ни съ кѣмъ не знакомятся. Впрочемъ, онъ прекрасный партнеръ въ винтъ...

— Да? А вы не обратили вниманія на его лѣвую руку; средній палецъ у него не разгибается... Впрочемъ, я, можетъ-быть, и ошибаюсь. Вѣроятно, есть нѣсколько Искрицкихъ.

Докторъ вошелъ въ нумеръ Искрицкихъ съ недовольнымъ лицомъ и какъ-то брезгливо проговорилъ:

— Что у васъ такое?

— Кажется, повторяется припадокъ.

— Пустяки!

Больной лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Пульсъ былъ ненормальный, съ перебоями и остановками. На лбу показался холодный потъ. Докторъ покосился на стоявшую на ночномъ столикѣ склянку съ лѣкарствомъ и попробовалъ на языкъ остатки этого лѣкарства изъ стоявшей рядомъ рюмки.

— Это вы прописали ему третьяго дня, докторъ,—объяснила Елена Григорьевна.

— Да, да, помню... Я вамъ пропишу новую микстурку.

Прописывая въ сосѣдней комнатѣ новый рецептъ, докторъ, не глядя на хозяйку, говорилъ:

— У васъ въ спальнѣ... да... для чего, однимъ словомъ, торчатъ эти дурацкіе чемоданы? Они отнимаютъ напрасно воздухъ...

Объяснивъ употребленіе новаго лѣкарства, докторъ прибавилъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Странный случай... совсѣмъ странный. Необходимо подождать, какъ все выяснится... Кстати я захвачу съ собой старую микстурку... Мнѣ кажется, что въ аптекѣ не совсѣмъ правильно ее приготовили...

Елена Григорьевна чувствовала, какъ докторъ при послѣднихъ словахъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо съ какой-то особенной пристальностью, и покраснѣла.

— Да, такъ велите убрать ваши чемоданы,— еще разъ повторилъ докторъ, останавливаясь въ дверяхъ.—Странный случай вообще...

Въ коридорѣ докторъ встрѣтилъ Павла Максимовича, остановился и проговорилъ:

— Очень странный и непонятный случай... да..

— Опять припадокъ, докторъ?

— Нѣтъ, но что-то такое... А впрочемъ, идемте ужинать. Тамъ баронъ ждетъ... Можемъ повинтить.

Павелъ Максимовичъ покорно побрелъ за док-

торомъ. Онъ все время шагалъ по коридору, какъ часовой, и былъ радъ, что чужая воля вытолкнула его отсюда.

V.

Елена Григорьевна переживала жгучее чувство несправедливаго оскорбленія, нанесеннаго ей докторомъ. Изъ его разспросовъ и полусловъ она отлично поняла, что онъ ее подозрѣваетъ въ медленномъ отравленіи мужа. Ему оставалось досказать всего нѣсколько роковыхъ словъ. Больной, кстати, притворялся, что ничего не сознаетъ, — онъ всегда притворялся. Когда докторъ вышелъ, онъ проговорилъ:

— Докторъ глупъ... Онъ тебя подозрѣваетъ въ желаніи меня отравить, но у тебя не хватитъ на это силы воли. А мнѣ очень скверно, и я умру безъ твоей помощи. Чемоданы не смѣй трогать... Еще разъ: докторъ глупъ.

Какая ужасная, мучительная ночь!.. Еленѣ Григорьевнѣ казалось, что всѣ подслушиваютъ ея тайную мысль. Да, всего одинъ рѣшительный шагъ, и она свободна... Боже мой, чего бы она ни дала за эту свободу!.. Человѣкъ, котораго она ненавидѣла всей душой, былъ сейчасъ въ ея полной власти. Такого другого момента можетъ не повториться. Отомстить за всю свою изломанную жизнь, вырваться на свободу и по-

лучить величайшее счастье быть только самой собой,—это стоило риска. Если бы только знали, какъ она ненавидѣла этого человѣка, съ которымъ связала ее безжалостная судьба... И въ то же время она не знала, что это за человѣкъ, кто онъ и что онъ. Было извѣстно одно,—его желѣзная воля, которая чувствовалась даже случайными знакомыми, какъ Павелъ Максимовичъ Чвановъ, молодой московскій купчикъ съ университетскимъ образованіемъ.

Больной тревожно дремалъ. Раза два у него начинался бредъ. Чтобы не заснуть, Елена Григорьевна выходила на свой балкончикъ. Ночь была темная, и только съ моря чуть-чуть тянуло утренней свѣжестью. Музыка изъ сада перешла въ залу кургауза, гдѣ шелъ четверговый танцовальный вечеръ. Слышалось взвизгиванье скрипокъ и глухое подвыванье мѣдныхъ трубъ. Кому-то весело, кто-то радуется... Когда-то и она тоже веселилась. Но, Боже, какъ это было давно! Она точно во снѣ видѣла себя въ розовомъ платьѣ, счастливую, трепещущую отъ безпричинной радости, съ счастливыми глазами и счастливою улыбкой! Неужели это была она, Елена Григорьевна?

Ей хотѣлось плакать. Ей было жаль тѣхъ дѣвушекъ, которыя сейчасъ танцовали тамъ, въ освѣщенной залѣ, и были счастливы. Какое жестокое пробужденіе ожидаетъ ихъ всѣхъ, бѣд-

ненькихъ... Да, плакать... Вотъ, точно сквозь сонъ, подходитъ къ ней, той Еленѣ Григорьевнѣ, которая танцовала въ розовомъ платьѣ, ея будущій мужъ, Ефимъ Петровичъ Серединъ, учитель гимназіи. Развѣ она могла тогда подумать, что это подходило къ ней несчастье всей ея жизни? Онъ не былъ красавцемъ, но въ немъ было что-то такое, что нравилось женщинамъ, и онѣ, эти женщины, съ завистью и затаенною злобой слѣдили за ней, осчастливленной его вниманіемъ. Потомъ онъ пріѣхалъ къ нимъ съ визитомъ, и старушка-мать какъ-то сразу довѣрилась ему.

— Это серьезный мужчина, Елена, не какой-нибудь вертопрахъ.

Потомъ она выходила замужъ, какъ выходили другія дѣвушки. Однимъ изъ поводовъ такого рѣшающаго поступка была смерть отца. Мать оставалась съ маленькою пенсіей. Былъ еще братъ неудачникъ, который пропадалъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. *Онъ* все это зналъ и началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Замужество не принесло счастья, какъ не принесъ его и первый ребенокъ, родившійся какимъ-то чужимъ и ненужнымъ. Онъ скоро умеръ, какъ уходитъ изъ дома гость не-во-время. Елена Григорьевна никогда не любила мужа, и никто изъ мужчинъ ей не нравился. Она рѣшила про себя, что принадлежитъ къ типу тѣхъ женщинъ, которыя не способны любить, и не жалѣла о томъ, тѣмъ

болѣе, что уже привыкла къ мужу и своему положенію замужней женщины. Бывали, конечно, отдѣльные моменты какой-то неопредѣленной тоски, но все это проходило.

— Счастье, какъ здоровье, существуетъ только тогда, когда его не замѣчаешь,—объясняла ей мать въ такія минуты безпричинной хандры и смутнаго безпокойства.—*Это* все случается отъ того, что нынѣшнія дамы читаютъ слишкомъ много романовъ... Я знала нѣсколько такихъ случаевъ: начитается дама романовъ и пошла, и пошла. И жизнь-то ее не удовлетворяетъ, и среда-то ее, бѣдную, заѣла, и никакихъ ея идеаловъ никто не можетъ проявить, и все это прежде всего валится на голову бѣднаго мужа. Ты подумай только, что вѣдь нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ непремѣнно героемъ, да еще героемъ у себя дома, въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ даже ни красивыхъ, ни безобразныхъ людей...

Елена Григорьевна, дѣйствительно, много читала, читала даже не изъ потребности читать, а, какъ большинство женщинъ, читала, чтобы убить время. Ее удивляло, какія нелѣпости пишутъ господа авторы. Вѣдь такихъ мужчинъ и женщинъ никогда не бываетъ. Все придумано и все кое-какъ сшито на живую нитку. А какія невозможныя чувства описываются, и всѣ любовныя сцены по одному шаблону: встрѣча съ

нимъ, оба поражены, и т. д. Онъ начинаетъ ухаживать сначала почтительно и робко, она не желаетъ его замѣчать, потомъ какая-нибудь роковая случайность, и она дѣлаетъ пріятное открытіе, что не можетъ безъ него жить, что другого такого человѣка нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, что она до сихъ поръ еще ничего не знала и жила какъ во снѣ, что впереди раскрывается свѣтлое будущее. Ахъ, какъ это скучно, господа авторы, чтобы не сказать больше...

Прислушиваясь къ гудѣвшей внизу музыкѣ, Елена Григорьевна припомнила и тотъ роковой моментъ, когда встрѣтилась съ Аркадіемъ Евгеньевичемъ. Это было въ Крыму. Она съ мужемъ „дѣлала сезонъ“ въ Ялтѣ. Ахъ, какъ все, все было глупо, нелѣпо и еще разъ глупо, точно она повторяла собственнымъ опытомъ самый глупый изъ всѣхъ романовъ, какіе только приходилось ей читать. Да, настоящій романъ... Они обѣдали во французскомъ ресторанчикѣ надъ моремъ. Она была занята тѣмъ, что бросала ломтики бѣлаго хлѣба и любовалась, какъ на нихъ бросались цѣлыя стаи кефали и съ жадностью съѣдали одинъ ломтикъ за другимъ. Вода у берега была изумрудно-зеленаго цвѣта, и бойкія рыбки мелькали въ ней, какъ брошенная въ море горсть серебряной монеты.

— Елена, позволь тебѣ представить моего

знакомаго,—проговорилъ мужъ,—Аркадій Евгеньевичъ Искрицкій.

Она почему-то вздрогнула и съ нерѣшительнымъ видомъ протянула руку новому знакомому. Мужъ пригласилъ его пообѣдать къ ихъ столику и былъ какъ-то особенно любезенъ. За обѣдомъ Елена Григорьевна все время чувствовала на себѣ пристальный взглядъ этого новаго знакомаго и чуть-чуть даже разсердилась на него, потому что *такъ* смотрѣть для перваго знакомства по меньшей мѣрѣ невѣжливо. Ее возмущало и то, что мужъ, очень ревнивый по натурѣ, точно нарочно не желалъ ничего замѣчать. Что они говорили за обѣдомъ,— совершенно выпало изъ ея памяти, потому что болтали какіе-то пустяки. Прощаясь, Искрицкій такъ пожалъ руку Елены Григорьевны, что она невольно съ удивленіемъ посмотрѣла ему прямо въ лицо и сейчасъ же опустила глаза, встрѣтивъ пристальный взглядъ его сѣрыхъ упрямыхъ глазъ.

— Какой-то странный этотъ Искрицкій,—замѣтилъ мужъ, когда они остались вдвоемъ.

— Да, странный... Гдѣ ты съ нимъ познакомился?

— Хорошенько не помню... Кажется, гдѣ-то на пароходѣ. И даже не знаю, чѣмъ онъ занимается. Богатый человѣкъ, какъ кажется...

Богатство въ глазахъ мужа Елены Григорьевны являлось чѣмъ-то въ родѣ титула, какой дается

только избранникамъ. Богатство—это все, какъ самая точная изъ всѣхъ мѣръ.

Первое знакомство тѣмъ и кончилось. Въ слѣдующій разъ они встрѣтились на пароходѣ, когда возвращались моремъ изъ Ялты въ Севастополь.

— Опять этотъ твой знакомый,—замѣтила Елена Григорьевна недовольнымъ тономъ.

Не встрѣтиться лицомъ къ лицу, когда всѣ ѣхали въ первомъ классѣ, было невозможно. Искрицкій подошелъ первымъ. Елена Григорьевна обратила вниманіе, что онъ былъ одѣтъ съ какой-то особенной изысканностью, на англійскій манеръ, и даже въ рукахъ у него была какая-то новенькая англійская книга. Всѣмъ пришлось опять обѣдать вмѣстѣ. Елена Григорьевна опять чувствовала на себѣ его упорный взглядъ, но на этотъ разъ уже не стѣснялась. Въ концѣ обѣда мужчины поспорили, при чемъ Искрицкій отстаивалъ свое мнѣніе съ какимъ-то холоднымъ достоинствомъ, точно дарилъ каждое слово своему оппоненту. Кажется, онъ ничего не пилъ, кромѣ содовой воды, и во время спора его лицо принимало непріятное выраженіе.

— Это—невозможный человѣкъ,—резюмировалъ мужъ Елены Григорьевны свое впечатлѣніе.

У нея запала одна фраза, которую Искрицкій точно уронилъ, пожимая ея руку на прощаніи:

— Мы еще встрѣтимся ..

Она почему-то улыбнулась и ничего не отвѣтила.

VI.

Они, дѣйствительно, встрѣтились. Это было зимой въ Одессѣ. Искрицкій, какъ злой духъ, преслѣдовалъ Елену Григорьевну на каждомъ шагу, даже у ея знакомыхъ, съ которыми онъ умѣлъ знакомиться съ цѣлью встрѣчать ее. Ей буквально никуда нельзя было показать глазъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ. Она дошла до такого состоянія, что чувствовала его присутствіе даже издали, и начала его ненавидѣть. Собственно, это была даже не ненависть, а смѣшанное чувство неопредѣленнаго отвращенія и безпричиннаго страха.

Это настойчивое ухаживаніе довело Елену Григорьевну до того, что она разъ довольно рѣзко замѣтила ему:

— Вы не обидитесь, Аркадій Евгеньичъ, если я попрошу васъ не удѣлять мнѣ такъ много вниманія? Кажется, я ничѣмъ его не заслужила...

Въ отвѣтъ онъ только улыбнулся, что ее окончательно вывело изъ терпѣнія.

— Вы забываете, въ какое глупое положеніе меня ставите безъ малѣйшаго повода съ моей

стороны. Да... И забываете, наконецъ, что у меня есть мужъ.

— Мужъ тотъ, кто владѣетъ женщиной...

— Что же, по-вашему, женщиной можно владѣть, какъ вещью? Еще разъ: вы ошибаетесь... И мнѣ странно, что все это я говорю вамъ, совершенно постороннему человѣку. Вы меня сердите...

— А когда человѣкъ сердится, онъ обязательно дѣлается несправедливымъ. Впрочемъ, это совершенно все равно. Простите, какое у насъ сегодня число?

— Восьмое декабря.

— Да, именно восьмое, а тринадцатаго вы будете въ клубѣ... одиннадцать часовъ...

— Вы, кажется, дошли до того, что назначаете свиданія? Мнѣ васъ жаль, чтобы не сказать больше... Какъ порядочная женщина, я не имѣю права слушать подобныя вещи. Наконецъ, мнѣ просто не нравится тонъ, какимъ вы говорите со мною...

— Не забудьте: тринадцатое число...

— Что это, гипнотизмъ? Какой вы смѣшной, Аркадій Евгеньичъ...

Онъ опять разсмѣялся и отвѣтилъ ея тономъ:

— Да, я смѣшной... Даже, если хотите, немного больше, чѣмъ смѣшной.

И она пришла тринадцатаго числа въ клубъ, хотя совсѣмъ объ этомъ не думала. Даже боль-

ше, — тринадцатаго она была должна ѣхать къ матери. Онъ ее встрѣтилъ въ дверяхъ танцовальной залы и показалъ на свои часы. Было ровно одиннадцать. Она вся вспыхнула, припоминая забытый разговоръ.

— Одна изъ величайшихъ добродѣтелей — умѣть слушаться, — замѣтилъ онъ съ какою-то особенною ласковостью.

— Если вы порядочный человѣкъ, то, ради Бога, оставьте меня,—умоляюще отвѣтила она, чувствуя, что говоритъ глупость.

Онъ отвѣтилъ взглядомъ, въ которомъ было столько муки, отчаянія и покорности. Она только теперь поняла, какой это глубоко несчастный человѣкъ, и ей сдѣлалось совѣстно, что она явилась причиною этого несчастья.

И сейчасъ Елена Григорьевна не могла вспомнить объ этомъ глупомъ моментѣ своей жизни безъ краски въ лицѣ. Что это собственно было,— она до сихъ поръ не могла отдать себѣ яснаго отчета. Она могла сравнить себя съ мышью, посаженной подъ воздушный колоколъ, изъ котораго медленно выкачиваютъ воздухъ. Около нея образовалась гнетущая пустота, ей хотѣлось крикнуть о спасеніи, какъ это бываетъ иногда во снѣ,—и не было голоса. Она была наполнена имъ однимъ, и остальной міръ больше не существовалъ. Меньше всего къ этому состоянію подходило слово „любовь“.

Боже мой, что было тогда съ ней... Она обманывала всѣхъ, лгала всѣмъ своимъ тѣломъ, каждымъ словомъ и взглядомъ. Несчастный мужъ сдѣлался первою жертвой этой несчастной страсти, и Еленѣ Григорьевнѣ нисколько не было его жаль. Она съ хитростью обезьяны устраивала свиданія у него подъ носомъ, и чѣмъ рискованнѣе было положеніе, тѣмъ сильнѣе наслажденіе.

— Что съ тобою, Леля?—удивлялась старушка-мать. - Ты вся какая-то чужая...

— Нѣтъ, ничего особеннаго, мама, — лгала Елена Григорьевна, глядя матери прямо въ глаза.

Ревность мужа она тушила вымученной нѣжностью и наслаждалась собственнымъ позоромъ, точно мстила кому-то. И въ то же время она не могла сказать, что любитъ Аркадія Евгеньевича, больше,—когда она его не видѣла, въ ея душѣ пробуждалось злобное чувство къ нему. Но достаточно было ему войти въ комнату, какъ она дѣлалась покорной, въ родѣ тѣхъ дрессированныхъ „на свободѣ“ цирковыхъ лошадей, которыя видятъ только одинъ хлыстъ. Что будетъ и какъ будетъ, — объ этомъ не могло быть и мысли. Онъ приказывалъ—она исполняла.

— Мы уѣзжаемъ изъ Одессы и, вѣроятно, навсегда,—командующимъ тономъ заявилъ онъ весной. — Предупредите вашу мать... Что касается мужа, то онъ въ данный моментъ не-

множко меньше посторонняго человѣка. Можете и ему оставить какую-нибудь записку. Долженъ предупредить, что послѣ нашего отъѣзда не въ его интересахъ встрѣчаться со мною.

— Какъ въ старинныхъ романахъ: „я бью пулей туза пикъ, у меня стальные мускулы“, и т. д.

— Это все равно. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ.

Она не имѣла силы объясниться ни съ матерью, ни съ мужемъ, а оставила имъ по письму. Мужу было написано, что она уѣзжаетъ навсегда и что онъ только напрасно потеряетъ свое время, если будетъ ее разыскивать. Письмо къ матери носило мелодраматическій характеръ, и сейчасъ Еленѣ Григорьевнѣ было совѣстно за тѣ глупыя и пустыя слова, какими она обманывала старушку. Всего хуже было то, что она въ тотъ моментъ сама вѣрила этимъ пустымъ словамъ, какъ фальшивый монетчикъ начинаетъ вѣрить собственной фальшивой монетѣ, когда она бойко расходится и принимается за настоящую. Это былъ апогей всяческой лжи.

Они уѣхали. Куда? Зачѣмъ? Меньше всего объ этомъ знала она, Елена Григорьевна. Она повиновалась съ какою-то озлобленною покорностью. Э!.. Все равно, тѣмъ болѣе, что возврата нѣтъ и не можетъ быть. Она удивилась только тогда, какъ въ Москвѣ оказалась m-me Искрицкой. Никакихъ своихъ документовъ она не имѣла,

и мужъ ни за что не выдалъ бы ей отдѣльнаго вида на жительство. Въ первое время ее больше всего интересовалъ вопросъ, что за человѣкъ Аркадій Евгеньевичъ и какое его общественное положеніе. Онъ былъ уменъ, и на всѣ наводящіе вопросы отвѣчалъ одною фразой:

— Твой рабъ, Елена.. Вотъ и все мое общественное положеніе.

Они нигдѣ не заживались подолгу и разъѣзжали по всей Россіи. Елену Григорьевну удивляло, что у Аркадія Евгеньевича была такая масса знакомыхъ. Чуть городъ побольше — его уже кто-нибудь встрѣчалъ на станціи. А сколько писемъ и телеграммъ. Что особенно не нравилось Еленѣ Григорьевнѣ, такъ это тѣ быстрые переѣзды, которые происходили время-отъ-времени по этимъ телеграммамъ. Нѣсколько разъ случалось такъ, что приходилось уѣзжать черезъ часъ или черезъ два. Аркадій Евгеньевичъ отличался въ этомъ отношеніи величайшей аккуратностью и всегда готовъ былъ къ отъѣзду.

— Мои чемоданы—мой домъ,—шутилъ онъ.

— Я это понимаю,—соглашалась Елена Григорьевна.—Когда ты пожелаешь избавиться отъ меня, то это для тебя не составитъ особеннаго труда.

Самою удивительною чертой въ характерѣ Аркадія Евгеньевича было какое-то особенное, почти женское малодушіе. Елена Григорьевна

не повѣрила собственнымъ глазамъ, когда въ первый разъ увидѣла его растеряннаго, блѣднаго, со слезами на глазахъ. Она перепугалась.

— Что такое случилось?!.

— Ахъ, оставь меня, пожалуйста... Все пройдетъ. Это маленькій нервный припадокъ.

Да, онъ плакалъ, какъ нервная женщина. Второю характерною чертой было то, что Аркадій Евгеньевичъ не умѣлъ смѣяться, а улыбка у него являлась только конвульсіей.

VII.

Была ли она счастлива? Нѣтъ. Больше того,— она вѣчно находилась въ страхѣ. Временами Аркадій Евгеньевичъ обращался съ нею очень грубо и даже билъ, если она выражала хоть малѣйшій протестъ. Чисто-физическое страданіе совершенно погашалось сознаніемъ несмываемаго позора. Да, ее били, какъ хозяинъ бьетъ собаку... Ей казалось, что она сойдетъ съ ума отъ ужаса подобнаго существованія, но второй опытъ въ этомъ направленіи уже не произвелъ такого впечатлѣнія. Она даже не плакала, а, только впала въ какое-то оцѣпенѣлое состояніе, какъ змѣя, которую схватили за хвостъ. Потомъ явилось совершенно подлое соображеніе: вѣдь и другихъ женщинъ тоже бьютъ... Да, бьютъ ке-

лейно, при закрытыхъ дверяхъ, и если простая баба, которую могутъ „учить“ чѣмъ попало, реветъ благимъ-матомъ, бѣжитъ простоволосая по своей деревенской улицѣ и вообще протестуетъ открыто и ярко, то онѣ, вотъ эти разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ дамы, когда ихъ собственные джентльмены тоже бьютъ,—никогда не жалуются и изнашиваютъ свой позоръ въ своихъ четырехъ стѣнахъ. И такихъ битыхъ дамъ очень много... У Елены Григорьевны въ этомъ отношеніи явилось что-то въ родѣ чутья, и она угадывала тѣхъ дамъ, которыхъ мужья бьютъ. Являлось что-то такое особенное въ выраженіи лица, въ глазахъ, въ движеніяхъ, какъ у человѣка, который ждетъ удара. И она сдѣлалась такой же, и даже получалось почти наслажденіе собственнымъ позоромъ. Да, есть и такой сортъ наслажденій... Недаромъ же деревенская баба, если мужъ ее не бьетъ, говоритъ, что онъ ее не любитъ.

И этотъ человѣкъ любилъ ее... Да, безумно любилъ, что̀ она чувствовала на каждомъ шагу. Она была окружена настоящею атмосферой его любви и еще сильнѣе боялась его, потому что въ каждомъ его чувствѣ заключалась какая-то острая тяжесть. Напримѣръ, какъ ужасно онъ ревновалъ,—ревновалъ безъ малѣйшаго повода, а просто потому, что иначе онъ не могъ любить. Она была убѣждена, что онъ рано или поздно

убьетъ ее въ одномъ изъ припадковъ такой ревности.

— Я знаю, что ты меня не любишь и никогда не любила,—шепталъ онъ побѣлѣвшими отъ бѣшенства губами.—Но это все равно...

— Любовь въ твоемъ смыслѣ я не понимаю... Ты требуешь чего-то невозможнаго.

— Да, да, да... Невозможнаго!.. Потому что любовь творитъ чудеса... Когда я подумаю, что можетъ же существовать на свѣтѣ такой человѣкъ, котораго бы ты могла дѣйствительно полюбить... О, у меня нѣтъ словъ, чтобы выразить тебѣ тотъ адъ, который я вынашиваю въ своей груди!..

— Послушай, даже для Отелло нужна была реальная причина для его ревности... И потомъ Отелло въ сюртукѣ является нелѣпостью...

Между прочимъ „Отелло“ была его любимая пьеса, которую онъ не пропускалъ нигдѣ. Она тоже должна была смотрѣть ее вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ, что доводило ее до изступленія, какъ медленная казнь. Вообще вся жизнь представляетъ какую-то глупую и невозможную по безсмысленности комедію.

Но былъ одинъ случай, когда Елена Григорьевна не могла не оцѣнить своего второго мужа, какъ человѣка очень находчиваго и смѣлаго. Это произошло года три тому назадъ, когда она совершенно неожиданно встрѣтилась со своимъ

законнымъ мужемъ въ Москвѣ. Дѣло было на улицѣ, когда Елена Григорьевна возвращалась съ какими-то покупками домой.

— Ахъ, это вы,—услышала она знакомый голосъ.

— Да, это я,—отвѣтила она съ неожиданнымъ для самой себя спокойствіемъ.

— Я уже въ теченіе трехъ лѣтъ разыскиваю васъ, сударыня, по всей Россіи...

— И совершенно напрасно...

— Нужно отдать вамъ справедливость, что вы очень ловко скрывались все время... подъ чужою фамиліей.

— Если я не желала васъ видѣть,—это не значитъ скрываться, а что касается фамиліи, то объ этомъ потрудитесъ переговорить съ моимъ мужемъ.

— Мужъ?!.. Ха-ха...

— Вы посмѣетесь потомъ, когда кончатся переговоры.

— Мнѣ нравится тонъ, какимъ вы разговариваете со мною...

— А мнѣ, представьте, совершенно не нравится вашъ тонъ...

Она дала ему свой адресъ и ушла. Когда Аркадій Евгеньевичъ узналъ объ этой встрѣчѣ, то пожалъ только плечами.

— Что нужно этому идіоту?—удивлялся онъ.—

Кажется, что дѣло не требуетъ поясненій... А впрочемъ, я къ его услугамъ.

Мужъ и любовникъ въ концѣ-концовъ встрѣтились, и Елена Григорьевна сдѣлалась свидѣтельницей довольно оригинальнаго разговора. Аркадій Евгеньевичъ принялъ свой почтительно-холодный видъ и заявилъ:

— Въ такихъ случаяхъ обыкновенно принято оскорблять другъ-друга, а потомъ вызывать на дуэль. Формально виноватымъ являюсь я и меньше всего желаю лишать васъ жизни... Но есть другая, болѣе глубокая основа всего случившагося, именно,—нельзя владѣть женщиной по какимъ-то тамъ правамъ, какъ вещью. Если разъ женщина уходитъ отъ своего мужа, то виноватъ онъ, потому что не могъ создать для нея той обстановки, въ которой она могла бы жить счастливо.

— Все это софизмы, милостивый государь!..

— Нисколько... Если женщина любитъ, она прощаетъ любимому человѣку даже его недостатки и пороки и все-таки любитъ. Мнѣ странно объяснять вамъ такую простую вещь, что женщина прежде всего человѣкъ и, какъ таковой, существо разумно-свободное.

— А мнѣ еще болѣе странно, что я васъ слушаю, милостивый государь...

— А я васъ предупреждаю, что не люблю, когда со мною говорятъ такимъ тономъ...

— Угроза?

— Да... Есть положенія и вещи, когда нельзя позволять ни одного лишняго слова.

Недавній повелитель Елены Григорьевны, огражденный въ своихъ правахъ цѣлымъ законодательствомъ, струсилъ первой же угрозы. Для Елены Григорьевны ясно было только одно, что все это была одна комедія. Оскорбленный мужъ совсѣмъ не желалъ ея возвращенія да и успѣлъ обзавестись за время ея отсутствія побочною семьей, а благородныя слова Аркадія Евгеньевича являлись только насмѣшкой по ея адресу. Онъ, Аркадій Евгеньевичъ, выступилъ защитникомъ свободы женщины и ея правъ... Онъ говорилъ это при той, которую билъ своими руками. Однимъ словомъ, оба оказались лучше, какъ говорятъ дѣти.

Чтобы вполнѣ закончить эту комедію, Аркадій Евгеньевичъ сказалъ ей при мужѣ:

— Вы, Елена Григорьевна, совершенно свободны и можете вернуться къ вашему мужу, если желаете... Мой принципъ: никого не стѣснять.

Она покраснѣла и убѣжала изъ комнаты, какъ институтка. Ей вернуться къ мужу? Если бы даже онъ имѣлъ силу простить ей все, то и въ такомъ случаѣ она не пошла бы на такую домашнюю каторгу. Въ роли любовницы она все-таки сохранила за собою тѣнь честной женщины, а вернувшись къ мужу, она осталась бы опозо-

ренной на всю жизнь. Нѣтъ, оставалось только итти впередъ... Развѣ мало живетъ въ Россіи такихъ нелегальныхъ паръ, какъ они съ Аркадіемъ Евгеньевичемъ. Нелегальность еще не составляетъ несчастья, если жизнь складывается хорошо.

Результатъ этой встрѣчи получился уже совершенно неожиданный, именно—между мужемъ и Аркадіемъ Евгеньевичемъ состоялось примиреніе, переходившее даже границы прежняго знакомства. Мужъ приходилъ къ нимъ обѣдать и говорилъ съ улыбкою добряка:

— Знаете, я привыкъ, чтобы все было просто... по-семейному. Да... Такой ужъ характеръ. А у васъ я чувствую себя почти дома.

Это была медленная пытка, придуманная мужемъ, ни одному слову котораго Елена Григорьевна не вѣрила. Если бы посторонній человѣкъ посмотрѣлъ, какъ они втроемъ обѣдали или ужинали гдѣ-нибудь въ „Эрмитажѣ“ или въ „Большой Московской“,—никто бы не подумалъ, какая драма разыгрывается между этими тремя лицами. И мужъ, и любовникъ мучили Елену Григорьевну по безмолвному соглашенію, и часто обѣдъ заканчивался стереотипною фразой, заставлявшей мужчинъ весело смѣяться:

— Вы сегодня, Елена Григорьевна, съ которымъ мужемъ поѣдете домой?

Въ такой пыткѣ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а

затѣмъ, уѣхавъ изъ Москвы, мужъ не оставилъ ее и аккуратно писалъ черезъ каждыя двѣ недѣли ей самыя дружескія письма. Ея здоровье его очень безпокоило, и т. д. Потомъ онъ возстановилъ свои отношенія съ ея матерью, съ которой одно время разошелся, и являлся между нею и дочерью добрымъ геніемъ.

VIII.

Послѣднимъ испытаніемъ для Елены Григорьевны было появленіе Павла Максимовича Чванова. Это была громкая фамилія, давно фигурировавшая среди кровныхъ московскихъ милліонеровъ. Даже здѣсь, въ Гунгербургѣ, она производила впечатлѣніе, и всѣ остзейскіе бароны высоко поднимали брови, просматривая на черной доскѣ фамиліи остановившихся въ курзалѣ. Съ Чвановымъ Искрицкіе познакомились въ Москвѣ благодаря мужу Елены Григорьевны.

— Скучающій московскій Гамлетъ изъ милліонеровъ, — рекомендовалъ онъ, подмигивая. — Очень образованный молодой человѣкъ, хотя и съ нѣкоторыми странностями, какія могутъ позволять себѣ одни московскіе богачи.

Странность Чванова заключалась въ томъ, что онъ рѣшительно не зналъ, куда ему дѣваться и чѣмъ погасить вѣчную скуку. Этотъ молодой

человѣкъ какъ-то сразу точно прилипъ къ Искрицкимъ и вездѣ ѣздилъ за ними. Для Елены Григорьевны онъ являлся почти находкой, потому что бывалъ иногда очень интереснымъ собесѣдникомъ и всюду ее сопровождалъ, какъ тѣнь. Аркадій Евгеньевичъ держалъ себя съ нимъ такъ, какъ-будто никакого Чванова и не было, а какъ въ пьесѣ—лицо безъ рѣчей. Даже не проявлялась обычная ревность, что очень удивляло Елену Григорьевну,—она такъ привыкла къ сценамъ самой безумной ревности.

Въ первое время Елена Григорьевна отнеслась къ Чванову съ предубѣжденіемъ, потому что онъ съ перваго же знакомства влюбился въ нее. Она это поняла сразу и чувствовала себя въ его присутствіи очень неловко. Но потомъ эта неловкость исчезла, и она относилась къ нему, какъ къ брату. Они зимой часто ѣздили въ театръ, а потомъ Чвановъ приносилъ книги, и они читали вмѣстѣ.

— Я часто удивлялась, что когда-то и чему-то училась въ институтѣ,—откровенно признавалась она.—Потомъ читала... Но все это было что-то такое постороннее, ненужное, и я сама чувствовала себя чужой.

Чвановъ выслушивалъ ее съ величайшимъ терпѣніемъ и постепенно пробуждалъ эту застывшую въ испугѣ душу. Любимымъ ихъ чтеніемъ были иностранные романы, потому что другая

жизнь и другіе люди вытѣняли и объясняли свое лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій.

— Вы, кажется, все на свѣтѣ знаете,—удивлялась Елена Григорьевна.—Рѣшительно все, и я чувствую себя глупенькой рядомъ съ вами. Могу только удивляться вашему терпѣнію, что вы теряете со мною свое время.

Онъ печально улыбался и ничего не отвѣчалъ. О, онъ готовъ былъ отдать за нее всю свою непутную жизнь... А чувствовать ея присутствіе,—развѣ бываетъ другое счастье? Они начали жить какой-то странной совмѣстной жизнью, гдѣ дѣйствительность мѣшалась съ фантазіей и гдѣ ихъ взаимныя мысли и чувства переплетались между собой.

Въ книгахъ они находили много собственныхъ мыслей и чувствъ, и Елена Григорьевна каждый разъ радовалась какъ-то по-дѣтски.

— Боже мой, да вѣдь я это передумала тысячи разъ!.. И какъ хорошо сказано... Даже немного страшно, что кто-то тамъ, далеко-далеко, думаетъ то же самое, точно твой двойникъ. Вѣдь люди вездѣ одинаковы, особенно когда они мучатся... Несчастія бываютъ разныя, у каждаго свое, а мучатся всѣ одинаково.

На сближающей почвѣ этого совмѣстнаго чтенія разрасталась взаимная близость. Чвановъ умѣлъ такъ хорошо и просто разсказывать о своемъ прошломъ, именно просто, точно рѣчь шла о

постороннемъ человѣкѣ. Это былъ вызовъ на отвѣтную откровенность. Елена Григорьевна долго не рѣшалась говорить о самой себѣ, пока это не вышло само собой, именно въ одинъ изъ моментовъ отчаянія, послѣ дикой семейной сцены, когда Аркадій Евгеньевичъ избилъ ее.

— Онъ... онъ... онъ...—шепталъ Чвановъ побѣлѣвшими губами, не рѣшаясь выговорить рокового слова.—Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. Это... это... это...

Она спохватилась, и съ дѣланнымъ смѣхомъ начала увѣрять, что пошутила, вѣрнѣе сказать, прибавила много лишняго, какъ это случается съ огорченными женщинами. Онъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ ей, но съ этого момента началъ избѣгать откровенныхъ разговоровъ на личной почвѣ. Ему дѣлалось страшно при одной мысли, что можетъ повториться подобное роковое признаніе. Кажется, еще въ первый разъ Чвановъ почувствовалъ себя мужчиной, тѣмъ мужчиной, который несетъ въ себѣ смутное сознаніе отвѣтственности за чужія страданія. Да, ты мужчина и долженъ защищать слабаго: это—твое назначеніе. Въ данномъ случаѣ дѣло касалось женщины, любимой женщины, и Чвановъ понималъ одно,—что онъ въ состояніи убить Искрицкаго. Вѣдь дѣлаютъ преступленія уголовнаго характера именно такіе простые, добрые и безхарактерные люди, какъ онъ. Всего какой-нибудь

одинъ моментъ, и всѣ будутъ удивляться, что это сдѣлалъ добрѣйшій Павелъ Максимовичъ Чвановъ. Сейчасъ онъ испытывалъ какое-то особенно угнетенное состояніе въ обществѣ Аркадія Евгеньевича, точно какая-то невидимая желѣзная рука душила его за горло. Онъ настолько изучилъ Елену Григорьевну, что безъ словъ зналъ, когда она была бита, и какъ-то терялся отъ каждаго ея взгляда, точно она просила его о защитѣ.

Они взаимно наблюдали другъ за другомъ и провѣряли собственное настроеніе. Разъ Елена Григорьевна, поймавъ такой взвѣшивающій взглядъ Чванова, сказала съ неожиданной для самой себя откровенностью:

— Знаете, Павелъ Максимычъ, я очень люблю и уважаю васъ, какъ хорошаго, умнаго и добраго человѣка, но одно мнѣ не нравится въ васъ...

Онъ понялъ впередъ, что она скажетъ, и весь какъ-то съежился и замеръ. Онъ хотѣлъ ей крикнуть: „Остановитесь, не убивайте!“, но было уже поздно.

— Да, вы видите во мнѣ только женщину, а не человѣка,—продолжала она безжалостно.— Я чувствую, что вы такъ искренне и хорошо меня любите, и мнѣ дѣлается просто совѣстно, что я не могу отвѣтить вамъ ничѣмъ... Если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣло быть женщиной и только женщиной!.. Въ утѣшеніе вамъ могу сказать, что я вообще никого не люблю и

не могу любить, потому что устала жить, не живши, не вѣрю самой себѣ, не уважаю себя...

— Ради Бога, не будемте объ этомъ говорить, Елена Григорьевна... Мнѣ ничего не нужно... Я не знаю, что вообще со мной дѣлается...

Тотъ ужасъ, какой онъ испыталъ въ началѣ этого разговора, смѣнился сумасшедшей радостью. Иначе онъ не могъ назвать своего настроенія. Она никого не любитъ, слѣдовательно... Онъ ни о чемъ не мечталъ, ни на что не надѣялся, но когда остается даже безсмысленная надежда,—человѣкъ все-таки можетъ быть счастливъ. Да, она тутъ, близко, и онъ сумѣетъ ее защитить... Какъ это просто и какъ это трудно, особенно—когда совсѣмъ не просятъ вашей защиты.

У нея было одно ощущеніе, какъ у человѣка, заблудившагося въ дремучемъ лѣсу, когда онъ слышитъ живой человѣческій голосъ, случайнымъ эхомъ докатившійся до насторожившагося уха. Неизвѣстный, чужой голосъ, но именно потому и дорогой въ тысячу разъ.

Тоска, мука, любовь... Какъ это старо и какъ это ново для каждаго отдѣльнаго случая. Да... тоска, мука и любовь... Больше муки!.. Милліонеръ Чвановъ почувствовалъ себя обыкновеннымъ человѣкомъ, тѣмъ человѣкомъ, гдѣ счетъ идетъ обыкновенными цифрами и гдѣ нѣтъ исключеній. Становись въ шеренгу и жди... Чвановъ позво-

лялъ даже третировать себя, и Аркадій Евгеньевичъ этимъ пользовался довольно безсовѣстно. Онъ просто командовалъ Чвановымъ и передъ отъѣздомъ въ Гунгербургъ заявилъ самымъ фамильярнымъ тономъ:

— Ну-съ, милѣйшій, значитъ, мы ѣдемъ лѣчиться холоднымъ моремъ...

IX.

Вотъ о чемъ думала Елена Григорьевна, сидя на своемъ балкончикѣ. Было уже поздно, но на террасѣ кургауза виднѣлись еще огоньки за игорными столами, и ей показалось, что кто-то нѣсколько разъ называлъ ее по фамиліи. Это ей не понравилось, и она ушла въ свою комнату, затворивъ за собой дверь на ключъ, точно боялась, что кто-нибудь можетъ подслушать ея мысли.

Внизу, на террасѣ, играли въ карты за тремя столами. Вокругъ крайняго стола размѣстились докторъ Брусницынъ, баронъ фонъ-Клаккъ, господинъ съ рыжими усами и Чвановъ. Послѣдняго докторъ затащилъ играть почти насильно.

— Какъ же мы будемъ играть безъ четвертаго партнера? — говорилъ докторъ вызывающимъ тономъ.—Вдобавокъ, Искрицкій, точно на зло, заболѣлъ... Онъ отлично играетъ. Знаете, игра

освѣжаетъ мозгъ, и напрасно философы доказываютъ, что это—гнусное занятіе. Грѣшный человѣкъ, люблю за картишками посидѣть...

Чвановъ не любилъ играть, но не умѣлъ отказаться. Онъ по обыкновенію игралъ очень разсѣянно и все время поглядывалъ на освѣщенныя окна нумера Искрицкихъ. Несмотря на близорукость, онъ видѣлъ сидѣвшую на балкончикѣ Елену Григорьевну, вѣрнѣе, чувствовалъ ея присутствіе. Докторъ тоже игралъ плохо и время-отъ-времени бормоталъ:

— Да, странный случай... Совсѣмъ странный. Баронъ, мы сегодня, кажется, останемся безъ двухъ. Да, случай, вообще...

— Докторъ, если вы такъ же разсѣянно пишете ваши рецепты... — ядовито замѣтилъ баронъ.—Вы, кажется, больше думаете о вашей хорошенькой пацієнткѣ и на этомъ основаніи пропустили чужую даму-пикъ безъ всякаго вниманія.

— Виноватъ, баронъ... Да, странный случай.

Господинъ съ рыжими усами игралъ все время молча, наблюдая Чванова, который дѣлалъ одинъ промахъ за другимъ.

Кончивъ игру, партнеры отправились въ столовую поужинать. Чвановъ совсѣмъ не хотѣлъ ѣсть, но опять не сумѣлъ отказаться. За ужиномъ, какъ всегда, рѣчь шла о женщинахъ, при чемъ баронъ разсказалъ нѣсколько дѣтскихъ анек-

дотовъ“ и хохоталъ первый, показывая свои длинные бѣлые зубы.

— Самые счастливые люди на свѣтѣ, это—доктора,—говорилъ онъ, подмигивая Чванову.—Не правда ли, Егоръ Иванычъ?

— Вы забыли прибавить, что молодыя и здоровыя женщины совсѣмъ не обращаются къ намъ за помощью,—отвѣтилъ докторъ.—А когда женщина больна, это—наше несчастье.

— Да, но бываютъ случаи... Недаромъ всѣ дамскіе доктора смотрятъ львами.

Затѣмъ слѣдовали спеціально курортныя сплетни. О водяныхъ дамахъ говорили, какъ о скаковыхъ лошадяхъ. У одной была слишкомъ коротка шея, у другой—слишкомъ длинна талія, у третьей—плечи были слишкомъ остры, и т. д. Не стѣснялись говорить прямо именами, не щадя никого. Бѣдной Еленѣ Григорьевнѣ особенно досталось.

Баронъ фонъ-Клаккъ былъ сегодня въ ударѣ, т.-е. особенно неприличенъ. Онъ даже совсѣмъ забылъ, что Чвановъ—близкій знакомый Елены Григорьевны, и прочиталъ чуть не цѣлую лекцію о какой-то особенной комбинаціи ея ногъ и бюста. Чвановъ сидѣлъ, глядя въ тарелку. Онъ всегда возмущался подобными свободными разговорами и чувствовалъ, что долженъ былъ, съ своей стороны, что-то такое возразить барону или проще—попросить его оставить Елену Гри-

горьевну въ покоѣ. Про себя онъ успѣлъ сказать цѣлую рѣчь о неприличномъ поведеніи барона и даже заставилъ его извиниться. Потомъ его возмущало хихиканье доктора, который имѣлъ привычку напиваться каждый вечеръ, и сейчасъ сидѣлъ, хлопая глазами...

— Да, бываютъ женщины, которыя самой природой созданы для скамьи подсудимыхъ,—неожиданно заявилъ онъ, наливая себѣ рюмку финь-шампань.

Эта счастливая мысль рѣшительно не вязалась съ предыдущимъ разговоромъ, и Чвановъ опять чувствовалъ, что долженъ что-то такое возразить, и опять ничего не возразилъ, а промолчалъ самымъ преступнымъ образомъ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ случаяхъ молчаніе является преступленіемъ. Господинъ съ рыжими усами тоже молчалъ, точно находился съ Чвановымъ въ заговорѣ. Время-отъ-времени онъ разсматривалъ собственныя руки, смотрѣлъ на часы и сдерживалъ зѣвоту.—А вотъ еще былъ случай, когда я служилъ въ ....скомъ полку,—ораторствовалъ баронъ.—Дѣло было въ западномъ краѣ... Да, такъ тамъ была одна жидовочка... Дочка самаго простого фактора, и, представьте себѣ, отецъ... Ахъ, это цѣлый анекдотъ!..

— Ради Бога, довольно анекдотовъ!—неожиданно заявилъ Чвановъ, поднимаясь.—Навѣрно, опять что-нибудь такое скверное...

Баронъ фонъ-Клаккъ отлично зналъ, когда человѣка оскорбляютъ, и только-что хотѣлъ обидѣться, но во-время вспомнилъ, что Чвановъ—милліонеръ, и только пожалъ плечами.

— Господа, все на свѣтѣ—дѣло вкуса,—вмѣшался докторъ.—А о вкусахъ не спорятъ... Павелъ Максимычъ, успокойтесь.

Выручилъ всѣхъ изъ неловкаго положенія господинъ съ рыжими усами, который заговорилъ о разныхъ физическихъ аномаліяхъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, но такъ тщательно скрываются, что ихъ можетъ отличать только опытный глазъ. Этотъ неожиданный оборотъ разговора свелся, къ общему удивленію, на то, что есть люди съ шестью пальцами,—и вы этого не замѣчаете, есть люди съ четырьмя пальцами,—вы тоже ничего не замѣчаете, есть, наконецъ, люди, которые чрезвычайно ловко скрываютъ согнутый отъ природы или по болѣзни палецъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спрашивалъ докторъ, протирая глаза.

— Рѣшительно ничего, кромѣ того, что сказалъ...

Всѣ только пожали плечами. А потомъ удивился уже одинъ Чвановъ, когда господинъ съ рыжими усами какъ-то въ упоръ спросилъ его:

— Мнѣ кажется, что я когда-то встрѣчалъ васъ въ обществѣ Ефима Петровича Середина?

— Да...

Докторъ Брусницынъ, вѣроятно вызванный разговоромъ о согнутомъ пальцѣ, прочиталъ цѣлую лекцію спеціально о преступныхъ аномаліяхъ, какъ „морелевскія уши“ съ приросшею мочкой, о „гутчинсоновскихъ зубахъ“, „сѣдлообразномъ небѣ“, и т. д.

Чвановъ вернулся въ свой нумеръ, какъ пьяный, хотя пилъ очень мало. Онъ имѣлъ дурную привычку подводить итогъ каждому прожитому дню, и каждый прожитой день въ его жизни являлся какимъ-то минусомъ, особенно сегодняшній. Развѣ такъ можно жить? А вечеръ былъ прямо безобразенъ... Онъ слушалъ эти дурацкіе баронскіе анекдоты, когда она томилась въ двухъ шагахъ отъ него въ полномъ одиночествѣ. Что они говорили! А онъ слушалъ, какъ настоящій идіотъ.

Возвращаясь къ себѣ въ нумеръ, онъ встрѣтилъ человѣка Арсенія и спросилъ:

— Что это за господинъ, который игралъ съ нами въ карты?

— Съ рыжими усами?

— Да...

Человѣкъ Арсеній только сдѣлалъ руками широкій жестъ. Мало ли господъ перебываетъ въ кургаузѣ за лѣто. Онъ сдѣлалъ глупое лицо и проговорилъ:

— Такъ, проѣзжающій...

— Но вѣдь у всѣхъ проѣзжающихъ есть какая-нибудь фамилія.

— Неизвѣстно-съ, Палъ Максимычъ... Разные господа бываютъ.

И человѣкъ Арсеній былъ сегодня глупъ какъ никогда.

Лежа въ постели, Чвановъ долго прислушивался къ каждому шороху въ коридорѣ. Ему все казалось, что вотъ-вотъ постучатъ къ нему въ двери. Что теперь дѣлается тамъ, въ нумерѣ Искрицкихъ? Елена Григорьевна навѣрно не спитъ. Что она думаетъ? У ночи свои мысли и свои чувства...

Онъ забывался чуткимъ сномъ и просыпался нѣсколько разъ, пока не взошло солнце.

Его разбудилъ осторожный стукъ въ двери. Это была нумерная горничная. Она имѣла такой испуганный видъ, что Павелъ Максимовичъ сразу понялъ, что случилось что-то ужасное.

— Аркадій Евгеньевичъ... — бормотала горничная.

— Опять припадокъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... Приказали долго жить. Господинъ докторъ уже тамъ, а барыня послали за вами.

X.

Это была не смерть, а только глубокій обморокъ, предвѣстникъ смерти. Видѣлъ и понималъ это одинъ докторъ Брусницынъ, заспанный, съ измятымъ лицомъ и безъ галстука.

— Да, странный случай, чортъ возьми,—бормоталъ онъ, напрасно стараясь разжать чайною ложкой стиснутые зубы больного, чтобы влить какое-то лѣкарство.

Поведеніе доктора, наконецъ, взорвало Елену Григорьевну, и она рѣзко замѣтила:

— Докторъ, вы все время такъ странно себя держите, что можно подумать, что вы меня принимаете за отравительницу...

Онъ посмотрѣлъ на нее красными похмельными глазами и отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Сейчасъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, но бываютъ странные случаи...

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Чвановъ, и докторъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой... Елена Григорьевна вышла въ другую комнату, закрывъ лицо платкомъ, а докторъ проговорилъ отеческимъ тономъ:

— Павелъ Максимычъ, послушайтесь моего совѣта и уѣзжайте отсюда сейчасъ же, а то наживете большія хлопоты. Предупреждаю васъ по дружбѣ...

— Ни за что на свѣтѣ!—отвѣтилъ Чвановъ.

— Какъ знаете, конечно...

— Да, это уже мое дѣло.

Чвановъ повернулся и вышелъ. Елена Григорьевна стояла у балконной двери и беззвучно плакала, не отнимая платка отъ лица. Вздрагивали только ея плечи, и поднималась грудь. Когда Чвановъ подошелъ, она протянула ему руку и прошептала:

— Я не знаю, зачѣмъ васъ позвала... Но мнѣ такъ страшно было оставаться одной... Всю жизнь одна...

Онъ молча поцѣловалъ ея холодную руку. Она не отняла руки и продолжала рыдать.

— Распоряжайтесь мной, Елена Григорьевна... Вы знаете, что я все готовъ сдѣлать для васъ.

— О, да... знаю... И мнѣ больно, что вы это говорите... говорите именно сейчасъ... Вы не знаете, что докторъ подозрѣваетъ меня въ отравленіи, и вы можете попасть въ мои сообщники...

— Успокойтесь, все это вздоръ...

— Одна, одна, одна...—продолжала шептать Елена Григорьевна, не отнимая платка.—Боже мой, какъ я измучилась... я сойду съ ума...

Вошла горничная со льдомъ на тарелкѣ, и Елена Григорьевна пошла за ней въ спальню. Чвановъ вышелъ на балконъ и долго стоялъ, глядя на виднѣвшійся въ концѣ парковой аллеи краюшекъ моря. Солнце уже поднялось, и съ моря поднимался вѣтеръ. Слышался глухой гулъ

прибоя. У Чванова всѣ внѣшнія впечатлѣнія больше не существовали, и онъ смотрѣлъ на море ничего не видѣвшими глазами. Искрицкій несомнѣнно умретъ, и тогда... Онъ, Чвановъ, такъ жаждалъ, чтобы Елена Григорьевна освободилась отъ своего позорнаго рабства, и вотъ это освобожденіе пришло само-собой, но было что-то такое, что вносило въ это освобожденіе непріятный элементъ. Получилась та обидная свобода, которая напоминала милостыню.

Сколько времени Чвановъ простоялъ на балконѣ, онъ затруднился бы отвѣтить. Это былъ какой-то сонъ наяву. Онъ могъ уйти и не могъ уйти. Самыя противоположныя чувства проходили въ его душѣ, и онъ не замѣчалъ времени. Въ сущности, все было поглощено ей, этой странной и загадочной Еленой Григорьевной.

— А, можетъ-быть, она самая обыкновенная авантюристка,—думалъ онъ и, припоминая мужа, опровергалъ самого себя.—Развѣ съ такимъ лицомъ, съ такими глазами могутъ быть авантюристки?

Изъ этого полуобморочнаго состоянія Чванова вывелъ голосъ доктора Брусницына:

— Finita la comedia...

— А... что?...

— Вашъ другъ отошелъ въ лучшій изъ міровъ.

— Умеръ?!..

— Да.

Подумавъ немного, докторъ, раскуривая папиросу, прибавилъ своимъ обычнымъ скучающимъ тономъ:

— А, можетъ-быть, онъ сдѣлалъ это хорошо, какъ человѣкъ, которому больше ничего не оставалось дѣлать...

Чвановъ молчалъ, и докторъ почувствовалъ себя неловко за свою собственную болтливость.

Искрицкій, дѣйствительно, лежалъ мертвый. Около его кровати сидѣла Елена Григорьевна, и ей все казалось, что онъ притворяется и что вотъ-вотъ его глаза откроются, а на губахъ появится презрительная улыбка. Она сидѣла и не смѣла шевельнуться, какъ загипнотизированная. Въ сущности, она тоже ничего не видѣла, какъ и Чвановъ, но съ тою разницей, что ей хотѣлось плакать, и она не могла. Въ данный моментъ она даже забыла о позорныхъ намекахъ доктора. Не все ли для нея равно? Ну, ее доведутъ до публичнаго позора, но вѣдь это— капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, чего она никому не могла сказать. И тутъ же рядомъ смерть, — примиряющая, прощающая... Но вѣдь есть же молитвы праведниковъ, святыя слова утѣшенія, есть искупленіе, жертва, подвигъ?.. О, это все для другихъ!

Приходилъ докторъ Брусницынъ и говорилъ что-то такое о дезинфекціи; приходилъ Чвановъ

и опять предлагалъ свои услуги; приходила горничная, эстонка Эмма, и увела ее на балконъ.

— Барынь будетъ сидѣть, вѣтеръ будетъ дуть,—объясняла на ломаномъ языкѣ добрая дѣвушка.—У меня такъ же померла папаша... Сидѣла, ѣла картофель и—кнаксъ!.. У насъ въ нумерахъ помиралъ одинъ генералъ и очень плакалъ... Бокгатый генералъ, два дома, брильянтовое кольцо, собака-водолазъ... И все-таки генералъ умерла, какъ умерла моя папаша, у которой ничего не бывало.

Потомъ явилась полиція. Съ ней пришелъ и господинъ съ рыжими усами. Онъ сильно волновался и нѣсколько разъ повторялъ:

— Я надъ этимъ господиномъ работалъ цѣлыхъ три года... Выслѣживалъ его по пятамъ и только-что хотѣлъ арестовать, а онъ, назло мнѣ, возьми да и умри.

Вскрыли таинственные чемоданы, о содержаніи которыхъ не знала даже Елена Григорьевна, къ чему господинъ съ рыжими усами отнесся очень скептически. Въ чемоданахъ найдены были слесарные инструменты, склянки съ ядами и наркотическими препаратами, разные костюмы, которыхъ Аркадій Евгеньевичъ никогда не носилъ, подложные паспорта, фальшивыя печати, однимъ словомъ,—цѣлый арсеналъ преступныхъ приспособленій.

— Все это ему теперь не было нужно,—объ-

являлъ господинъ съ рыжими усами.—Да, совершенно не нужно...

— Для чего же въ такомъ случаѣ онъ таскалъ съ собой весь этотъ музей?—удивлялся докторъ Брусницынъ, приглашенный къ обыску въ качествѣ эксперта по токсикологіи.

— А привычка... Только люди съ такими привычками могутъ быть настоящими преступниками,—объяснялъ господинъ съ рыжими усами.—А это былъ рѣдкій экземпляръ...

Говорили о какомъ-то преступленіи, которое лѣтъ двѣнадцать тому назадъ надѣлало на югѣ Россіи много шума и виновникъ котораго не былъ разысканъ.

Была какая-то связь этого преступленія съ господиномъ, у котораго на лѣвой рукѣ средній палецъ былъ согнутъ, и господинъ съ рыжими усами демонстрировалъ эту примѣту на еще неостывшемъ трупѣ Аркадія Евгеньевича.

— Да, это *онъ*,—повторялъ господинъ съ рыжими усами.

На Елену Григорьевну никто не обращалъ вниманія, кромѣ доктора, который сейчасъ былъ съ ней какъ-то особенно вѣжливъ. Только разъ ее попросили указать вещи, принадлежащія лично ей, чтобы онѣ не попали въ общую опись имущества.

— У меня ничего нѣтъ своего,—отвѣтила она съ какимъ-то удивленіемъ.—Рѣшительно, ничего.

Прошло цѣлыхъ три мучительныхъ дня, пока не похоронили Искрицкаго. Настоящая его фамилія, какъ оказалось, была Штальбергъ, т.-е. та фамилія, которую онъ носилъ во время преступленія. Такъ какъ Елена Григорьевна познакомилась съ нимъ позже этого преступленія, то ее даже не вызвали къ слѣдователю, ограничившись простымъ полицейскимъ актомъ предварительнаго дознанія.

— Странно, какъ это вы, живя съ нимъ около шести лѣтъ, не знаете ничего о его прошломъ,— замѣтилъ ядовито господинъ съ рыжими усами.

Чвановъ все время находился около нея, стараясь быть ненавязчивымъ. Весь курортъ сейчасъ только и говорилъ объ этой таинственной парочкѣ. Сложилась цѣлая легенда о настоящей причинѣ скоропостижной смерти Искрицкаго, несовпадавшая, какъ всѣ легенды, съ составленнымъ по этому случаю полицейскимъ протоколомъ.

Послѣ похоронъ Елена Григорьевна оставалась еще цѣлыя сутки. Ей нездоровилось. Наканунѣ отъѣзда Чвановъ едва могъ заставить ее выйти вечеромъ, когда уже стемнѣло и они не рисковали встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, прогуляться по пляжу. Море было такое бурное, и волны съ сѣдыми гребнями лѣзли на берегъ. По небу неслись разорванныя облака. Елена Григорьевна шла усталою походкой, опираясь

на руку Чванова. Онъ говорилъ о завтрашнемъ отъѣздѣ, не рѣшаясь ее спросить, куда она имѣетъ въ виду ѣхать. Вѣрнѣе всего можно было предположить, что она вернется къ матери.

— Я знаю, о чемъ вы сейчасъ думаете,— заговорила она, отвѣчая на его тайную мысль.— Куда я поѣду? Да? И вы рѣшили про себя, что я вернусь къ матери.

— Да, вы угадали... Если бы вы по пути остановились отдохнуть въ Москвѣ... да... Такъ, недѣльки на двѣ...

— Зачѣмъ?

— Пока напишете вашей матери и пока получите отъ нея отвѣтъ... Да, отвѣтъ...

Онъ растягивалъ каждое слово и остановился. Зонтикъ Елены Григорьевны чертилъ по мокрому песку какія-то кабалистическія фигуры. Наступила неловкая пауза. Потомъ она повернулась къ нему и проговорила всего одно слово:

— Договаривайте...

— Вы знаете, что я могу сказать...

Кабалистическія фигуры подъ зонтикомъ сдѣлали рядъ зигзаговъ. Она нѣсколько времени молчала, опустивъ голову.

— Мнѣ трудно говорить съ вами, Павелъ Максимычъ...

— Да, я понимаю, что сейчасъ такой моментъ...

— Моментъ самъ по себѣ, а такъ вообще...

— Но, вѣдь, вы хорошо знаете, что я могъ бы предложить вамъ...

Опять пауза. Опять зонтикъ чертилъ по песку какую-то неразрѣшимую геометрическую задачу.

— Мнѣ приходится дать вамъ отвѣтъ,—заговорила Елена Григорьевна пониженнымъ тономъ.—Я понимаю ваши намѣренія и впередъ благодарю... Но вотъ какая дилемма: мой мужъ никогда не согласится на разводъ. Это разъ... Затѣмъ, если бы онъ и согласился на разводъ, все равно, я не могла бы быть вашей женой, потому что... потому что за мной слишкомъ большое прошлое и я совсѣмъ не желаю отравлять вамъ жизнь. Я почти однихъ лѣтъ съ вами, но вы сравнительно со мной совсѣмъ, совсѣмъ молодой человѣкъ... Вы еще ждете чего-то отъ жизни и въ правѣ ждать. Вы встрѣтите на своемъ пути хорошую, простую русскую дѣвушку, и, право, не нужно быть особенно требовательнымъ .. А я... Что я вамъ могу дать? Измученная, жалкая, вся несчастная... Поймите, что любовь, основой которой является сожалѣніе, не есть любовь... А вы, какъ хорошій и добрый человѣкъ, по-хорошему жалѣете меня и принимаете это чувство за любовь.

— А если вы ошибаетесь?

— Повѣрьте, что нѣтъ... Будемте просто друзьями и больше ничего. Какую бы пару мы могли съ вами составить? Знаете, одинъ мой знакомый

лошадникъ говорилъ, что есть пара и есть просто двѣ лошади. Вотъ именно послѣдней комбинаціи я и не желаю...

Море глухо шумѣло, бросая на песчаную отмель гряды пѣнившихся волнъ. Было уже настолько темно, что они не видѣли лицъ другъ друга. Онъ взялъ ее за руку и тихо проговорилъ:

— Хорошо, будемъ довольствоваться черствымъ хлѣбомъ дружбы... Вотъ вы говорили о сожалѣніи, а настоящая русская женщина именно жалѣетъ, а не любитъ.

Она безъ словъ пожала его руку.

XI.

Они вмѣстѣ пріѣхали въ Москву. Чвановъ былъ счастливъ, когда на доскѣ въ швейцарской „Славянскаго базара“ прочелъ: „Г-жа Середина“. Ненавистная для него фамилія „m-me Искрицкая“ умерла вмѣстѣ съ Аркадіемъ Евгеньевичемъ. Елена Григорьевна ко всему относилась какъ-то пассивно, точно она сама себѣ была чужая. Средствъ у нея не было никакихъ, и это обстоятельство сдѣлалось поводомъ къ первой размолвкѣ. Чвановъ не зналъ, какъ ему вывернуться изъ неловкаго положенія и несъ какую-то околесную.

— Вы не обижайтесь, Елена Григорьевна, что

я буду платить по вашимъ счетамъ... т.-е., это— собственно мои счета, и я буду радъ, если чѣмъ-нибудь могу служить вамъ. Да... А потомъ... да, потомъ мы какъ-нибудь сочтемся...

Она улыбнулась въ первый разъ послѣ смерти Аркадія Евгеньевича и отвѣтила не безъ ядовитости:

— О, конечно... Это будетъ самымъ лучшимъ и вѣрнымъ помѣщеніемъ для вашихъ милліоновъ.

— Къ сожалѣнію, я только ношу фамилію милліонера, а въ дѣйствительности имѣю...

— Мнѣ совершенно не интересно знать, сколько вы имѣете,—съ неожиданной рѣзкостью оборвала его Елена Григорьевна.—Да... Я знаю только одно, что господа-милліонеры убѣждены въ своемъ исключительномъ правѣ купить все на свѣтѣ, а прежде всего и послѣ всего—купить женщину...

— Елена Григорьевна, вы меня оскорбляете...

— Нѣтъ, вы меня оскорбляете!.. Да... Вы не хотите понять даже такой простой истины, что есть такія вещи, о которыхъ не говорятъ, особенно женщинамъ. Есть извѣстная деликатность, которая удерживаетъ человѣка... Однимъ словомъ, вы отлично понимаете, что я хочу сказать.

Онъ хотѣлъ что-то возразить и даже раскрылъ ротъ, но она его перебила фразой, которая была для него ударомъ хлыста по лицу:

— А вотъ Аркадій Евгеньичъ не позволилъ бы себѣ сказать *этого*...

Чвановъ поблѣднѣлъ отъ этого незаслуженнаго имъ оскорбленія, которое было особенно тяжело, потому что его нанесла любимая женщина. Онъ совершенно растерялся и не нашелъ, что отвѣтить. Для него было ясно одно, именно, что Аркадій Евгеньевичъ лично для него еще не умеръ, и что тѣнь этого ненавистнаго человѣка будетъ вѣчно стоять между нимъ и Еленой Григорьевной. При каждомъ недоразумѣніи эта тѣнь будетъ подниматься грознымъ призракомъ и отравлять все. Вѣдь, она его любила, а женщины не забываютъ своихъ первыхъ чувствъ.

Пока Елена Григорьевна остановилась въ Москвѣ временно, и Чвановъ не зналъ ея плановъ относительно будущаго, кромѣ того, что его судьба неразрывно связана съ нею. Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ мужчинъ, которые по натурѣ неспособны мѣнять своихъ привязанностей.

— Моя мечта—имѣть маленькую-маленькую комнатку и жить своимъ трудомъ,—любила говорить Елена Григорьевна, когда не нее нападало мечтательное настроеніе.—Я завидую самой несчастной швеѣ и даже каждой кухаркѣ. Что можетъ быть лучше честнаго труда?

Слушая эти рѣчи, Чвановъ только ежился, потому что не вѣрилъ имъ. Это было для него очень грустнымъ открытіемъ, именно, что Елена

Григорьевна, на которую онъ готовъ былъ молиться, способна была лгать и лгать безъ малѣйшаго стѣсненія, потому что сама вѣрила этой лжи. Впрочемъ, онъ какъ-то умѣлъ извинить эту ложь, какъ ее извиняютъ любимымъ дѣтямъ. Просто перевѣсъ фантазіи, спеціально женская впечатлительность и, наконецъ, желаніе найти выходъ изъ своего положенія.

Странно, что прежнихъ душевныхъ разговоровъ какъ не бывало, и Чванову казалось, что передъ нимъ — совсѣмъ другая женщина. Нѣкоторыя странности въ характерѣ Елены Григорьевны онъ объяснялъ ненормальностью ея положенія, начиная съ этого проживанія въ нумерѣ шикарной гостиницы и кончая тѣмъ, что они, несмотря на близость, не могли говорить другъ-другу „ты“. Какъ-то разъ въ минуту откровенности, Чвановъ предложилъ ей переѣхать жить къ нему въ домъ, что вызвало цѣлую бурю.

— Вы хотите, Павелъ Максимычъ, похвастаться передъ родными и знакомыми, какую пріобрѣли себѣ содержанку? — говорила она со слезами на глазахъ. — Недостаетъ только, чтобы о нашихъ отношеніяхъ говорила вся Москва, и на меня указывали пальцами...

— Я буду хлопотать о разводѣ...

— Еще того лучше: всѣ будутъ говорить, что милліонера Чванова погубила какая-то авантюристка... Наконецъ, мой мужъ никогда не со-

гласится на разводъ, что вамъ небезызвѣстно. А потомъ, я какъ-то совсѣмъ не думаю о будущемъ... Будетъ что будетъ, а пока будемъ довольствоваться настоящимъ.

Это настоящее выражалось въ томъ, что Чвановъ являлся въ „Славянскій базаръ“ ежедневно, какъ на дежурство. Его уже знали всѣ офиціанты, коридорные и горничныя, а швейцаръ встрѣчалъ, какъ своего человѣка. Послѣднее особенно возмущало Чванова, тѣмъ болѣе, что ему часто приходилось дежурить въ общей залѣ, гдѣ онъ дожидался Елену Григорьевну къ завтраку, къ обѣду или ужину. Буфетчикъ и управляющій, какъ и швейцаръ, смотрѣли на Чванова тоже какъ на своего человѣка, и у него даже былъ свой столъ и свой офиціантъ, очень ловкій услуживающій человѣкъ, сумѣвшій „привѣситься“, главнымъ образомъ, къ барынѣ. Елена Григорьевна не любила завтракать и обѣдать у себя въ нумерѣ и являлась въ общую залу каждый разъ въ новомъ костюмѣ. Она умѣла одѣваться и обращала на себя общее вниманіе мужчинъ и завистливые взгляды женщинъ, что льстило самолюбію Чванова.

Разъ за завтракомъ къ нимъ подошелъ докторъ Брусницынъ, остановившійся проѣздомъ съ юга въ Москвѣ. Онъ похудѣлъ и какъ-то еще больше обрюзгъ и постарѣлъ.

— Здравствуйте, многоуважаемые,—говорилъ

онъ, сдерживая одышку.—Вотъ не думалъ васъ встрѣтить здѣсь...

— Я въ Москвѣ только проѣздомъ,—отвѣтила Елена Григорьевна.—Мнѣ здѣсь холодно.

— А я ѣду умирать на сѣверъ,—спокойно объяснялъ докторъ, просматривая карточку кушаній.—Вся машинка испортилась, а главное—сердце...

— Нужно лѣчиться, Егоръ Иванычъ,—совѣтовалъ Чвановъ.

— Э, батенька, доктора лѣчатъ только другихъ. Лично я предпочитаю принять смерть отъ руки Божіей, а не человѣческой...

Чвановъ все время чувствовалъ, что докторъ присматривается къ нему, и старался не встрѣчаться съ нимъ глазами. А вдругъ милѣйшій толстякъ-докторъ прищуритъ одинъ глазъ, а другимъ подмигнетъ. Дескать, ловко вы, молодой человѣкъ, такую аппетитную штучку приспособили... У доктора бывали моменты какого-то вульгарнаго легкомыслія. Штучка милліонера Чванова—только этого недоставало. Елена Григорьевна, наоборотъ, не испытывала ни малѣйшаго смущенія, а, наоборотъ, успѣла за завтракомъ сказать доктору нѣсколько крупныхъ колкостей.

— А гдѣ этотъ вашъ другъ, господинъ съ рыжими усами?—спрашивала она.—Мнѣ онъ очень понравился...

— Какой же онъ мой другъ...—оправдывался

докторъ, нимало не смущаясь.—Простое табльдотное знакомство... Оказался какимъ-то сыщикомъ. Ахъ, кстати... гм... Впрочемъ, это все равно.

Докторъ хотѣлъ разсказать о томъ, что говорили на югѣ по поводу смерти Аркадія Евгеньевича, но во-время удержался. Онъ удовлетворился тѣмъ, что еще поговорилъ о своей собственной смерти, которая, по его расчетамъ, должна была случиться въ февралѣ будущаго года. Чванову казалось, что онъ смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и догадывался о томъ игѣ, которое онъ несъ.

XII.

Елена Григорьевна въ нумерахъ „Славянскаго базара“ прожила всю зиму. По недѣлямъ на нее находило какое-то оцѣпенѣлое состояніе, когда она даже не хотѣла одѣваться, а въ капотѣ лежала на диванѣ съ книгой въ рукахъ. Это было не чтеніе, а просто желаніе какъ-нибудь убить ненавистное время. Въ такіе моменты оцѣпенѣнія къ ней лучше было не подходить. Кстати она пріобрѣла какой-то особенный грубый тонъ въ обращеніи съ Чвановымъ и третировала его на каждомъ шагу. Это было совершенно непонятное для него превращеніе, и онъ чувствовалъ себя глубоко несчастливымъ. Но

являлся свѣтлый промежутокъ, и онъ забывалъ все. О, какъ она умѣла быть женщиной въ такіе свѣтлые моменты, и Чвановъ начиналъ надѣяться, что современемъ онъ ее передѣлаетъ, устроитъ разводъ, и жизнь пойдетъ совершенно по-другому. Часто ему хотѣлось сказать ей столько хорошаго, подѣлиться съ ней своими завѣтными мечтами и вообще этимъ путемъ вывести ее на новую дорогу. Вѣдь она хорошая, вся хорошая, если бы не это несчастное нелегальное положеніе въ настоящемъ и не тяжелое прошлое. Чвановъ переходилъ отъ надежды къ отчаянію и отъ отчаянія къ надеждѣ.

— Время—самый справедливый человѣкъ,— утѣшалъ онъ себя извѣстною итальянскою пословицей.

Чвановскій домъ точно спрятался въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Замоскворѣчья. Это были хоромы стараго купеческаго стиля съ высокою желѣзною крышей, съ узкими окнами-амбразурами, съ глухою каменною стѣной вмѣсто забора, глухимъ запущеннымъ садомъ, множествомъ совершенно ненужныхъ хозяйственныхъ пристроекъ и заросшимъ зеленою травой большимъ дворомъ. Внутри оставалось все въ томъ же видѣ, какъ было при старикахъ. Чвановъ ничего не трогалъ и занималъ вверху всего двѣ комнаты, одна изъ которыхъ была его рабочимъ кабинетомъ и библіотекой. У него была един-

ственная слабость, это — книги, и онъ ничего не жалѣлъ, составляя свою библіотеку изъ дорогихъ и рѣдкихъ книгъ на трехъ языкахъ.

Всѣмъ домомъ правила нянька Агаѳья, которая няньчила Павла Максимовича, а внизу жила глухая старуха-тетка, посвятившая себя посту и молитвѣ. Чвановъ чувствовалъ себя въ этой допотопной обстановкѣ совершенно чужимъ человѣкомъ и не продавалъ дома только изъ сожалѣнія къ двумъ старушкамъ. Его удивляло то, что эти отшельницы знали почти все, что дѣлалось въ Москвѣ, а главное, какими-то невѣдомыми путями развѣдали объ его отношеніяхъ къ Еленѣ Григорьевнѣ.

— Ужъ ѣхалъ бы ты лучше въ свою заграницу,—съ какой-то особенной суровостью совѣтовала ему нянька Агаѳья, считавшая его все еще маленькимъ.—Чего зря въ Москвѣ болтаешься...

— Мнѣ и въ Москвѣ хорошо...

— Ну, ужъ ѣхалъ бы...

Старуха прямо не договаривала всего до конца и только вздыхала. Зато, прибирая утромъ комнаты, она ворчала себѣ подъ-носъ:

— Мало ли худыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ... А другая баба навяжется, такъ безъ смерти смерть... Лукавыя есть бабы, особливо когда попадется денежный человѣкъ...

— Да это ты про кого, няня?

— А такъ, летѣла мимо сорока да на хвостѣ принесла... Измалодушествовался нонѣ народъ въ Москвѣ, сами себя потеряли и концовъ не могутъ найти. Ну, вотъ старуха и ворчитъ!.. Нечего взять со старухи...

Въ одно прекрасное утро нянька Агаѳья не вытерпѣла и выложила все на-чистоту, до обвиненія Елены Григорьевны въ отравленіи любовника включительно. Чвановъ страшно разсердился и даже затопалъ на няньку ногами.

— Молчать и не смѣть повторять подобныхъ глупостей!—кричалъ онъ.—И какое кому дѣло до меня?!

— Вотъ, вотъ это самое и есть... Добрымъ-то людямъ на тебя со стороны жаль смотрѣть, какъ ты пропадомъ пропадаешь у своей-то жаръ-птицы.

Развѣ можно было сердиться на выжившую изъ ума старуху, кричать на нее и даже топать ногами? Чванову ужасно было совѣстно, когда онъ опомнился и пришелъ въ себя. Да, онъ уже не былъ онъ, а кто-то другой, неизвѣстный и чужой. Потомъ онъ видѣлъ заплаканное старушечье лицо и говорилъ:

— Няня, вѣдь у каждаго своя судьба? Да?

— Ахъ, голубчикъ... Пашенька... Ежели, напримѣрно, родители-то поглядѣли бы на тебя...

— Хорошо, хорошо... Будетъ, няня. Я никому

зла не дѣлаю и не желаю дѣлать, а остальное— пустяки.

И Чванову было совѣстно. Откуда приходитъ это таинственное чувство совѣсти, какъ оно складывается, наростаетъ и проявляется, и что такое само по себѣ? Взять, хоть, этотъ старый чвановскій домъ, пропитанный тугими и неуклонными традиціями старины, а онъ казался сейчасъ Чванову какимъ-то молчаливымъ протестомъ, тѣмъ старымъ-старымъ человѣкомъ, который затаилъ въ себѣ свои истинныя мысли и чувства и смотритъ на легкомысленную молодежь съ снисходительною улыбкой. Что-то чувствовалось недосказанное, какое-то неудовлетворенное стремленіе къ какой-то правдѣ, и конечный результатъ — эти двѣ старушки, жившія мыслью о близкой смерти. Чванову невольно напрашивался, въ видѣ контраста, опредѣлявшій собственную смерть докторъ Брусницынъ, невѣрующій, жалкій и фальшивый.

Есть „чувство дома“, именно то чувство, которое переживаетъ свившая свое гнѣздо птица, и Чванову казалось, что когда-нибудь развалившійся купеческій домъ оживетъ, согрѣтый улыбкой любимой женщины. Онъ уже отдѣлилъ этой женщинѣ ея комнаты и мысленно обставилъ ихъ сообразно требованіямъ современнаго комфорта. Ему нравились эти мысли, потому что съ ними связывалась мечта о будущемъ. Вѣдь

такъ нельзя было жить и не стоило. У Чванова давно была мечта пріобрѣсти маленькое имѣньице, именно—маленькое, гдѣ онъ могъ бы устроить и школку, и фельдшерскій пунктъ, и небольшое опытное хозяйство, какъ живую сельскохозяйственную школу для окрестнаго населенія. И жизнь была бы полна, особенно если бы работа шла рука-объ-руку съ любимымъ человѣкомъ. Сейчасъ Чвановъ не выдавалъ своихъ тайныхъ плановъ и выжидалъ удобнаго момента. О, такой моментъ наступитъ, онъ долженъ быть...

— Ты бы, Павелъ Максимычъ, поменьше сидѣлъ въ своемъ кабакѣ,—говорила какъ-то няня Агаѳья, провожая его утромъ изъ дома.

— Въ какомъ кабакѣ, няня? Что вы такое говорите?

— А вотъ такое... Днюешь и ночуешь тамъ, а когда надъ тобой же смѣются: „Нашъ сидѣлецъ пришелъ“... Легко этакія слова слушать?

— Няня, да откуда вы все это можете знать?—удивлялся Чвановъ, стараясь сдержать гнѣвъ.

— Слухомъ земля полнится, голубчикъ, а въ Москвѣ не спрячешься... У насъ въ сусѣдяхъ, значитъ, куфарка, а у этой куфарки, значитъ, родная племянница въ горничныхъ служитъ въ „Базарѣ“, ну вотъ тебѣ и все, какъ на ладонькѣ. Всѣ тебя жалѣютъ...

Чванову сдѣлалось вдругъ жутко, точно его

что придавило. Онъ даже ничего не отвѣтилъ старухѣ-нянькѣ, а молча повернулся и пошелъ своею дорогой. Э, пусть всѣ смотрятъ и смѣются. Все равно, возврата нѣтъ и не будетъ.

XIII.

Время шло. Елена Григорьевна почти каждый день уѣзжала куда-нибудь въ театръ, конечно, въ сопровожденіи Чванова. Онъ досталъ абонементъ въ оперу, въ Маломъ театрѣ у нихъ тоже была своя ложа,—Елена Григорьевна не выносила партера. Въ театрѣ она точно просыпалась отъ своего оцѣпенѣнія и дѣлалась прежнею Еленой Григорьевной, удивительно милой и простой. Она плакала, какъ институтка, когда играли что-нибудь грустное, и смѣялась до слезъ въ комическихъ сценахъ. Чвановъ терпѣть не могъ оперъ съ ихъ безсмысленнымъ содержаніемъ, безсмысленнымъ кривляніемъ знаменитыхъ артистовъ и, вообще, съ ихъ удручающей и принижающей пошлостью, прикрытою словомъ „искусство“. Они постоянно спорили на эту тему, и Елена Григорьевна снисходила до того, что допускала возраженія.

— Можетъ-быть, вы и правы, Павелъ Максимычъ, но эта пошлость производитъ на меня глубокое впечатлѣніе.

— Да, конечно, о вкусахъ не спорятъ, но есть границы всему.

— Вѣдь и жизнь, если разобрать, тоже пошлость, только не такая яркая... Мнѣ кажется, что люди живутъ только по привычкѣ жить. Сознаніе усыпляется сутолокой ежедневныхъ мелочей, обманомъ собственныхъ ощущеній и вѣчною скукой.

Послѣ спектакля они уѣзжали куда-нибудь поужинать, чаще всего въ „Эрмитажъ“. Елена Григорьевна обыкновенно сохраняла хорошее расположеніе духа, и со стороны всѣ могли полюбоваться этой счастливою парочкой. Разъ, въ одну изъ такихъ хорошихъ минутъ, Елена Григорьевна вся съежилась и проговорила:

— *Онъ* здѣсь...

— Кто?

— Мужъ... Вонъ столикъ налѣво, у окна.

— Что же, вы его боитесь?

— Не боюсь, но мнѣ какъ-то совѣстно съ нимъ встрѣтиться... А впрочемъ...

Ее неожиданно охватило любопытство. Что онъ можетъ съ ней сдѣлать, въ самомъ дѣлѣ? Рѣшительно ничего... Относительно „совѣстно“ она прилгала, потому что никогда не уважала этого человѣка.

— Вотъ что, Павелъ Максимычъ,—проговорила она съ веселою улыбкой.—Онъ сидитъ одинъ, и, кажется, ему скучно. Идите и позо-

вите его къ намъ... Все-таки не чужой человѣкъ. Мнѣ даже жаль его, бѣдненькаго...

— Это капризъ, Елена Григорьевна...

— Ну, голубчикъ, сдѣлайте это для меня... Мнѣ вѣдь неудобно подойти къ нему. Пожалуйста, голубчикъ...

— Хорошо, сдѣлаю по-вашему, но только это ваше желаніе...

Серединъ сидѣлъ за своимъ столикомъ въ большомъ раздумьѣ, такъ что даже не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему Чвановъ.

— Здравствуйте, Ефимъ Петровичъ...

— А... что? Ахъ, это вы, молодой человѣкъ... Очень радъ васъ видѣть. Присаживайтесь, пожалуйста...

Онъ крѣпко пожалъ руку Чванова и пытливо посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Меня послала къ вамъ Елена Григорьевна... Мы сидимъ вонъ тамъ... Она желаетъ васъ видѣть.

Елена Григорьевна встрѣтила мужа съ самой предупредительною улыбкой и сразу замѣтила въ немъ большую перемѣну. Онъ какъ-то опустился и точно выцвѣлъ. Въ глазахъ стояла тревога. Вообще, получалось то, что называется почтеннымъ подержаннымъ джентльменомъ. Видимо, въ его жизни произошелъ какой-то крутой переворотъ, и переворотъ не въ его пользу.

— Я недавно узналъ, что вы здѣсь,—мягко

и немного заискивающе заговорилъ Серединъ, какъ-то неловко усаживаясь на стулъ.—И хотѣлъ какъ-нибудь завернуть къ вамъ... да.

— Очень рада буду васъ видѣть, Ефимъ Петровичъ.

Чвановъ сдѣлался свидѣтелемъ самой милой встрѣчи супруговъ, добрыхъ знакомыхъ, и рѣшительно не понималъ, чего хотѣла Елена Григорьевна. Онъ очутился въ самомъ дурацкомъ положеніи.

— А я переѣхалъ въ Москву,—разсказывалъ Серединъ. — Т.-е., переѣхалъ пока... У меня есть одно дѣло, отъ котораго зависитъ все. Вообще, много непріятныхъ хлопотъ...

— Извините за нескромный вопросъ, Ефимъ Петровичъ,—заговорила Елена Григорьевна съ дѣловымъ видомъ.—У васъ, вѣдь, есть вторая семья... да?.. Неужели вы ее оставили тамъ, на югѣ?

— Гм... Пока еще ничего неизвѣстно, гдѣ я и самъ устроюсь, поэтому, конечно, они остались тамъ.

— И много „ихъ“?

— Двѣ дѣвочки и мальчикъ.

— А она? Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть свою преемницу. Вы не обижайтесь на меня, Ефимъ Петровичъ, за такое любопытство...

Онъ только посмотрѣлъ на нее умоляющими глазами. Она поняла, что онъ потерялъ службу

и бросилъ свою семью на произволъ судьбы самымъ безсовѣстнымъ образомъ, что и было въ дѣйствительности.

— Я въ Москвѣ тоже *пока*...—заговорила Елена Григорьевна, нарушая неловкую паузу.—Вы, вѣроятно, тоже слышали, что Аркадій Евгеньичъ скоропостижно скончался прошлымъ лѣтомъ.

— О, да... Читалъ объ его смерти даже въ газетахъ. Да, читалъ и не вѣрю тому, что о немъ писали... О мертвомъ можно все написать...

Эта деликатность тронула Елену Григорьевну, и она сдержала вздохъ.

— Да, хорошій былъ человѣкъ,—продолжалъ Серединъ, наблюдая Чванова.—А главное, какая цѣльная натура... Мощный характеръ. Нѣтъ, не вѣрно, что про него разсказываютъ на югѣ...

Чванова удивило, когда онъ взглянулъ на Елену Григорьевну: у нея на глазахъ выступили слезы. А Серединъ, точно назло, продолжалъ говорить объ Аркадіи Евгеньевичѣ, припоминая разные эпизоды своихъ встрѣчъ съ нимъ.

— Помните, Елена Григорьевна, какъ мы втроемъ обѣдали вонъ за тѣмъ столикомъ?

Серединъ усердно прихлебывалъ изъ своего стакана шампанское и замѣтно началъ хмелѣть. Подогрѣтый виномъ онъ точно весь распустился. Подъ конецъ ужина онъ не утерпѣлъ и разсказалъ о таинственномъ дѣлѣ, которое его задерживало въ Москвѣ.

— Со службы, говоря откровенно, меня прогнали... да... За послѣднее время я сильно опустился и, конечно, самъ во всемъ виноватъ. И никого не виню... Начинать службу съ первой ступеньки поздно... Да... У меня сохранились кое-какія сбереженія, и я хочу пріобрѣсти себѣ гдѣ-нибудь подъ Москвой небольшой клочокъ земли и буду жить трудомъ собственныхъ рукъ...

У Чванова даже подъ ложечкой засосало, когда Серединъ заговорилъ его собственными мыслями. Да онъ, Чвановъ, думалъ то же самое, что сейчасъ говорилъ Серединъ, и основаніемъ этихъ мыслей служило одно и то же, именно, скромное желаніе уйти куда-нибудь отъ самого себя, какъ это бываетъ съ больными, которые хотятъ съ перемѣной мѣста убѣжать отъ болѣзни.

— А вѣдь хорошо,—резюмировала Елена Григорьевна, перебивая мужа. — Возьмите меня, Ефимъ Петровичъ, въ экономки...

Эта выходка даже не показалась смѣшной, и Серединъ отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Нѣтъ, Елена Григорьевна, безъ шутокъ—я живу этими мыслями... Моя послѣдняя козырная карта...

XIV.

Появленіе Середина усилило страданія Чванова и сдѣлало его положеніе невыносимымъ. Елена Григорьевна точно прикармливала мужа, и Чвановъ испытывалъ первыя муки ревности. Елена Григорьевна потихоньку отъ него назначала мужу свиданія и это больше всего мучило Чванова. Они о чемъ-то говорили между собой, чего онъ не зналъ, у нихъ были какіе-то общіе интересы, проявлялось что-то сближающее до того, что Елена Григорьевна въ присутствіи Чванова начинала жалѣть мужа.

— Я начинаю жалѣть бѣднягу,—говорила она.—Онъ плохо кончитъ...

— Вѣроятно такъ же, какъ всѣ мы.

— Вы думаете?

— Почти увѣренъ.

Она вызывающе улыбнулась и перемѣнила разговоръ, какъ это дѣлаютъ съ гостями, которые не умѣютъ себя держать.

Серединъ быстро освоился съ своей новой ролью и началъ относиться къ Чванову покровительственно, какъ къ начинающему молодому человѣку. Когда Елена Григорьевна была недовольна Чвановымъ, онъ заводилъ рѣчь объ Аркадіи Евгеньевичѣ. Эта тема оказалась неистощимою и варьировалась на тысячи ладовъ. Подавали кушанье,—Аркадій Евгеньевичъ любилъ его или не

любилъ,—мелочи домашней обстановки, костюмы Елены Григорьевны, удовольствія—все мѣрилось Аркадіемъ Евгеньевичемъ.

Съ каждымъ днемъ Серединъ дѣлался смѣлѣе и подъ хмелькомъ пускался въ самую обидную откровенность.

— А признайтесь, Павелъ Максимычъ, достается вамъ отъ Елены Григорьевны?—спрашивалъ онъ, подмигивая.—Кто бы могъ думать, что у нея окажется такой характеръ...

— Намъ, Ефимъ Петровичъ, лучше не поднимать подобныхъ темъ...

— Отчего же? Я давно примирился съ своей ролью мужа въ отставкѣ и могу смотрѣть на вещи совершенно безпристрастно... Помните, какъ Аркадій Евгеньичъ держалъ ее въ ежевыхъ рукавицахъ? Хе-хе... Что же, было такое дѣло, и я знаю, что онъ ее билъ. Да, билъ. А она и сейчасъ не можетъ вспомнить о немъ безъ слезъ. Вотъ тутъ что-нибудь и поймите... Надо мной она просто издѣвается, какъ и надъ вами. А отчего? Недосгаетъ у насъ съ вами, батенька, характера, а, по итальянской пословицѣ, орѣхи, ослы и женщины требуютъ жесткихъ рукъ.

Выведенный изъ терпѣнія Чвановъ спасался самымъ постыднымъ бѣгствомъ, чтобы избавиться отъ этого стараго негодяя. Онъ только потомъ находилъ остроумные отвѣты ему и ей, и оказывался дѣйствительно находчивымъ, лов-

кимъ и остроумнымъ. Но эти минуты тяжелаго раздумья проходили, одинъ ласковый взглядъ Елены Григорьевны—и все забывалось до слѣдующаго раза. Каждая ласка, каждая улыбка, каждое милое слово покупались слишкомъ дорогою цѣной.

Настроеніе самой Елены Григорьевны было крайне смутное, вѣрнѣе сказать, она даже не понимала, что съ ней дѣлается и какъ вышло, что она сблизилась съ Чвановымъ. Да, онъ хорошій, добрый и умный человѣкъ, но все-таки она его не любила и не могла къ нему привыкнуть. Ей часто казалось, что вотъ-вотъ войдетъ къ ней въ комнату Аркадій Евгеньевичъ, посмотритъ кругомъ прищуренными глазами и скажетъ всего одну фразу:

— Это что такое?!

Всего удивительнѣе для нея самой было то, что та ненависть, съ которою она относилась еще такъ недавно къ нему, ненависть, близкая къ преступленію, какъ-то отпала сама собой, обиды были забыты и оставалось только одно, именно, что онъ ее дѣйствительно любилъ, какъ другіе не могутъ полюбить. Въ немъ была эта властная, покоряющая мужская ласка, была та энергія, которая не останавливается ни передъ чѣмъ, только съ нимъ она испытывала моменты жгучаго счастья... И сейчасъ же является его преемникомъ Чвановъ. Боже, какъ она презира-

ла и ненавидѣла себя и вымещала собственный позоръ съ женскою логикой на немъ. Ее захватило чувство власти, женскаго деспотизма и мелкой женской жестокости, точно она мстила какому-то несправедливому и злому божеству. Беззащитность Чванова ее еще сильнѣе раздражала. Этотъ несчастный даже не могъ разсердиться на нее по-настоящему и готовъ былъ просить прощенія за нанесенныя ему же оскорбленія.

Въ сущности, послѣ тихаго домашняго рабства, какое она переживала замужемъ, послѣ бурной власти Аркадія Евгеньевича, сейчасъ Елена Григорьевна переживала опьяняющее состояніе собственнаго деспотизма. Для нея ничего невозможнаго не было, и каждое ея слово являлось закономъ. Когда, огорченный какой-нибудь новою выходкой, Чвановъ уходилъ, ей хотѣлось его вернуть, приласкаться и наговорить тѣхъ безумныхъ словъ, какія понятны только однимъ влюбленнымъ. А когда онъ возвращался,—увы! этихъ чудныхъ словъ, этого воляпюка любви уже не было. Елена Григорьевна часто упрекала себя за жестокость и все-таки не могла быть другою. Да, не прошло еще и года послѣ смерти Аркадія Евгеньевича, и она не узнавала сама себя. Боже мой, давно ли она сама пресмыкалась какъ червь и ловила каждый взглядъ?.. А теперь? Сознаніе собственной силы дѣлало ее жестокою.

Появленіе мужа являлось въ этой цѣпи психологическихъ моментовъ послѣднимъ звеномъ. Сейчасъ, наблюдая его, Елена Григорьевна никакъ не могла понять, какъ въ свое время этотъ человѣкъ являлся въ ея жизни послѣднимъ словомъ. Вѣдь, въ сущности, это — олицетворенное ничтожество, какъ большинство такъ-называемыхъ корректныхъ мужей, которые для своихъ женъ являются государствомъ въ государствѣ. Когда-то она по цѣлымъ часамъ ждала его возвращенія со службы, старалась по-бабьи угодить ему каждой мелочью домашняго обихода, скучала по немъ и была увѣрена, что другой жизни нѣтъ и не можетъ быть и что всѣ на свѣтѣ живутъ такъ же, хотя природа и распредѣлила свои блага между мужчинами и женщинами крайне несправедливо.

И вмѣстѣ со всѣмъ этимъ у Елены Григорьевны просыпалась какая-то непонятная для нея самой жалость къ мужу. Можетъ-быть, онъ и сдѣлался такимъ благодаря ей. А за нимъ стояла брошенная семья, въ возникновеніи которой она тоже была отчасти виновата. Она нѣсколько разъ заводила съ мужемъ разговоръ на эту тему, но онъ отдѣлывался общими мѣстами и даже что-то такое острилъ.

— И васъ это не мучаетъ, Ефимъ Петровичъ?

— Какъ вамъ сказать... Конечно, непріятно. Но чѣмъ я виноватъ, если не сошелся со своей второю женой характеромъ?

— А дѣти?

— Я посылаю на ихъ воспитаніе, сколько могу.

— Но вѣдь они васъ ждутъ? Не вашихъ денегъ ждутъ, а васъ... Я убѣждена, что, уѣзжая, вы сказали имъ, что уѣзжаете ненадолго, по дѣламъ. Да?

— И я, дѣйствительно, уѣхалъ по дѣламъ...

— Вы не думаете о нихъ, когда видите другихъ дѣтей, не видите ихъ во снѣ?

— Какъ вамъ сказать... Въ этихъ случаяхъ у каждаго свой характеръ.

Разъ Елена Григорьевна съ рѣзкой откровенностью проговорила:

— Знаете, я убѣждена, Ефимъ Петровичъ, что вы и денегъ не посылаете дѣтямъ... да. Вы—погибшій человѣкъ...

Онъ сдѣлалъ какое-то глупое лицо и отвѣтилъ почти съ нахальствомъ:

— Я не требую отчета у васъ относительно вашей личной жизни, и самъ не считаю себя обязаннымъ давать отчетъ.

XV.

Павелъ Максимовичъ Чвановъ былъ счастливъ... Это было 3-го апрѣля утромъ, когда онъ шелъ пѣшкомъ въ „Славянскій базаръ“. Онъ поднялся

рано утромъ и не зналъ, какъ убить ему время до 12-ти часовъ, когда просыпалась Елена Григорьевна. Московская весна уже вступила въ свои права. Солнце свѣтило такъ любовно и ласково, вызывая всюду жизнь, движеніе и радость. По дорогѣ изъ своего Замоскворѣчья Чвановъ зашелъ въ Кремль, чтобы убить нежелавшее двигаться время, и долго любовался Москвой. Не страдая квасным патріотизмомъ, Чвановъ не могъ не любоваться роднымъ гнѣздомъ, въ которомъ сконцентрировалась вся русская сила.

— Да, хорошо... — думалъ Чвановъ вслухъ, разсматривая свое Замоскворѣчье.

И все было, дѣйствительно, хорошо, и все отвѣчало радостному настроенію Чванова. У него даже тихо кружилась голова, а лицо распускалось въ улыбку. Всѣ счастливые люди имѣютъ немного глупый видъ, и ихъ счастье, что имъ некогда смотрѣться въ зеркало. Счастье Чванова началось вчера послѣ обѣда. Середина, противъ обыкновенія, не было. Елена Григорьевна имѣла серьезный и задумчивый видъ. За кофе они разговорились, какъ давно не говорили, — просто, душевно, искренне. Это было что-то новое и неожиданное.

— Ахъ, какъ мнѣ нужно вамъ сказать много-много,—нѣсколько разъ повторила Елена Григорьевна.—Вѣдь я скоро уѣзжаю изъ Москвы...

Конечно, она только изъ вѣжливости говорила объ одной себѣ, какъ дѣлала и раньше.

— Теперь отлично на югѣ, — поддерживалъ эту мысль Чвановъ. — Можно взять весну на южномъ берегу Крыма, только не въ Ялтѣ...

Она отрицательно покачала головой.

— Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ васъ, — поспѣшилъ согласиться Чвановъ.

Они говорили о прелести жизни въ глухой провинціи, о своемъ маленькомъ-маленькомъ уголкѣ, гдѣ никому и ничего неизвѣстно и гдѣ можно начать жизнь сызнова. Время летѣло незамѣтно, и оба удивились, когда часы на каминѣ пробили одиннадцать.

— Вамъ, голубчикъ, пора домой, — предупредила Елена Григорьевна.

Когда онъ вышелъ въ коридоръ, она вернула его, крѣпко обняла и, цѣлуя, прошептала:

— Не думайте, милый, дурно обо мнѣ... Я совсѣмъ не такая нехорошая, какъ вы думаете...

Опять объятія и поцѣлуи. Это была еще первая нѣжная сцена между ними, и Чвановъ вышелъ на улицу пьяный отъ счастья. Онъ даже пошатывался и нѣсколько разъ протиралъ глаза, точно не могъ проснуться.

Да, все это было, и Чвановъ почти не спалъ цѣлую ночь. Онъ лежалъ въ своей постели и улыбался. Боже мой, какъ она была хороша и какъ онъ ее безконечно любилъ!

Какъ мы уже сказали, апрѣльское утро было безконечно, и Чвановъ пришелъ въ „Славянскій базаръ“ ровно въ одиннадцать часовъ утра, т.-е. раньше срока ровно на часъ. Проходя въ общую залу, Чвановъ успѣлъ замѣтить, что артельщики, принимавшіе платье въ передней, сегодня были какъ-то особенно милы. И буфетчикъ тоже былъ милъ, и услуживающій офиціантъ милъ.

— Эге, г. Чвановъ?—остановилъ его знакомый голосъ, когда онъ проходилъ къ своему столику.

Это былъ знакомый по Гунгербургу баронъ фонъ-Клаккъ. Онъ жестомъ пригласилъ Чванова къ своему столику, даже самъ подалъ ему стулъ.

— Давненько не видались...—говорилъ баронъ, расправляя свои кошачьи усы.—А знаете, докторъ Брусницынъ сдержалъ свое слово.

— Да?

— Какъ же, какъ сказалъ. Сказалъ, что умретъ въ февралѣ нынѣшняго года,—такъ и сдѣлалъ... Это очень порядочно...

Извѣстіе о смерти доктора не произвело на Чванова никакого впечатлѣнія. Какой докторъ Брусницынъ? Что ему вздумалось умирать именно въ февралѣ, когда такъ холодно?

— Да, онъ сдержалъ свое слово, какъ долженъ дѣлать всякій порядочный человѣкъ... А я, знаете, уже успѣлъ заказать поросенка съ

хрѣномъ, фаршированный калачъ... Вѣдь эти вещи можно получить только въ Москвѣ.

Чвановъ не слушалъ этой баронской болтовни и совершенно невѣжливо посмотрѣлъ на часы два раза. Было всего еще двадцать минутъ двѣнадцатаго.

— А помните этого сыщика съ рыжими усами, съ которымъ мы играли въ карты въ Гунгербургѣ?—продолжалъ баронъ и захохоталъ съ какой-то особою фамильярностью.

Въ этотъ моментъ офиціантъ подалъ Чванову на серебряномъ подносѣ два письма.

— Отъ барыни,—коротко объяснилъ онъ.

Чвановъ разорвалъ конвертъ дрожавшими руками и прочелъ:

„Милый, дорогой Павелъ Максимовичъ, когда вы будете читать это письмо, я уже буду далеко... Проститься съ вами лично я не имѣла силы... Прощайте, прощайте, дорогой, милый, и не поминайте меня лихомъ... Я пишу это письмо, и меня душатъ слезы... Но нужно быть рѣшительной, а я уже давно рѣшила. Я уѣзжаю на югъ съ мужемъ... Не удивляйтесь и не осуждайте. Причинъ для такого шага достаточно. Оставаться въ Москвѣ я не могла, чтобы напрасно не мучить васъ... Мнѣ больно говорить вамъ, какъ вы хорошо и безгранично меня любили и какъ я этого не заслуживала. Напомню вамъ нашъ разговоръ передъ отъѣздомъ изъ Гунгер-

бурга. Я говорила вамъ, что мнѣ *нечѣмъ* любить, что я устала, что я никого не могу любить... Вы были другого мнѣнія и... вы знаете, къ чему это повело. Боже мой, что я выдѣлывала съ вами, и какъ мнѣ сейчасъ стыдно... Сейчасъ приступаю къ искупленію всѣхъ своихъ ошибокъ. Именно, я еще могу поднять на ноги мужа и спасти его отъ окончательнаго паденія; затѣмъ на моей совѣсти лежитъ брошенная имъ его вторая семья, которую онъ бросилъ на произволъ судьбы, затѣмъ... Милый, дорогой, вы не знаете, какъ мнѣ трудно было разставаться съ вами, но это необходимо,—я не желаю губить вашу молодую жизнь, потому что не могу сдѣлать васъ счастливымъ. Вы погорюете, посердитесь на меня и... согласитесь со мной, что я была права. Мы повидаемся съ мамой, а потомъ уѣдемъ куда-нибудь въ глушь, чтобы начать новую жизнь. Еще разъ: не презирайте и не проклинайте меня. Буду вамъ писать. Прощайте, милый, дорогой...

Всегда ваша Елена".

Второе письмо было отъ Середина, который писалъ лаконически:

„Дорогой другъ, Павелъ Максимовичъ, во всей всемірной исторіи это, кажется, первый случай, когда мужъ похищаетъ собственную жену,—и этотъ мужъ—вашъ покорнѣйшій слуга. Да, бываютъ сны, а наяву чуднѣй... Кстати, я остаюсь

вамъ должнымъ около шестидесяти рублей, каковые и вышлю почтой. Жму вашу руку и желаю всего лучшаго.

Весь вашъ Ефимъ Серединъ".

Чвановъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, перечитывая эти роковыя для него письма. У него кружилась голова, а передъ глазами плыли какія-то красныя пятна. Половины прочитаннаго онъ не понималъ и перечитывалъ снова.

— А вотъ и фаршированный калачъ!.. — радостно заявилъ баронъ фонъ-Клаккъ, когда официантъ подалъ закуску.—Только съ чего начать: съ поросенка или съ калача? Какъ это у васъ дѣлается въ Москвѣ, г. Чвановъ?

Но Чвановъ поднялся и, не отвѣчая на вопросъ, направился къ выходу. Официантъ догналъ его со шляпой уже въ передней. Чвановъ какъ-то особенно медленно нахлобучилъ шляпу на голову, махнулъ рукой и навсегда вышелъ изъ „Славянскаго базара". Онъ походилъ на угря, съ котораго живьемъ сняли кожу.

Стрекоза.

Изъ лѣтнихъ идиллій.

I.

Утро было свѣжее. Ночью выпалъ дождь, и мокрая трава блестѣла на солнцѣ. Но утренняя свѣжесть уже не имѣла той чарующей, пахучей теплоты, какъ лѣтомъ. Стояли первые дни августа, и въ воздухѣ чувствовался первый осенній холодокъ.

Настасья Ивановна нарочно выбрала дальнюю дорожку парка, чтобы „продышаться“ на цѣлый день. Вѣдь въ ея распоряженіи былъ всего одинъ свободный часъ, именно—отъ семи до восьми часовъ утра, и она ежедневно дѣлала одну и ту же прогулку со своего дачнаго чердачка до вокзала. Ей казалось, что столѣтнія березы, сосны и ели уже знаютъ ее и, когда она проходила мимо, шепчутъ ей: „Здравствуйте, Настенька. Вы опять идете въ свою проклятую будку? Бѣдная Настенька!..“ Дѣвушка знала до мельчайшихъ подробностей свою ежедневную дорогу, каждый кустикъ, мутную рѣчку, кати-

вшуюся въ низкихъ глинистыхъ берегахъ, каждое дерево. Ей казалось, что всѣ деревья добрыя, да иначе и быть не могло, потому что они пользуются величайшимъ счастьемъ быть вѣчно на свѣжемъ воздухѣ. А какъ имъ весело, когда солнце обливаетъ ихъ своимъ ликующимъ свѣтомъ... Солнце—вѣдь это сама жизнь, и Настенька ничему такъ не завидовала, какъ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы могутъ пользоваться этимъ солнцемъ. О! она всегда сидѣла бы гдѣ-нибудь на солнышкѣ и пила бы солнечный свѣтъ, какъ больные пьютъ свои лѣкарства. Да, солнце, солнце, солнце и еще немножко солнца... Тогда бы Настенька не была такимъ заморышемъ, руки и ноги у нея не были бы такими тоненькими, лицо не было бы такимъ блѣднымъ, а глаза не смотрѣли бы такъ печально, точно она только-что перенесла какую-то тяжелую болѣзнь.

Да, сегодня было первое осеннее утро, и съ березъ медленно падали желтые листья, точно слетали обезсилѣвшія бабочки. Въ воздухѣ въ первый разъ чувствовался горькій ароматъ этого палаго осенняго листа, и дѣвушка съ искреннею радостью думала:

„Слава Богу, лѣто прошло“...

Дѣвушка даже улыбнулась, глядя на валявшіеся по травѣ желтые листья. Да, они еще недавно давали кому-то тѣнь, кому-то наше-

птывали свои зеленыя лѣтнія сказки, веселили своей шепчущею зеленью чей-то глазъ... И вдругъ все кончено: солнечные лучи уже не давали настоящаго живого тепла... Въ одномъ мѣстѣ, на поворотѣ дорожки, гдѣ стояла зеленая скамейка, Настасья Ивановна подняла валявшуюся на пескѣ поблекшую за ночь розу. Дѣвушка внимательно ее осмотрѣла и только вздохнула. Кто-то сорвалъ эту розу, чтобы поднести какой-то дѣвушкѣ или дамѣ. Вѣроятно, эта дѣвушка была счастлива, улыбалась, смотрѣла на *него* благодарными глазами... Вѣдь цвѣты, а особенно розы,—само счастье. Каждое утро, идя на службу, Настасья Ивановна находила брошенные цвѣты, и ей дѣлалось какъ-то обидно и горько за неслыханное счастье, которымъ пользовались вотъ въ этомъ паркѣ другіе. Ей казалось, что въ цвѣтахъ сохранилась еще теплота державшихъ ихъ рукъ.

„Скоро не будетъ цвѣтовъ,—озлобленно думала дѣвушка, разрывая чужую розу по лепесткамъ.—Довольно, нарадовались“...

Она уже видѣла деревья голыми, видѣла покрывавшій землю первый снѣгъ, сквозь который пробивалась замерзавшая трава, слышала завыванье холоднаго вѣтра и карканье голодныхъ воронъ,—лѣто кончено, а съ нимъ кончилось и завидное чужое счастье.

Настасья Ивановна всегда испытывала не-

пріятное чувство, когда ея дорога кончалась. Вотъ крутой берегъ рѣчки съ великолѣпною аллеей изъ сосенъ и елей, спускъ къ мостику, изъ-подъ котораго съ шумомъ падала вода, крутой подъемъ, на которомъ она задыхалась, широкій лугъ, послѣдніе дубы и липы, а тамъ уже виднѣлось зданіе вокзала съ эстрадой для музыкантовъ и большою площадкой для гуляющей публики. Она проходила по этой площадкѣ какъ-то торопливо, точно бѣжала, стѣсняясь за свое старенькое платье, прошлогоднюю дешевенькую шляпу и выцвѣтшую пелерину. Въ этотъ ранній часъ собственно публики на площадкѣ, конечно, не было, кромѣ торопливо шагавшихъ на вокзалъ мелкихъ служащихъ, которымъ было не до нея, да офиціантовъ, убиравшихъ свои столики на галлереѣ около буфета. Правда, въ это время всегда стоялъ татаринъ Хайбибула, приземистый сѣдой старикъ съ угловатою головой и щетинистыми усами. Онъ кланялся издали Настасьѣ Ивановнѣ и говорилъ всегда одно и то же:

— На службу идешь?

— На службу...

— Служи, служи. Нельзя, надо служить...

Другіе офиціанты смотрѣли на Настасью Ивановну съ улыбкой и что-то говорили Хайбибулѣ, который съ презрѣніемъ отмахивался рукой. Дѣвушкѣ казалось, что офиціанты го-

ворятъ про нее, и говорятъ что-то дурное, и ей дѣлалось обидно. Развѣ она сдѣлала кому-нибудь зло или сказала про кого-нибудь что-нибудь дурное?

Сегодня было какъ всегда, и Хайбибула къ обычному вопросу о службѣ прибавилъ только одну фразу, точно видѣлъ мысль, которую несла Настасья Ивановна:

— А лѣто прошелъ...

Дѣвушка только улыбнулась въ отвѣтъ и быстро, какъ ящерица, скрылась въ дверяхъ громадной концертной залы, гдѣ такъ гулко раздавались даже ея легкіе шаги. Изъ концертной залы шелъ широкій выходъ на платформу. Налѣво пристроилась фруктовая лавочка, а рядомъ—крошечная будка, гдѣ Настасья Ивановна торговала газетами. Молодцы изъ фруктовой не обращали на нее никакого вниманія, точно мимо нихъ проходила кошка, и это ей было немножко обидно. Дѣвушка боялась пропустить первый поѣздъ изъ Петербурга, съ которымъ получались свѣжія газеты и пріѣзжалъ обыкновенно самъ хозяинъ, пожилой господинъ съ просѣдью. У него по линіи дороги было нѣсколько газетныхъ кіосковъ, и онъ постоянно жаловался, что дѣла идутъ плохо, хотя послѣдняго и не было. Звали его Ѳедоромъ Егорычемъ. Настасья Ивановна знала, что у него большая семья и что онъ добрый человѣкъ, совсѣмъ

добрый, если бы постоянно не нуждался въ деньгахъ.

— Охъ, ужъ эти деньги...—повторялъ Ѳедоръ Егорычъ, вытирая лицо платкомъ.—Дыхнуть нельзя безъ денегъ...

Настасью Ивановну онъ называлъ просто Настенькой, что выходило у него какъ-то особенно ласково.

— Эхъ, Настенька, и отчего вы только худѣете? Никакого настоящаго дѣвичьяго фасона у васъ нѣтъ, чтобы покупающей публикѣ было пріятно... Вонъ какія развертныя продавщицы бываютъ. Другой бы и мимо прошелъ, а тутъ за фасонъ газетину купитъ. Ужъ, кажется, все у васъ: и паркъ, и музыка, и всякая публичность...

Если бы добрый Ѳедоръ Егорычъ нарочно придумывалъ что-нибудь пообиднѣе, то навѣрное не сумѣлъ бы придумать. Настасья Ивановна забиралась въ свою будку въ концѣ восьмого часа и выходила изъ нея только въ двѣнадцать часовъ ночи, когда отходилъ послѣдній дачный поѣздъ. Она не видѣла въ теченіе цѣлаго дня солнца, а только проходившую публику, которая вѣчно куда-то торопилась. Свой обѣдъ она приносила съ собой въ узелочкѣ, а Хайбибула два раза подавалъ ей чай за старыя газеты, которыя она давала ему читать.

II.

Изъ будки Настасьи Ивановны никогда не было видно солнца, что ее огорчало больше всего. Освѣщался только дальній конецъ платформы, да и то вечеромъ, когда уходилъ семичасовой поѣздъ. Молодцы изъ фруктовой, когда не было покупателей, поочередно выскакивали на освѣщенную часть платформы и въ садъ, а Настасья Ивановна не могла даже этого сдѣлать, потому что не на кого было оставить будку. Ей приходилось только завидовать счастливымъ фруктовымъ молодцамъ, которые хоть урывками видѣли лѣтнее солнце, могли свободно двигаться за своимъ прилавкомъ и безъ конца болтать съ покупателями и между собой.

Но въ самомъ скверномъ положеніи бываютъ еще болѣе скверныя положенія, и въ данномъ случаѣ это были тѣ часы, когда играла музыка. Настасья Ивановна сначала слушала музыку съ удовольствіемъ, а потомъ она начала ее раздражать, больше—дѣвушка испытывала тяжелое чувство, которое не сумѣла бы назвать. Это было что-то въ родѣ того безпричиннаго страха, какой испытывается иногда во снѣ. Дѣвушка начинала волноваться съ того момента, когда пріѣзжали музыканты. Она смотрѣла на нихъ какъ на своихъ личныхъ враговъ, которые являлись каждый вечеръ со спеціаль-

ною цѣлью мучить ее, такую хилую и беззащитную.

А тутъ еще дачная публика, которая гуляла по платформѣ цѣлые дни, — одни уѣзжали, другіе провожали, третьи встрѣчали пріѣзжавшихъ. Какъ имъ всѣмъ весело... Настасьѣ Ивановнѣ часто хотѣлось имъ крикнуть:

„Развѣ вы не видите, что я совсѣмъ одна, что мнѣ скучно, что я совсѣмъ не вижу солнца?!“

Но ее никто не замѣчалъ. У каждаго было свое дѣло, каждаго кто-нибудь ждалъ, и всѣ ужасно торопились, чтобы не пропустить ни одного хорошаго солнечнаго дня. Боже мой, какіе люди злые!.. Чтобы они имѣли въ свое время газеты, Настасья Ивановна должна была по шестнадцати часовъ отсиживать въ своей будкѣ. Вѣдь всѣ это видѣли, и никто, никто этого не замѣчалъ. Дѣвушка начинала думать, что и тѣ люди, которые пишутъ въ газетахъ, тоже злые, всѣ злые... И проклятыя газеты печатаются только для того, чтобы она, Настенька, все лѣто не видала солнца.

— Злые, всѣ злые, — повторяла дѣвушка, когда мимо нея безъ конца тянулась всегда по-праздничному разодѣтая толпа.

Особенно ее возмущали дамы, которыя ничего не дѣлали и знали только наряжаться. Довольныя, сытыя, счастливыя, онѣ жили какъ чужеядныя растенія.

Единственный человѣкъ, который замѣчалъ Настеньку, былъ старикъ Хайбибула, хотя онъ и относился къ ней съ непонятною для нея грубостью.

— Чего сидишь?—спрашивалъ онъ сердито.— Другія бабы гуляй, а ты сиди... Сколько угодно сиди, все равно ничего не высидишь...

— Вѣдь и ты тоже служишь, Хайбибула,— точно оправдывалась Настасья Ивановна. — И давно служишь...

— Я—другое... совсѣмъ наоборотъ... Я тридцать-пять лѣтъ офиціантомъ служу, да пять лѣтъ въ мальчикахъ... Ухъ, какъ ремнемъ драли, когда былъ въ мальчикахъ... Спать вотъ какъ хотѣлось, а тутъ соннаго ремнемъ... Соскочишь, ничего не понимаешь, а тебя опять ремнемъ... Вотъ я и знаю свою службу лучше всѣхъ. У Бореля служилъ, у Ломача... на островахъ... Я все могу понимать... Хайбибула все знаетъ...

Эти разговоры происходили, когда старикъ приносилъ чай. Онъ точно немного конфузился, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Настенькѣ казалось, что ему нравилось говорить съ ней и что онъ какъ-будто чего-то не договариваетъ. Хайбибула смотрѣлъ на нее своими черными глазами съ желтымъ бѣлкомъ какъ-то особенно, въ-упоръ, а при разговорѣ сдвигалъ черныя густыя брови. Были моменты, когда старикъ какъ-то вдругъ весь измѣнялся и даже говорилъ другимъ то-

номъ, именно, когда говорилъ о своемъ родномъ Касимовскомъ уѣздѣ и своемъ татарскомъ гнѣздѣ. Развѣ что-нибудь можетъ быть лучше на свѣтѣ Касимовскаго уѣзда, гдѣ у Хайбибулы былъ и свой домъ и все хозяйство, настоящее хозяйство. Старый татаринъ съ какимъ-то умиленіемъ разсказывалъ Настенькѣ объ этомъ своемъ домѣ, объ оставшейся дома семьѣ и о томъ, какъ онъ самъ вернется туда коротать свою старость.

— У васъ одно нехорошо,—сказала Настасья Ивановна, невольно завидуя благополучію Хайбибулы.—Вы выдаете дѣвушекъ замужъ насильно... да.

— Мы?! Насильно?!.. — недоумѣвалъ Хайбибула.—Пришло дѣвкѣ время—и выдаемъ, а насильно—нѣтъ... Сдѣлай милость.

— Дѣвушка, можетъ-быть, и въ глаза не видала своего жениха...

— А зачѣмъ ей смотрѣть? Отецъ да мать получше смотрятъ...

— А она его все-таки не знаетъ и не можетъ любить...

— Эге, не можетъ... Все можетъ, когда замужъ вышла. Все... Ваша дѣвушка сегодня посидитъ съ кавалеромъ, завтра посидитъ съ кавалеромъ, семь разъ посидитъ съ кавалеромъ—дѣвушки и нѣтъ... Тридцать-пять лѣтъ служу и все могу отлично понимать. Дѣвушка...

Развѣ нашу татарскую дѣвушку посадятъ въ такую конуру? Эге, старый Хайбибула все понимаетъ... У меня своя дочь есть; развѣ я ее посажу на вокзалъ газеты продавать? Шайтанъ печаталъ ваши газеты... все врутъ...

— У васъ по четыре жены у каждаго татарина,—сказала Настенька.

— Такой законъ... У меня одна жена, а кто хочетъ... Зато у насъ старыхъ дѣвокъ нѣтъ и другихъ пустяковъ... У насъ дѣвку изъ семьи не выпустятъ, потому что больно ее берегутъ... У насъ дѣвка—дорогой товаръ. Вашу дѣвку женихъ безъ приданаго не беретъ, а за нашу дѣвку женихъ большой калымъ платитъ.

Въ словахъ стараго татарина Настасья Ивановна противъ желанія находила много правды, точно онъ говорилъ о ней, больше—точно онъ видѣлъ все, что она сейчасъ переживала. Даже шестнадцатичасовое сидѣнье въ будкѣ не могло убить живого человѣка... Да, у Настасьи Ивановны была тайна, настоящая тайна, о существованіи которой догадывался одинъ Хайбибула, когда говорилъ о „пустякахъ“, да еще какъ ей казалось, знали музыканты. Они точно досказывали ей то, чего она не могла выговорить словами, а только чувствовала. Всѣ эти мѣдныя трубы, скрипки и контрабасы пѣли вмѣстѣ съ ея сердцемъ, жаловались, страдали, плакали и радовались... О! пусть разгуливаютъ

эти счастливыя, разодѣтыя, красивыя дамы, за которыми ухаживаютъ красивые, разодѣтые и счастливые кавалеры,— никто и ничего не узнаетъ о большой тайнѣ худенькой маленькой дѣвушки, которая сидитъ все лѣто въ своей будкѣ.

Въ первый разъ *онъ* подошелъ къ ея будкѣ и по разсѣянности спросилъ не газету, а спичекъ.

— Это рядомъ,—отвѣтила она и только теперь увидѣла стоявшаго у ея прилавка стройнаго молодого студента.

— Ахъ, виноватъ, барышня,—весело отвѣтилъ онъ и засмѣялся рѣшительно безъ всякаго основанія.

Настасья Ивановна смотрѣла на него и только чувствовала, какъ у нея захолонуло на душѣ. Да, это былъ *онъ*, настоящій *онъ*... Боже мой, какая красота родится на свѣтѣ! Дѣвушка представляла себѣ *его* именно такимъ: высокаго роста, стройный, съ румянымъ свѣжимъ лицомъ, маленькими рыжеватыми усиками, распушенными по послѣдней модѣ на концахъ, что придавало этому молодому лицу немного удивленный видъ. А какіе ласковые каріе глаза, какая милая, безобидная улыбка, свѣжій, съ неостывшими еще дѣтскими нотками голосъ—и вообще что-то такое свѣжее, молодое, радостное, счастливое, еще не проснувшееся отъ здороваго дѣтства.

Онъ подошелъ къ фруктовой, купилъ коробку шведскихъ спичекъ, по-пути съѣлъ три яблока, и ушелъ.

Вернувшись вечеромъ домой, въ свой дачный чердачокъ, Настасья Ивановна просидѣла у открытаго окна до утренней зари и не замѣчала, какъ по ея лицу бѣжали слезы.

III.

Онъ бывалъ на вокзалѣ каждый день, потому что нужно же было куда-нибудь ѣхать на велосипедѣ. Настасья Ивановна знала даже часы, когда онъ пріѣзжалъ, и каждый разъ страшно волновалась. Съ нимъ пріѣзжали другіе велосипедисты въ какихъ-то шутовскихъ курточкахъ и шапчонкахъ, полосатыхъ фуфайкахъ и шерстяныхъ чулкахъ до колѣнъ. Они называли его Жоржикомъ, и Настасью Ивановну коробило, когда кто-нибудь хлопалъ его фамильярно по плечу. Какъ они смѣютъ, эти гороховые шуты, такъ обращаться съ нимъ? Жоржикъ всегда былъ одѣтъ въ бѣлоснѣжный китель съ высокимъ накрахмаленнымъ воротникомъ; форменная фуражка была самая модная—съ козырькомъ до половины лба, съ прямою тульей; панталоны въ обтяжку, какъ у гусаръ,—вообще онъ походилъ скорѣе на офицера, чѣмъ на студента, и даже

ходилъ по-кавалерійски, подавшись корпусомъ впередъ и разставляя широко на-ходу носки. Говорилъ онъ, растягивая слова и нарочно шепелявилъ. А какъ мило онъ почти къ каждому слову прибавлялъ букву „э“. По разсѣянности Жоржикъ раза два еще подходилъ къ будкѣ Настасьи Ивановны.

— Э... позвольте спичекъ... Ахъ, виноватъ, барышня.

Когда не было никого изъ велосипедистовъ, Жоржикъ забирался въ отдѣленіе, гдѣ продавали пирожное, и наѣдался какъ гимназистъ приготовительнаго класса.

Настасья Ивановна переживала всѣ счастливыя муки перваго чувства, до ревности включительно. О! какое это ужасное чувство ревность... И въ матеріалѣ для него не было недостатка, потому что коварный Жоржикъ ухаживалъ за каждою юбкой. Однѣхъ кузинъ у него было нѣсколько дюжинъ. Настасья Ивановна глубоко страдала и бранила Жоржика, называя его просебя „проклятымъ моржикомъ“. Но, вѣдь, онъ рѣшительно былъ невиноватъ, что всѣ дамы ухаживали за нимъ, въ чемъ Настасья Ивановна убѣждалась каждый день собственными глазами.

„Да пусть ухаживаютъ, а онъ все-таки мой“, думала дѣвушка, глядя на ухаживавшихъ дамъ съ подобающимъ въ такихъ случаяхъ презрѣ-

ніемъ. „Мой, мой, мой... еще разъ мой... А вы, несчастныя, и не подозрѣваете ничего. Мой моржикъ“...

Это чувство собственности выросло какъ-то само-собой и даже перешло въ своего рода скупость. Настасья Ивановна владѣла Жоржикомъ безраздѣльно. Ей принадлежалъ каждый его взглядъ, каждое движеніе и каждая мысль. Она мысленно гуляла съ нимъ каждый вечеръ подъ звуки музыки, а потомъ уходила въ тѣнистыя аллеи вѣкового парка, гдѣ разсказывала ему все, все... Она рано осталась сиротой и выросла у тетки, бѣдной и больной женщины, которой сейчасъ помогала. Десяти лѣтъ тетка отдала ее въ швейный магазинъ, гдѣ она пробыла ужасныхъ пять лѣтъ и едва вырвалась. Ее морили голодомъ, били, заставляли работать по восемнадцати часовъ въ сутки... Потомъ она вырвалась изъ этого ада благодаря дальнему родственнику, служившему на финляндскомъ пароходикѣ, который доставилъ ей мѣсто кассирши на одной изъ маленькихъ пристаней-плотовъ на Фонтанкѣ. Тамъ была тоже будка, только еще хуже, чѣмъ здѣсь: единственное окошечко упиралось въ рыбный садокъ, и она видѣла только руки счастливыхъ пассажировъ, платившихъ ей въ кассу по двѣ копейки. Фонтанка всегда такая грязная, и она съ ранней весны до глубокой осени дышала зараженнымъ воздухомъ. А тутъ еще по-

стоянная сырость отъ воды... Жоржикъ все это выслушалъ и такъ хорошо ее жалѣлъ, а она разсказывала и плакала счастливыми слезами. Онъ вѣдь такой добрый и славный... А тамъ, на садовой эстрадѣ, играла такая хорошая музыка, и вмѣстѣ съ Настенькой плакали и скрипки и мѣдныя трубы, и тихо жаловались контрабасы.

Однимъ словомъ—дѣвушка переживала всѣ муки непережитого счастья.

Итакъ, день стоялъ осенній, съ бодрымъ осеннимъ холодкомъ, что̀ Настенька скоро почувствовала, когда забралась въ свою будку. На-ходу, похолодѣвшій воздухъ дѣйствовалъ ободряюще, а въ будкѣ онъ заставилъ ее дрожать и прятать покраснѣвшія руки въ рукава.

— Ухъ, стюдяно!—выкрикивалъ кто-то изъ фруктовыхъ молодцовъ, похлопывая руками.— Хоть въ шубу полѣзай, въ самый разъ...

Утромъ газеты раскупались нарасхватъ, и Настасья Ивановна едва успѣвала давать сдачу, что̀ всегда ее немного сердило. Вѣдь она одна, а покупателей много, и каждый требуетъ сдачи, точно нельзя впередъ приготовить пятачокъ или семь копѣекъ. Къ одиннадцатичасовому поѣзду неожиданно явился Жоржикъ. Онъ пришелъ пѣшкомъ, такой свѣжій и розовый отъ осенняго холода. Заложивъ руки въ карманы и насвистывая арію изъ „Маскотты“, Жоржикъ бродилъ по платформѣ съ дѣловымъ видомъ.

„Ахъ, какой онъ хорошенькій сегодня“, съ гордостью подумала Настасья Ивановна, глядя на него съ чувствомъ собственности.

Жоржикъ подходилъ раза два къ ея будкѣ, что-то раздумывалъ и говорилъ:

— Э... у васъ нѣтъ спичекъ, барышня... э...

— Нѣтъ, я торгую газетами... Хотите *Новости*?

— Э... я читаю только *Петербургскую Газету*...

Въ сущности. Жоржикъ не читалъ даже и *Петербургской Газеты*, потому что чувствовалъ органическое отвращеніе къ печатной бумагѣ. Вся его литература заключалась въ анонсахъ скачекъ и вообще въ отдѣлѣ спорта. Онъ могъ перечислить фамиліи всѣхъ жокеевъ, зналъ наизусть родословную каждой лошади и всевозможные рекорды, чѣмъ по справедливости могъ гордиться въ своемъ велосипедномъ кругу. А дома у себя, гдѣ духовныя потребности исключительно удовлетворялись одной *Петербургскою Газетой*, онъ являлся великимъ свѣточемъ, оракуломъ и авторитетомъ, потому что вся семья была поглощена спортомъ, до семилѣтней Вовочки включительно. Такихъ спортсменскихъ семей было нѣсколько, и лѣтомъ, на дачѣ, между ними устраивалось что-то въ родѣ семейнаго тотализатора, составлялись пари, и велись самые ожесточенные споры по-поводу разныхъ фаворитовъ, рекордовъ и особенно по-поводу будущихъ выигрышей. Изъ болтовни велосипедистовъ Настасья Ивановна

знала многое о семьѣ Жоржика, о какой-то его сестрѣ Ритѣ, которая обладала счастливымъ даромъ предсказывать будущіе выгрыши, и сейчасъ рѣшила, что Жоржикъ, вѣроятно, жестоко проигрался въ тотализаторъ и поэтому имѣетъ такой дѣловой видъ. Но причина оказалась другою.

Настасья Ивановна думала, что Жоржикъ ушелъ, какъ вдругъ услышала его голосъ сейчасъ рядомъ со своею будкой, гдѣ стояла рѣшетчатая деревянная скамейка. Да, это говорилъ онъ, но такимъ убитымъ, растереннымъ тономъ.

— Послушай, Люся, такъ нельзя...—виновато повторялъ онъ.—Э... наконецъ, тутъ публика... насъ могутъ услышать...

— А мнѣ все равно, пусть слушаютъ,—отвѣчалъ рѣшительный женскій голосъ съ хриплыми нотами.—Да, пусть всѣ смотрятъ, какъ несчастный мальчишка... вѣдь, ты мальчишка!.. Да, какъ такой скверный мальчишка обманываетъ меня. О! я все знаю, вижу и понимаю!..

Настасьѣ Ивановнѣ показалось, что кто-то ударилъ ее прямо по лицу. Она страшно поблѣднѣла и чувствовала только одно—что ей дышать нечѣмъ. *Ея* Жоржика смѣли называть мальчишкой!.. И кто!.. же какая-то старая, озвѣрѣвшая баба... Настасья Ивановна видѣла, какъ она подходила давеча къ Жоржику,—совсѣмъ-совсѣмъ старая, брюзглая, и носъ крючкомъ, а глаза, какъ у вороны, злющіе, противные, безсовѣстные.

IV.

Положеніе Жоржика ухудшалось съ каждою секундой. Онъ старался незамѣтно отступить къ линіи вагоновъ, но энергичная дама загородила ему дорогу.

— Ты хочешь бѣжать, скверный мальчикъ!..— возмутилась она въ окончательной формѣ.—А кто платилъ за твою игру на тотализаторѣ, а?..

— Люся, ради Бога!..— умоляюще шепталъ Жоржикъ, оглядываясь на фруктовую лавку, которая, какъ ему казалось, вся состояла изъ улыбавшихся рожъ.—Мы обращаемъ на себя общее вниманіе...

— Я этого и хочу!..

Нѣсколько кондукторовъ наблюдали эту сцену и тоже улыбались. Станціонный жандармъ шагалъ по платформѣ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. Сидѣвшая на скамьѣ швея съ картонкой долго удерживалась и, наконецъ, фыркнула, зажимая ротъ рукой. Въ дверяхъ концертной залы показался Хайбибула. Онъ видалъ на своемъ вѣку столько скандаловъ, что уже не могъ ничему удивляться, и только сурово сдвинулъ свои густыя брови, когда зонтикъ въ рукахъ Люси началъ принимать угрожающее положеніе.

— Ловко барыня отчекрыживаетъ велосипедиста,—хвалили фруктовые молодцы.

— А не играй въ тотошку на чужой счетъ...

— Ужо вотъ она ему залѣпитъ прямо по наружности... Лихая барыня, настоящій французскій скипидаръ.

Настасьѣ Ивановнѣ показалось, что у нея точно сто ушей и глазъ, и что она видитъ и слышитъ всѣхъ заразъ, а главнымъ образомъ ея вниманіе сосредоточивалось на зонтикѣ, которымъ Люся размахивала все съ бо̀льшимъ азартомъ. Вотъ-вотъ эта сумасшедшая баба ударитъ Жоржика и ударитъ непремѣнно по лицу. Дальше Настасья Ивановна помнила только одно, именно—что этотъ ненавистный зонтикъ очутился какъ-то у нея въ рукахъ и что она его сломала. Да и другіе не успѣли замѣтить, когда она успѣла выскочить изъ своей будки.

— Вы... вы не смѣете его бить!..—задыхавшимся голосомъ шептала Настасья Ивановна: ей казалось, что она кричитъ на весь вокзалъ.—Да, не смѣете... Вы—гадкая, гадкая...

Въ первый моментъ m-me Люся совершенно растерялась и даже закрыла инстинктивно лицо руками; ей казалось, что выскочившая точно изъ-подъ земли сумасшедшая дѣвчонка хочетъ ударить ее именно по лицу. Можетъ-быть, такъ бы и случилось, если бы не подбѣжалъ нерастерявшійся Хайбибула и не удержалъ Настасью Ивановну за руку.

— Барышня, оставь... ухъ, нехорошо!—гово-

рилъ Хайбибула, стараясь увести вырывавшуюся изъ его рукъ дѣвушку.

— Оставьте меня... *Она* злая... *она* хотѣла его ударить по лицу...—повторяла Настенька съ истерическимъ смѣхомъ.

— Говорятъ: оставь...—сурово повторялъ Хайбибула.—Говорятъ. Ухъ, нехорошо!

Появленіе жандарма измѣнило сразу всю картину. М-me Люся съ вызывающимъ видомъ заявила ему:

— Эта... эта особа хотѣла убить меня, т.-е. ударить зонтикомъ. Удивительно милые порядки на вашей желѣзной дорогѣ... Порядочной женщинѣ нельзя показаться...

— Извините, сударыня, а только это ужъ начальство разберетъ...—съ жандармскою вѣжливостью отвѣчалъ жандармъ.—Сейчасъ составимъ протоколъ, а тамъ ужъ все разберутъ. Очень просто...

При словѣ „протоколъ“ m-me Люся грозно посмотрѣла на Жоржика и, указывая глазами на Настеньку, прошипѣла:

— Вотъ до чего вы довели эту несчастную жертву вашего темперамента... да. Любовный дуэтъ разрѣшается полицейскимъ протоколомъ... Очень мило вообще. Господинъ жандармъ, я попрошу васъ составить протоколъ и записать все, все, записать съ самаго начала...

Когда жандармъ повернулся къ будкѣ, Хайбибула предупредилъ его:

— Не безпокойся... *Онъ* помиралъ.

Но старикъ ошибся. Дѣвушка была только въ обморокѣ. Хайбибула перенесъ ее на рукахъ, какъ ребенка, въ жандармскую комнату, куда былъ вызванъ по телефону желѣзнодорожный врачъ.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности,—возмущалась m-me Люся и, обернувшись въ сторону Жоржика, прибавила:—вотъ полюбуйтесь вашею жертвой...

Но—увы!—Жоржика уже не было. Онъ воспользовался моментомъ суматохи и незамѣтно скрылся.

Настасья Ивановна пришла въ себя только на своемъ чердакѣ. Она лежала у себя на кровати, прикрытая старенькимъ пледомъ, замѣнявшимъ ей одѣяло. Она только сейчасъ испугалась, напрасно стараясь припомнить что-то ужасное, что случилось сегодня. Впечатлѣніе этого ужаснаго оставалось въ сознаніи смутно и неясно. Что-то она такое сдѣлала, около нея было много народа, на нее кричала какая-то дама, потомъ ее велъ домой по парку Хайбибула... Она едва тащилась и нѣсколько разъ должна была отдыхать, а Хайбибула совалъ ей въ руку какой-то пряникъ и повторялъ:

— Ѣшь, все пройдетъ... Ухъ, нехорошо...

Дешевый, совершенно черствый пряникъ лежалъ сейчасъ на столѣ въ качествѣ веществен-

наго доказательства, и благодаря ему Настасья Ивановна постепенно возстановила выпавшія изъ памяти подробности всего случившагося. Ахъ, какая была противная эта дама съ зонтикомъ... Бѣдный Жоржикъ, зачѣмъ онъ знакомится съ такими ужасными женщинами? Она хотѣла его ударить по лицу...

— Противная... гадкая...—шептала Настасья Ивановна, переживая снова ужасную сцену.

Закрывъ глаза, она видѣла больше, чѣмъ случилось. Да, она ударила зонтикомъ эту злющую бабу, сорвала съ нея шляпу, толкнула громаднаго жандарма прямо въ грудь и т. д., и т. д. Разстроенное воображеніе работало съ особенною яркостью, и дѣвушка сжимала свои худенькіе кулачки, угрожая, повидимому, врагу. Настасья Ивановна больше не плакала и лежала, съ сухими холодными глазами, убитая, уничтоженная, жалкая. Временами она даже улыбалась и начинала думать вслухъ.

— Развѣ такія дѣвушки, какъ я, имѣютъ право любить?.. *Это* могутъ дѣлать совсѣмъ другія дѣвушки, тѣ, которыхъ воспитываютъ нарочно для *этого*... Да, ихъ для *этого* откармливаютъ, какъ индюшекъ, для *этого* ихъ одѣваютъ, для *этого* чему-то учатъ, а поэтому онѣ и дѣлаются такими смѣлыми, веселыми, красивыми... А дѣвушки, у которыхъ всего и свѣта въ окнѣ, что какая-нибудь голодная и больная тетка,—такимъ

нечего объ *этомъ* и думать... смѣшно и глупо думать... Прощай, Жоржикъ!..

Настенька больше не показывалась въ своей будкѣ, и Ѳедору Егорычу пришлось самому бѣгать съ газетами по платформѣ. Содержатель фруктовой лавки, съ которымъ они ходили иногда въ трактиръ пить чай, сочувствовалъ пріятелю и жалѣлъ его.

— Подвела тебя стрекоза-то, Ѳедоръ Егорычъ! Вотъ даже какъ подвела... Долго ли было потерпѣть до конца сезону, она вонъ какую штуку отколола.

Ѳедоръ Егорычъ не роптalъ, хотя и принималъ это сожалѣніе, какъ нѣчто заслуженное. Онъ всегда помнилъ, что онъ добрый человѣкъ, и отвѣчалъ фруктовщику, точно оправдываясь именно въ этой своей добротѣ:

— Что ужъ тутъ подѣлаешь, то-есть, скажемъ, касаемо этихъ стрекозъ... Неочерпаемый ихъ уголъ въ городѣ Санктъ-Петербургѣ, и всѣ на одинъ фасонъ: глядѣть—какъ-будто и человѣкъ, а у всѣхъ кость жидкая. Вотъ на мѣсто Настеньки сейчасъ двадцать такихъ-то явится, выбирай любую да лучшую, а цѣна всѣмъ одна... Хотятъ свой хлѣбъ ѣсть, а того и не понимаютъ, что бѣлый-то хлѣбъ на черной землѣ родится.

Фруктовщикъ тоже былъ не злой человѣкъ и не могъ не пожалѣть бѣдную стрекозу.

— Трудно имъ, которыя ежели немного съ

благородствомъ... Горничной хорошей—и того не выйдетъ, не говоря ужъ о кормилкахъ и тому подобномъ.

„Стрекоза“ исчезла съ вокзала, и это событіе осталось совершенно незамѣченнымъ. Такъ же гуляла праздная дачная публика, такъ же играла по вечерамъ музыка, такъ же старый Хайбибула какими-то жадными глазали выискивалъ въ толпѣ знакомыхъ *хорошихъ* господъ, которые могли понимать настоящую службу, и т. д. Куда дѣвалась Настасья Ивановна? Никто этимъ не интересовался и никто этого не зналъ. Ея мѣсто въ будкѣ заняла другая „стрекоза“.

Между нами.

I.

Говоря *между нами*, мнѣ нынче стукнуло ровно сорокъ-шесть лѣтъ... и я остался старымъ холостякомъ, который по вечерамъ подолгу сидитъ одинъ у камина, какъ старый котъ. У меня есть и настоящій котъ, который грѣется у огня вмѣстѣ со мной. Это настоящій философъ, хотя изъ скромности и прикрытый кошачьею шерстью. Старый плутъ отлично понимаетъ меня, хотя и притворяется. Это самый упрямый эгоистъ изъ всѣхъ философовъ и постоянно находится въ созерцательномъ настроеніи.

— Ну что̀, Васька, плохи дѣла?..—говорю я иногда.

— Э, все равно... плевать!..—мурлычетъ мой философъ. — Не сто̀итъ, знать, Платонъ Васильичъ...

Въ подтвержденіе своей мысли старый плутъ сладко жмурится и даже подбираетъ подъ себя свой хвостъ. Я знаю, что этотъ хвостъ конфу-

зитъ мохнатаго философа. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли этотъ хвостъ былъ такой пушистый, а теперь вытерся, вылинялъ и сдѣлался такимъ тощимъ! Ни одна кошка не заинтересуется такимъ гадкимъ хвостомъ, и ничего больше не остается, какъ только скромнымъ образомъ спрятать его подъ себя. „Э, не стоитъ, знать... плевать!..“

Человѣкъ, которому сидѣть по вечерамъ подъ огонькомъ вошло уже въ привычку, собственно даже не человѣкъ, а такъ, какая-то человѣческая тѣнь,—то, что остается отъ каждаго человѣка въ сорокъ-шесть лѣтъ, когда недостатокъ внутренняго огня замѣняется внѣшнею теплотой. Мой другъ, докторъ Клейстъ, такъ и говоритъ:

— Ну, старина, намъ необходимо погрѣться... Это принципъ всякаго движенія, а движеніе есть жизнь, и только движеніе.

— Да, докторъ, необходимо поддерживать температуру... Вы сегодня что намѣрены пустить въ ходъ?..

— По обыкновенію, водку...

Докторъ Клейстъ скалитъ свои вставные зубы, и мы идемъ въ клубный буфетъ. Собственно, докторъ вретъ: онъ считаетъ еще себя достаточно молодымъ, чтобы ухаживать за молоденькими дѣвушками, но мнѣ его жаль. Ничего нѣтъ хуже этихъ вѣчно-молодящихся старичковъ, которые обманываютъ самихъ себя. А док-

торъ Клейстъ очень любитъ молоденькихъ женщинъ, и у него бываетъ такое глупое лицо, когда онъ начинаетъ говорить свои комплименты, которые походятъ на его рецепты.

Да-съ... Недавно въ нашемъ клубѣ былъ семейный вечеръ. Публики, противъ обыкновенія, набралось много, особенно молоденькихъ дѣвушекъ, и докторъ Клейстъ танцовалъ съ увлеченіемъ. Я сталъ въ дверяхъ танцовальной залы и долго смотрѣлъ на кружившуюся толпу. Сколько свѣжихъ молодыхъ лицъ (я говорю о женщинахъ)! Были очень красивыя лица, какъ это дѣлаетъ природа въ семнадцать лѣтъ. Около меня, у стѣны сидѣла блондинка въ голубомъ платьѣ. Кавалеры не давали ей отдыха, и она являлась на свой стулъ только перевести духъ. Славная дѣвушка, и я, по старой привычкѣ, выпрямилъ грудь—вѣдь моя фигура когда-то сводила съ ума женщинъ, но я вспомнилъ своего стараго кота и подумалъ: „Э, все равно... плевать!“

Музыка играла, пары кружились; докторъ Клейстъ танцовалъ, какъ кадетъ, а я смотрѣлъ кругомъ, и мнѣ вдругъ сдѣлалось очень жаль вотъ этихъ разгорѣвшихся счастливыхъ дѣвушекъ, которыя улыбались, кокетливо обмахивались вѣерами и вообще дѣлали то же самое, что дѣлали ихъ мамаши, бабушки и прабабушки, вплоть до нашей праматери Евы.

Да, чортъ возьми, въ свое время Платонъ Васильевичъ Казаринъ тоже танцовалъ и очень недурно танцовалъ. Тогда тоже были красивыя дѣвушки, а голова Платона Васильевича была украшена настоящею гривой изъ русыхъ кудрей. Ничего, было весело, а главное—такъ легко на душѣ. Вотъ по части денегъ—другой вопросъ. У Платона Васильевича едва хватало на входный билетъ да за платье швейцару. Но это все пустяки... Теперь есть и деньги, но недостаетъ именно того, что на деньги не покупается, и у Платона Васильевича, вмѣсто стоявшихъ копной кудрей, просвѣчиваетъ лысина. Впрочемъ, это *между нами*, и я вполнѣ надѣюсь на страстность моей читательницы—нѣтъ, она меня не выдастъ, я въ этомъ увѣренъ, потому что и моя читательница такого приличнаго возраста, о которомъ изъ вѣжливости не говорятъ. Та бѣлокурая дѣвушка, которая такъ весело танцовала въ нашемъ клубѣ, конечно, ужъ не будетъ читать этихъ строкъ: счастливая молодость читаетъ свое прямо изъ великой книги жизни.

Однако, я начинаю болтать, а это симптомъ неизлѣчимой старости. Все-таки я разскажу одну исторію, которая вспомнилась именно въ клубѣ, и по поводу которой я пожалѣлъ счастливыхъ дѣвушекъ. Кстати, и докторъ Клейстъ, котораго вы, конечно, знаете, отчасти входитъ въ нее, а послушать про знакомаго человѣка всегда пріят-

но. Но еще одно слово: вся эта исторія—между нами.

А огонекъ въ моемъ каминѣ такъ весело потрескиваетъ, и я не могу оторвать глазъ отъ бойкихъ искорокъ, которыя такъ весело танцуютъ въ голубоватомъ пламени, чтобы сейчасъ же потухнуть или стремительно улетѣть въ трубу. Старый философъ Васька погрузился въ сладкую дремоту вмѣстѣ съ своимъ хвостомъ и тоже, вѣроятно, вспоминаетъ, что было двадцать лѣтъ назадъ. Еще одно слово...

— А что, старина, если бы лѣтъ пятнадцать съ костей долой?—говорилъ мнѣ недавно докторъ Клейстъ.—Вѣдь не дурно бы... а?..

— Нѣтъ, докторъ, не стоитъ... Если хотите: двадцать, а то плевать.

Докторъ Клейстъ только пожалъ плечами, и я замѣтилъ, что ему было жаль меня, хотя—если кто изъ насъ двоихъ былъ жалокъ, такъ это онъ, мой другъ, докторъ Клейстъ.

II.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я жилъ въ одномъ изъ губернскихъ приволжскихъ городовъ, гдѣ служилъ мой дядя, Павелъ Семеновичъ. Городъ былъ бойкій, и дядя нашелъ мнѣ подхо-

дящее занятіе при одной комиссіонерской торговой фирмѣ, занимавшейся очень крупными операціями. Для двадцати-пяти-лѣтняго малаго лучшаго желать было нечего, и я зажилъ припѣваючи. Какъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, молодые люди были наперечетъ, и я скоро перезнакомился со всѣмъ городомъ. Въ качествѣ только-что пріѣхавшаго изъ столицы молодого человѣка, я представлялъ изъ себя интересную новинку; притомъ у меня былъ счастливый ростъ, цвѣтущее здоровье и вообще приличный видъ. Женщины находили меня даже красавцемъ, но это дѣло личнаго вкуса.

Лѣтомъ публика по вечерамъ собиралась на крутомъ берегу Волги, въ плохомъ и пыльномъ городскомъ саду, гдѣ играла плохая военная музыка. Дядя всегда тащилъ меня въ этотъ садъ и усаживалъ куда-нибудь въ тѣнистый уголокъ или въ бесѣдку, гдѣ мы и болтали за бутылкой дрянного вина. Нужно признаться, что мой дядя былъ очень дрянной человѣкъ, и нѣкоторая зависимость отъ него всегда меня стѣсняла. Можетъ-быть, поэтому я и не могъ никогда отказаться отъ этихъ прогулокъ tête-à-tête. Представьте себѣ лысаго, безобразнаго старика, который вѣчно говоритъ о „хорошенькихъ“ и вѣчно повторяетъ одни и тѣ же скабрезные анекдоты— вотъ вамъ портретъ моего милаго родственника.

— О, я люблю женщинъ!..—подмигивалъ дядя

и прибавлялъ: — знаешь, плутишка, я не могу пожаловаться на свою судьбу въ этомъ отношеніи! Учись у меня... Вѣдь, если и стоитъ жить на свѣтѣ, то только для женщины.

Это было обыкновенною прелюдіей къ какой-нибудь исторіи изъ жизни дяди, т.-е. онъ вралъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, разсказывая свои похожденія съ женщинами. Конечно, эти героини были красавицы чистѣйшей воды и бросались дядѣ прямо на шею, чтобы потомъ отравиться отъ безнадежной любви къ нему или утопиться. Впрочемъ, Богъ давно простилъ моего дядю за это невинное хвастовство, потому что такія красавицы существовали только въ его разстроенномъ воображеніи, а затѣмъ своею болтовней о женщинахъ и скабрезными анекдотами онъ вознаграждалъ себя за печальную дѣйствительность. Павелъ Семеновичъ былъ женатъ на богатой старухѣ, и сидѣлъ у жены подъ башмакомъ. И меня таскалъ онъ въ садъ только потому, что жена не отпускала его одного, да его и отпустить было нельзя, какъ нельзя было держать женскую прислугу моложе пятидесяти лѣтъ. Денегъ тетка, конечно, не давала въ руки своему супругу, и Павелъ Семеновичъ удовольствовался жалкими крохами, которыя успѣвалъ утянуть всякими правдами и неправдами при разныхъ хозяйственныхъ расчетахъ, чтобы потомъ пропутать ихъ гдѣ-нибудь въ номерахъ.

— Да, я не могу пожаловаться на женщинъ, чортъ возьми!..—повторялъ дядя съ апломбомъ, когда тетки не было въ комнатѣ.—Вся сила въ характерѣ. Нужно умѣть покорить женщину—въ этомъ весь секретъ. Павелъ Казаринъ умѣлъ пожить... хе-хе!.. Учись, Платонъ, у старика, если желаешь себѣ добра. Нужно себя держать съ женщиной такъ, чтобы она всегда немножко тебя боялась... Это, по крайней мѣрѣ, мое правило!..

Дядя какъ-то особенно гадко прищуривалъ лѣвый, косившій глазъ и слащаво улыбался, показывая кривые зубы. Сказать кстати, мнѣ иногда кажется, что и я начинаю хвастать, какъ дядя, вспоминая свое прошлое, но, вѣдь, я никогда не былъ женатъ, и мнѣ некого обманывать, а въ этомъ единственное преимущество всѣхъ старыхъ холостяковъ.

Итакъ, мы сидѣли съ дядей въ городскомъ саду и любовались прямо изъ своей бесѣдки чуднымъ закатомъ солнца. Сквозь рѣдкую сѣтку деревьевъ проступала необъятная даль Волги, тонувшей въ сѣровато-фіолетовыхъ тонахъ горизонта; по блестѣвшей, какъ серебро, водяной шири ползли букашками пароходы, а лодки походили на тѣ черныя точки, какія оставляетъ на зеркалахъ муха. Лѣвый волжскій берегъ уходилъ изъ глазъ низкою равниной, точно громадный коверъ, который въ Волгу спускался жел-

тою, причудливою бахромой,—это были волжскія отмели, такія красивыя издали и такія печальныя вблизи. Въ красотѣ Волги есть что-то лѣнивое и недосказанное, чувствуется какая-то скрытая сила, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на меня эта рѣка производила всегда немножко грустное впечатлѣніе, точно проголосная русская пѣсня; именно—красавица Волга разливается по русскимъ равнинамъ, какъ проголосная пѣсня, — болѣе удачнаго сравненія не умѣю подобрать. По правому гористому берегу лѣпились городскіе домишки съ своими яблоневыми садиками, а ближе къ нашему саду вставали каменныя хоромины, стѣснявшія старинную красную церковь съ пузатымъ куполомъ и почернѣвшими крестами. Такая же церковь стояла подъ горой, у самыхъ пристаней, гдѣ вѣчно шла рабочая суета, и люди ползли въ гору и съ горы, какъ муравьи.

Собственно говоря, я вижу отчетливо именно теперь эту картину Волги, повитую радужною дымкой и расцвѣченную розовыми огоньками заката, переливавшимися въ водѣ живой дрожью, а тогда я больше смотрѣлъ на гулявшую публику, т.-е. на женщинъ. Вотъ ходятъ по липовой аллеѣ двѣ сестры Хвостинскія, черноглазыя и румяныя—это изъ бѣдныхъ помѣщицъ, проживавшихъ въ городѣ послѣднія крохи; вотъ курносая штабсъ-капитанша Черепанова, за которою всегда тянется хвостъ провинціальныхъ ка-

валеровъ; вотъ дочь исправника, сентиментальная голубая дѣвица, вотъ шустрая поповна, тамъ чиновничьи дочери, купеческія—много ихъ и многія изъ нихъ мнѣ нравились. Что же, все славныя дѣвушки, и я зимой танцовалъ съ ними до-упаду. Нѣкоторыя, побойчѣе, смѣло заглядывали въ нашу сторону и чуть-чуть улыбались, отвѣчая на мои поклоны, хотя бѣдный дядя принималъ эти улыбки по своему адресу и совсѣмъ закрылъ свой косой глазъ для большаго эффекта. Э! Чортъ возьми, хорошо въ двадцать-шесть лѣтъ, когда весело отъ всякихъ пустяковъ...

— Ты развѣ съ ней знакомъ?—шопотомъ спрашивалъ меня дядя, указывая прямымъ глазомъ на проходившую мимо насъ дочь откупщика Быкова.

— Да... немножко.

— Э, да ты плутишка, какъ я вижу! Хе-хе... Недурна штучка!.. Я люблю бѣлокурыхъ, у нихъ такая нѣжная кожа... Чортъ возьми, не будь я женатъ, я не далъ бы спуска этой крошкѣ. Вѣдь у ней милліонъ, плутишка... Пойми и не зѣвай. Милліонъ!..

— Говорятъ...

— Это вѣрно, какъ въ аптекѣ. Смотри, ухаживай за ней посильнѣе—смѣлость города беретъ. А это кто съ ней шелъ, ну... молодой человѣкъ въ цилиндрѣ?..

— Это мой хорошій другъ, докторъ Клейстъ... Онъ недавно только сюда пріѣхалъ.

— Ага... Послушай, Платонъ: ты глупъ. Извини за откровенность, но старикъ-дядя желаетъ тебѣ добра. Ты, Платонъ, дуракъ... Будь я на твоемъ мѣстѣ, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, я на выстрѣлъ не подпустилъ бы къ ней не только своего друга, доктора Клейста, но роднаго отца.

Эта пѣтушиная храбрость дяди меня разсмѣшила, но я ничего не отвѣтилъ расходившемуся старику.

— А вотъ докторъ Клейстъ умнѣе тебя, — не унимался дядя, залпомъ выпивая стаканъ вина.— Да, онъ далеко пойдетъ. Докторъ не теряетъ напрасно времени, и голову отдаю на отсѣченіе, что онъ у тебя подъ-носомъ женится на этой барышнѣ Быковой.

— Что же, пусть женится—я буду у него на свадьбѣ шаферомъ.

— Дуракъ!..

— Да, вѣдь, вы сами же говорите, что у Быковой милліонъ, а у меня ничего нѣтъ—какая же это пара?..

— Вздоръ... Если у человѣка ничего нѣтъ, значитъ, и нужно отыскать такую дуру, у которой много. Притомъ, эта Быкова совсѣмъ не дурна... наконецъ, у такой молоденькой дѣвушки

и такой роскошный бюстъ, — о, это много обѣщаетъ! Повѣрь, я знаю толкъ въ женщинахъ...

Барышня Быкова опять проходила мимо нашей бесѣдки, и я толкнулъ дядю локтемъ, чтобъ онъ замолчалъ. Докторъ Клейстъ дѣйствительно велъ серіозную атаку и выступалъ передъ своею дамой какъ-то пѣтушкомъ, а она улыбалась и чертила по песчаной дорожкѣ своимъ свернутымъ зонтикомъ. Признаться сказать, это глупое ухаживанье меня задѣло за-живое, да и слова дяди, противъ желанія, произвели свое впечатлѣніе. Вы, конечно, знаете то особенное самолюбіе, когда подходишь къ женщинѣ и знаешь, что она видитъ только одного тебя, а остальные мужчины больше не существуютъ для нея... Да, чортъ возьми, Платонъ Казаринъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ и теперь расплачивается за эту мелкую монету счастья своимъ одиночествомъ.

Черезъ пять минутъ я уже былъ около m-lle Быковой и чувствовалъ, какъ ея маленькая ручка крѣпко пожимаетъ мою, а въ сѣрыхъ, немного дѣтскихъ глазахъ плаваютъ тѣ искорки, которыя краснорѣчивѣе цѣлой ученой библіотеки. Докторъ Клейстъ былъ уничтоженъ и жалко плелся въ хвостѣ, а дядя сидѣлъ въ своей бесѣдкѣ и хихикалъ самымъ торжествующимъ образомъ.

— Отчего это васъ такъ давно не видно?..— спрашивала меня m-lle Быкова, дѣлая задумчивое лицо.

— Много было занятій, Агнія Ефимовна...

На ней было широкое шелковое платье и кринолинъ, какъ тогда носили. Теперь смѣшно смотрѣть на эти моды, когда дамы походили на капустные вилки, поставленные кочномъ вверхъ, но всякая мода хороша для своего времени, и мнѣ нравилось платье моей дамы и подвинутая на уши широкая, загнутая чепчикомъ, соломенная шляпа, и пестрый зонтикъ съ шелковою бахромой, и серьги въ ушахъ.

— Иди, я тебя поцѣлую, плутишка,—говорилъ мнѣ дядя, когда я вернулся въ бесѣдку, проводивъ m-lle Быкову до ея экипажа. — А твой другъ, докторъ Клейстъ въ какихъ дуракахъ остался... Ха-ха!.. Нѣтъ, я не желалъ бы быть на его мѣстѣ.

III.

Молодость глупа, глупа тою счастливой, молодой глупостью, которая скрываетъ предъ ней всѣ прорѣхи, дыры и живыя нитки нашей жизни.

Наступила зима. Волга замерзла подъ толстымъ слоемъ сковавшаго ее льда. Нашъ городъ совсѣмъ былъ занесенъ снѣгомъ и походилъ на кладбище своими мертвыми пристанями, глухими улицами и домами безъ признаковъ жизни. Всѣ приволжскіе города на зиму умираютъ, какъ

мухи. Жизнь едва теплилась только подъ крышами домовъ, гдѣ шла какая-то усталая работа. Публика сообщалась въ дрянномъ мѣстномъ театрѣ да въ клубѣ, гдѣ играли больше въ преферансъ или въ стуколку. Вообще, зима самое печальное время въ провинціи, и я страшно скучалъ о столицѣ, гдѣ теперь въ полномъ разгарѣ катился зимній веселый сезонъ. Развернешь столичную газету и, по обрывкамъ отдѣльныхъ извѣстій, стараешься возстановить, какъ живутъ добрые люди на бѣломъ свѣтѣ: пріѣхала знаменитая пѣвица, въ дворянскомъ собраніи рядъ концертовъ, балы, въ театрахъ новыя пьесы, дамы разодѣлись по новой модѣ. Да, тамъ жизнь, а здѣсь прозябаніе, но нужно умѣть довольствоваться тѣмъ, что у каждаго подъ руками.

Домъ покойнаго откупщика Быкова стоялъ на главной Московской улицѣ. Въ немъ теперь жили всего двое—наслѣдница милліона, Агнія Ефимовна со старою теткой. Половина комнатъ стояла пустая. Молва говорила, что богатство старика Быкова нажито нечистымъ путемъ. Онъ былъ, кажется, гробовщикомъ и, какъ говорили, нажилъ деньги, раскапывая могилы богатыхъ покойниковъ, а потомъ примазался къ откупу. Но это все равно, — барышня Быкова была самою богатою невѣстой въ городѣ, и отъ женіховъ не было отбоя. Я бывалъ нерѣдко въ быковскомъ домѣ, гдѣ постоянно встрѣчался съ

докторомъ Клейстомъ. Этотъ человѣкъ, кажется, поклялся не отступать отъ милліона, и меня это бѣсило, хотя, конечно, я не подавалъ никакого вида, что замѣчаю что-нибудь. Агнія Ефимовна, какъ мнѣ начинало казаться, склонялась на сторону этого ловкаго нѣмчурки. Есть такіе люди,—воплощенное ничтожество сами по себѣ,—которые умѣютъ опутывать женщинъ съ дьявольской ловкостью и берутъ самые лакомые куски тамъ, гдѣ дѣйствительно умные люди остаются круглыми дураками. Докторъ Клейстъ былъ именно такимъ человѣкомъ, и плелъ свою паутину съ настойчивостью и аккуратностью нѣмца.

— Э, дѣло скверное... — говорилъ я самому себѣ.—Мой другъ Клейстъ не любитъ, гдѣ плохо лежитъ, а эта Агнія Ефимовна глупа на цѣлыхъ два милліона.

Она, собственно говоря, мнѣ не нравилась, какъ нравились другія женщины, несмотря на свои семнадцать лѣтъ и замѣчательный бюстъ, грезившійся моему дядѣ во снѣ. Въ этой дѣвушкѣ было что-то апатичное и скучное, какая-то преждевременная усталость. Правда, она умѣла улыбаться очень мило и такъ наивно смотрѣла всегда прямо въ глаза; но, признаться, я больше люблю женщинъ, которыя заставляютъ насъ смотрѣть имъ въ глаза и ловить каждое движеніе. Впрочемъ, быковскій милліонъ могъ придавить своей тяжестью кого-угодно, и во всѣхъ

богатыхъ домахъ всегда чувствуется эта тяжесть денегъ. Еще одна маленькая особенность: у Агніи Ефимовны ея маленькія ручки всегда были холодны какъ ледъ, даже когда она во время танцевъ вспыхивала яркимъ румянцемъ, какъ роза, а я не люблю женщинъ съ холодными руками.

Докторъ Клейстъ не терялъ дорогого времени и быстро шелъ къ намѣченной цѣли. Между прочимъ, онъ, преслѣдуя вездѣ Агнію Ефимовну, устроилъ одинъ загородный пикникъ и подобралъ веселую компанію. „Ага! такъ ты вотъ какъ!“ сообразилъ я, получивъ приглашеніе на этотъ пикникъ. „Намъ остается, слѣдовательно, бить тебя твоимъ же оружіемъ“. Я рѣшился воспользоваться этимъ удовольствіемъ по-своему, чтобы отбить доктору Клейсту охоту продолжать эту дурацкую игру въ томъ же направленіи.

Когда я пріѣхалъ въ день пикника къ Быковымъ, тамъ былъ новый гость, котораго привелъ докторъ.

— Мой старый другъ, Илья Егоровичъ Свищовъ, капитанъ,—рекомендовалъ докторъ гостя тономъ какого-то хозяина въ домѣ.

— Очень пріятно познакомиться...—пробормоталъ я, пожимая мясистую и волосатую руку капитана, и сначала не могъ сообразить, что была за фантазія у доктора затащить этого хвата къ Быковымъ.

А капитанъ былъ настоящій молодецъ, какіе попадаются только среди моряковъ, — высокій, статный, съ красивою черноволосой головой и веселыми темными глазами. Мнѣ въ этомъ молодцѣ не нравилась бычачья красная шея и слишкомъ большая развязность, какою щеголяютъ въ провинціи военные изъ дешевенькихъ полковъ. Но, во всякомъ случаѣ, капитанъ Свищовъ былъ милый человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и очень оживилъ нашу компанію своими морскими анекдотами. Онъ не спускалъ своихъ темныхъ глазъ съ Агніи Ефимовны и предупреждалъ каждое ея движенье съ завидною ловкостью, хотя я не могъ смотрѣть безъ смѣха, какъ онъ ходилъ по комнатѣ своими вывороченными ногами, какъ ходятъ всѣ моряки, точно они разъ и навсегда замерзли на первой позиціи, когда учились танцовать.

Когда мы садились въ пошевни, чтобы ѣхать въ какую-то дурацкую деревню, и когда капитанъ Свищовъ очень ловко очутился въ обществѣ Агніи Ефимовны, предоставивъ на мою долю старую тетку Агніи Ефимовны и голубую исправничью дочь, я ударилъ себя по лбу, потому что только тогда понялъ хитрую политику моего друга, доктора Клейста. Этотъ милый человѣкъ устраивалъ въ лицѣ лупоглазаго капитана громоотводъ моему вліянію на Агнію Ефимовну. Въ самомъ дѣлѣ, штука получалась самая простая:

капитанъ чистосердечно будетъ ухаживать за Агніей Ефимовной, я буду ее ревновать, и мы кончимъ тѣмъ, что подеремся, а докторъ Клейстъ въ это время будетъ имѣть совершенно достаточно свободнаго времени, чтобы жениться на Агніи Ефимовнѣ. Однимъ словомъ, намъ представлялась роль тѣхъ двухъ львовъ, которые, по разсказу барона Мюльхгаузена, дрались до того, что на пескѣ африканской пустыни остались только два львиныхъ хвоста: разсерженныя животныя съѣли другъ-друга.

— Нѣтъ, этого не будетъ, милый докторъ Клейстъ,—сказалъ я самому себѣ, сидя въ обществѣ тетки и голубой барышни, давно мечтавшей о женихѣ.—У меня есть одинъ секретъ...

Если бы кто со стороны посмотрѣлъ на нашу веселую компанію, катившую на пяти тройкахъ по зимней дорогѣ, тотъ никогда не угадалъ бы черныхъ мыслей, которыя мы везли съ собой. Каюсь, мнѣ ужасно хотѣлось перехитрить милаго доктора, который теперь уѣхалъ въ однѣхъ саняхъ съ Агніей Ефимовной и капитаномъ, и весело махалъ мнѣ издали своей бобровою шапкой, когда моя тетка вскрикивала въ каждомъ ухабѣ и ухватывалась обѣими костлявыми руками за мой рукавъ. Чортъ возьми, скверное положеніе! И я съ удовольствіемъ вышвырнулъ бы эту старушонку въ снѣгъ.

— Не правда ли, какъ весело?..—ехидно гово-

рилъ докторъ, когда мы пріѣхали, наконецъ, въ деревню.

— Да, недурно, докторъ.

Во время пути я имѣлъ достаточно времени, чтобы обдумать планъ дѣйствія и сдѣлать капитана Свищова совершенно безвреднымъ. Пока докторъ Клейстъ любезничалъ съ дамами, я успѣлъ напоить капитана влоскъ, такъ что бѣдняга только мычалъ, и обратно его положили въ сани несчастной тетки, которая, сказать кстати, чуть не замерзла дорогой и потомъ прохворала недѣли двѣ.

Освободившись отъ капитана, я обратно ѣхалъ въ однѣхъ саняхъ съ Агніей Ефимовной. Мы были съ глазу-на-глазъ; а такъ какъ бѣдная дѣвушка боялась вылетѣть изъ саней, я ее крѣпко обнялъ одною рукой. Зимняя ѣзда имѣетъ захватывающую прелесть, особенно, когда ѣдешь въ миломъ обществѣ. Мнѣ сегодня Агнія Ефимовна нравилась, какъ никогда раньше, можетъ-быть, потому, что мнѣ стоило недешево ѣхать обратно въ однѣхъ саняхъ именно съ ней. Мы весело болтали всю дорогу. Дѣвушка смѣялась, а лицо у нея такъ и горѣло румянцемъ. Положительно, она была хороша.

— Вы не боитесь?—шепталъ я въ сотый разъ и все крѣпче прижималъ ее къ себѣ.

— Нѣтъ...—отвѣчала она шопотомъ и, какъ

мнѣ казалось, сама прижималась ко мнѣ съ граціей разыгравшагося котенка.

Что было дальше?.. Мнѣ немножко совѣстно разсказывать, потому что старый котъ Васька такъ хитро смотритъ на меня, и въ его зеленыхъ глазахъ свѣтится мысль: „Э, Платонъ Васильичъ, не стоитъ вспоминать... Плевать!“ Но я началъ и долженъ кончить. Зарумянившаяся щечка Агніи Ефимовны была такъ близко ко мнѣ, ея глаза теплились, и я чувствовалъ, какъ она порывисто дышитъ почти у меня на груди... Не помню какъ, но я прильнулъ губами къ этой розовой щечкѣ, и маленькія холодныя руки покорно обвили мою шею. Эта щечка была такая холодная, и я опять ее цѣловалъ, а на пути цѣловалъ лобъ, глаза, розовыя пухлыя губки. Меня охватила минута безумія, которой я себѣ никогда не прощу. Дѣвушка лежала въ моихъ объятіяхъ, такая покорная, ласковая, счастливая, а на глазахъ у ней стояли слезы перваго молодого счастья, эта первая роса перваго солнечнаго утра.

— Ты меня любишь... да?.. Ты мой?.. — шептали пухлыя губки, и розовое дѣтское лицо пряталось у меня на груди, а я опять цѣловалъ холодныя щечки.

— Не правда ли, имъ было весело?—говорилъ я доктору, когда тотъ вытаскивалъ изъ саней замороженную тетку.

Докторъ Клейстъ, постоянно владѣвшій собой, притворился глухимъ и только наклонился въ сани съ головой, чтобы растолкать мертвецки-пьянаго Свищова.

IV.

Проснувшись на слѣдующее утро, я почувствовалъ угрызеніе совѣсти. Вѣдь я не любилъ этой Агнички Быковой. Цѣлый день я рылся въ своей душѣ и ничего не нашелъ въ ней, что̀ походило бы на любовь. Правда, я уважалъ Агнію Ефимовну, какъ простую хорошую дѣвушку безъ претензій, и немножко жалѣлъ за ея дѣтство, но это не было даже тѣнью любви.

— Проклятый докторъ Клейстъ: это все онъ виноватъ,—разсуждалъ я съ логикой кругомъ виноватаго человѣка.—Онъ устроилъ этотъ дурацкій пикникъ, онъ подсунулъ этого капитана, онъ усадилъ меня съ теткой... Потомъ я выпилъ, кажется, лишнее, чтобы сдѣлать капитана безвреднымъ, и, наконецъ, изъ желанія разбить планъ доктора Клейста, я постарался уѣхать назадъ въ саняхъ Агніи Ефимовны съ глазу-на-глазъ. Быстрая ѣзда, красивое личико, вѣдь я не деревянный, наконецъ!.. Рѣшительно виноватъ во всемъ мой другъ, докторъ Клейстъ...

Однимъ словомъ, я провелъ очень скверный

день, какъ человѣкъ, укравшій очень дорогую вещь, съ которою не знаетъ даже, куда дѣваться. Раздумывая и такъ и этакъ, я пришелъ къ такой мысли: если бы Агнія Ефимовна была моя родная сестра и если-бы съ ней поступилъ такъ же какой-нибудь молодой человѣкъ, какъ въ данномъ случаѣ поступилъ я,—какъ смотрѣть на такую исторію?.. Этотъ глупый молодой человѣкъ прежде всего долженъ извиниться предъ моей сестрой Агніей Ефимовной, а иначе я его задушу, какъ кошку. Теперь мнѣ сдѣлалось все ясно, что я самъ долженъ былъ дѣлать.

Кончивъ свои служебныя занятія, я вечеромъ отправился къ Быковымъ. Тетка лежала больная, а бѣдная Агнія Ефимовна вышла ко мнѣ съ заплаканными глазами. Каюсь, былъ такой моментъ, когда я готовъ былъ упасть предъ ней на колѣни, но я переломилъ себя и только почтительно поцѣловалъ маленькую холодную ручку, которая задрожала въ моей рукѣ, какъ пойманная рыбка. Чортъ возьми, прескверное положеніе, говоря между нами!..

Она молчала, но говорили эти дѣтскіе заплаканные глаза, которые сверлили мое сердце до самаго дна. Мы прошли въ большую странную гостиную, сѣли рядомъ на диванъ, и я, взявъ маленькую холодную ручку, заговорилъ:

— Агнія Ефимовна, намъ необходимо объясниться...

Она вся вздрогнула и какъ-то дико посмотрѣла на меня—бѣдняжка не ожидала такого приступа. Смѣлѣе, Платонъ Васильевичъ! Э, чортъ возьми, вотъ двадцать лѣтъ, какъ я часто повторяю эту сцену про-себя, и который разъ мое сердце болитъ старою болью—такія вещи не забываются. Помню это сѣренькое платье съ оборками, этотъ шарфикъ на тоненькой шейкѣ, эти гладко зачесанные волосы, эту застывшую позу бѣдной дѣвушки—ну, да для васъ это все-равно.

— Весь день сегодня я обдумывалъ вчерашнее происшествіе,—продолжалъ я, хотя мой глупый языкъ сегодня походилъ на замороженную вчера тетку Агніи Ефимовны:—и считаю своимъ долгомъ, какъ порядочный человѣкъ, открыть предъ вами всю свою душу: смотрите и рѣшайте...

Бѣдняжка опустила голову, и только чуть замѣтно дрогнула одна бровь на этомъ застывшемъ лицѣ.

Нужно отдать полную справедливость самому себѣ—я ничего не скрылъ отъ Агніи Ефимовны, и разсказалъ ей до мельчайшихъ подробностей все, что произошло отъ нашего перваго знакомства и до сегодняшняго дня включительно. Можетъ-быть, я представилъ себя немножко въ болѣе темномъ свѣтѣ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, но мнѣ нужно было покаяться предъ чистою душой этой дѣвушки.

— Къ этой глупой исторіи мнѣ остается прибавить только одно, что я не люблю васъ, какъ могъ бы любить другую женщину,—заканчивалъ я свою исповѣдь.—Я уважаю васъ, но, вѣдь, этого слишкомъ мало... Притомъ, по моему характеру мнѣ нужно такую женщину, которая держала бы меня въ рукахъ, а то можетъ случиться совсѣмъ скверная исторія: вы слишкомъ скромны и чисты, чтобы сократить такого звѣря, какъ я. Въ семейной жизни непремѣнно одинъ давитъ другого, и я предпочитаю, чтобы меня давила жена. Кромѣ всего этого, вы знаете, что я бѣднякъ, у котораго, кромѣ головы и двухъ здоровыхъ рукъ, рѣшительно ничего нѣтъ. А вы богаты и даже слишкомъ богаты для такого бѣдняка... Представьте себѣ только такую картину, что всѣ, рѣшительно всѣ, начиная отъ моего друга, доктора Клейста, и кончая кухаркой, будутъ цѣлую жизнь повторять на всѣ лады: „О, этотъ Казаринъ ловкій человѣкъ... умѣлъ подцѣпить милліонъ и теперь катается какъ сыръ въ маслѣ!“ Это отравило бы мнѣ жизнь, потому что я простой, нетребовательный человѣкъ и совсѣмъ не гонюсь за чужими деньгами. Но все это, что я говорю сейчасъ вамъ, плохое оправданіе для меня... да, я это чувствую и не оправдываюсь. Подумайте, обсудите хладнокровно все, что я только высказалъ вамъ, и рѣшайте... Можетъ-быть, я первый приду къ вамъ съ повинною, но

сейчасъ я не могу обманывать ни васъ, ни себя.

Бѣдняжка молчала, и только одна большая слеза прокатилась у нея по лицу. Прошло много лѣтъ, когда я объяснилъ себѣ значеніе этого молчанія—она меня не понимала... Да, она ничего не поняла изъ моихъ словъ, какъ я не понималъ ея молчанія, потому что слишкомъ ясно и хорошо чувствовалъ то, что говорилъ. Это часто повторяется въ жизни: мы въ другомъ видимъ прежде всего самихъ себя и мѣряемъ всѣхъ на эту фальшивую мѣрку.

Наступила тяжелая пауза.

— Теперь все?..—тихо спросила Агнія Ефимовна, не поднимая глазъ.

— Да, все... Могу прибавить развѣ еще только то, что я могъ бы любить васъ, какъ братъ, какъ другъ..,

— О, нѣтъ, благодарю васъ!..—съ живостью отозвалась она и отодвинулась отъ меня.—Вы дѣйствительно честный и хорошій человѣкъ... прощайте!..

Мнѣ показалось, что послѣднюю фразу сказала совсѣмъ другая женщина, особенно когда Агнія Ефимовна вдругъ вскинула на меня свои потемнѣвшіе глаза. Послѣдними словами она придавила меня, какъ тяжелымъ камнемъ, что я понялъ опять послѣ, когда уже было поздно. Но не будемъ забѣгать впередъ.

— Прощайте...—повторила она, поднимаясь съ мѣста.

— Вы меня гоните?..

— Нѣтъ... Но вы сами отлично понимаете, что намъ лучше всего больше не встрѣчаться.

— Пожалуй... да.

Она поклонилась мнѣ издали и торопливыми, короткими шажками выбѣжала изъ гостиной, оставивъ вашего покорнаго слугу въ самомъ дурацкомъ положеніи. Да, я былъ глупъ, но не просто глупъ, какъ счастливое большинство, а очень глупъ...

Помню, какъ я выходилъ въ послѣдній разъ на подъѣздъ стараго быковскаго дома. По моимъ наблюденіямъ, въ самыхъ крупныхъ событіяхъ нашей жизни память обыкновенно удерживаетъ разныя мелочи и пустяки, которые въ нашей душѣ потомъ точно спаиваются съ самой сутью событій. Когда я выходилъ на подъѣздъ, швейцаръ что-то ѣлъ и, завидѣвъ меня, подавился. Это вышло очень смѣшно—старикъ покраснѣлъ, на глазахъ у него были слезы, и онъ какъ-то конфузливо спряталъ за спину полученный двугривенный. Я какъ сейчасъ вижу этого старика, который, въ громкомъ званіи швейцара, исправлялъ въ быковскомъ домѣ собственною особой должность сторожа и часто выходилъ на звонокъ въ одной рубахѣ. День былъ зимній, но такой свѣтлый и яркій. Къ крыльцу

въ разбитыхъ санишкахъ подкатилъ дрянной извозчикъ.

— Баринъ, пожалуйте...

Подавившійся корочкой старикъ-швейцаръ не выходилъ у меня изъ головы до самаго дома, и какъ-то странно: я не могу припомнить Агніи Ефимовны, чтобы не вспомнить этого старика.

Время идетъ быстро. Зима смѣнилась весной. Я, конечно, не бывалъ у Быковыхъ и получалъ извѣстія объ Агніи Ефимовнѣ только чрезъ доктора Клейста, который иногда завертывалъ ко мнѣ по старой памяти. Нѣмчикъ догадывался, что между нами что-то произошло и терялся въ предположеніяхъ. Онъ пробовалъ вызывать меня разными путями на откровенность, но безуспѣшно. Я зналъ, что у Быковыхъ бываетъ часто капитанъ Свищовъ, и что докторъ Клейстъ вылѣчилъ тетку, котарая теперь ему покровительствовала всѣми зависящими средствами. Иногда докторъ являлся ко мнѣ въ очень игривомъ настроеніи духа и разсказывалъ послѣднія городскія сплетни, которыя извѣстны однимъ врачамъ.

Какъ-то послѣ Пасхи мой другъ, докторъ Клейстъ, заѣхалъ ко мнѣ въ самомъ игривомъ расположеніи духа и, не снимая шляпы, проговорилъ:

— Я тебя, Платонъ Васильичъ, всегда считалъ своимъ лучшимъ другомъ.

— Несомнѣнно.

— Да... поэтому я пришелъ подѣлиться съ тобой своимъ горемъ. Капитанъ Свищовъ, котораго я ввелъ въ домъ Быковыхъ, котораго я рекомендовалъ, котораго... однимъ словомъ, онъ женится на Агніи Ефимовнѣ! Ты мнѣ другъ, единственный другъ, и скажи по совѣсти: честно или нѣтъ поступилъ со мной капитанъ Свищовъ?..

Я, какъ умѣлъ, утѣшалъ бѣднягу, и докторъ даже прослезился.

Вечеромъ ко мнѣ ворвался мой милый дядюшка—на немъ лица не было, а косой глазъ какъ-то страшно бѣгалъ изъ стороны въ сторону, точно хотѣлъ выпрыгнуть.

— Ты дуракъ, Платошка... круглый дуракъ!..— кричалъ на меня Павелъ Семеновичъ, дѣлая трагическій жестъ рукой. — Выпустилъ изъ-подъ носу милліонъ... да, милліонъ!.. Ха-ха... Я съ удовольствіемъ отколотилъ бы тебя, Платошка. Милліонъ... а?.. Вѣдь я отказываюсь отъ тебя: ты мнѣ больше не племянникъ... Слышишь?.. У меня нѣтъ больше племянника... Эта барышня выходитъ за капитана Свищова.

— Я ужъ слышалъ, дядюшка.

— А, ты слышалъ?.. Ну, тебѣ же хуже, если ты даже не сознаешь собственной глупости... ты—безнадежный человѣкъ, ты—погибшій человѣкъ, ты—идіотъ!.. Ахъ да, вотъ что, Пла-

тонъ,—совсѣмъ другимъ тономъ прибавилъ дядя:—нѣтъ ли у тебя трешницы?.. Мнѣ до-завтра.

Тетка не давала бѣднягѣ ни гроша, и старикъ часто прибѣгалъ ко мнѣ за грошевыми займами, безъ отдачи, какъ и въ этомъ случаѣ.

V.

Милліонная невѣста дѣйствительно вышла замужъ за лупоглазаго капитана Свищова, и счастливая парочка надолго сдѣлалась темой для общихъ разговоровъ и сплетенъ.

Капитанъ былъ милый человѣкъ, и его вѣчно шаркавшія ноги частенько заносили капитанское тѣло въ нашъ клубъ, гдѣ онъ любилъ плотно выпить и поиграть. Я часто встрѣчался съ нимъ то въ буфетѣ, то за карточнымъ столомъ, и мы ничего не имѣли другъ противъ друга. Вообще, капитанъ, несмотря на свою женитьбу на богатой невѣстѣ, пользовался общими симпатіями, какъ душа-человѣкъ. Нѣкоторымъ казалось страннымъ только то, что онъ ѣздилъ въ клубъ постоянно одинъ,—вѣрнѣе сказать, въ обществѣ доктора Клейста, который сдѣлался своимъ человѣкомъ въ старомъ быковскомъ домѣ.

— Жена любитъ сидѣть дома, какъ насѣдка,— развязно объяснялъ иногда капитанъ, когда

его спрашивали.—Никакъ не могу вытащить, а мое правило—силой милому не быть...

Въ городѣ чету Свищовыхъ считали примѣрной парочкой и постоянно указывали на нихъ, когда происходила какая-нибудь семейная исторія.

Я не бывалъ у нихъ и только разъ встрѣтилъ Агнію Ефимовну въ клубѣ, что для меня было пріятной неожиданностью. Въ первую минуту я даже не узналъ ее: изъ застѣнчивой вялой дѣвушки вышла красивая женщина. Въ ней было что-то совсѣмъ особенное, что бываетъ только при такихъ перерожденіяхъ:—ласковое, спокойное, увѣренное, сильное. Мы раскланялись издали, и мнѣ еще больше понравилась эта Агнія Ефимовна, потому что она держалась съ такою изящною простотой, которой обыкновенно не достаетъ захваленнымъ красавицамъ.

— Вѣдь, вы знакомы съ женой?—говорилъ капитанъ, пожимая любезно мою руку.—Отчего же вы забываете насъ?.. Ахъ, нехорошо, молодой человѣкъ!

Я поклонился. Агнія Ефимовна разсѣянно смотрѣла куда-то въ другую сторону. Капитанъ былъ необыкновенно любезенъ и предупредителенъ съ женой. Онъ ходилъ за ней, какъ за рэбенкомъ: отыскивалъ стулъ, спрашивалъ десять разъ: не жарко ли ей, подбѣгалъ къ окну, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли сквозного вѣтра. Старушки,

привозившія въ клубъ своихъ дочерей и родственницъ, были въ восторгѣ отъ счастливой парочки. Докторъ Клейстъ вертѣлся тутъ же и, какъ собака, ловилъ каждое движеніе счастливой молодой женщины.

Полное равнодушіе къ моей особѣ нѣсколько задѣло меня за живое и я все время наблюдалъ молодыхъ счастливцевъ. Раза два мы встрѣчались глазами съ Агніей Ефимовной, но она съ прежнимъ равнодушіемъ переводила глаза на что-нибудь другое.

— Она влюблена въ мужа, какъ кошка!— шепталъ мнѣ докторъ Клейстъ.—Э, батенька, дѣло прошлое, а вѣдь ты былъ немножко того...

— Чего?..

— Перестань притворяться... Говоря между нами, ты сильно ухаживалъ за Агніей Ефимовной, и даже можно было подумать, что ты въ нее влюбленъ очень серьезно.

— Да... Я дѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ.

— Ага... такъ. Теперь я понимаю все... гмъ...— бормоталъ мой коварный другъ и подумалъ: „Чортъ тогда меня дернулъ подсунуть этого капитана!“

Чужое счастье какъ-то мозолитъ намъ глаза, и самые добрые люди радуются, какъ дѣти, когда откроютъ въ этомъ счастьѣ первую трс-

щину. Такъ было и съ четой Свищовыхъ. Первымъ и невольнымъ сыщикомъ сдѣлался я, невольнымъ въ томъ смыслѣ, что я не давалъ себѣ отчета—почему меня такъ интересуетъ эта парочка, тѣмъ болѣе, что у меня недостатка въ своихъ собственныхъ дѣлахъ не чувствовалось. Тутъ же въ клубѣ у меня было назначено свиданіе одной... Но прежде всего нужно быть скромнымъ: молчаніе! Э... все равно... плевать.

Послѣ какой-то кадрили капитанъ оставилъ жену на нѣсколько минутъ, и я воспользовался этимъ, чтобы подойти къ ней. Присутствіе капитана какъ-то меня стѣсняло.

— Позволяю себѣ, Агнія Ефимовна, поздравить васъ съ тѣмъ счастіемъ, которому всѣ завидуютъ,—заговорилъ я.

— Да, я очень счастлива...—отвѣтила она съ гордостью (да, у ней была уже своя гордость).— А вы попрежнему пользуетесь успѣхомъ?..

— Ничего... На свои занятія я не могу пожаловаться.

— Нѣтъ, не то: я говорю о женщинахъ...

Она чуть замѣтно улыбнулась, и я, польщенный этимъ замѣчаніемъ, совсѣмъ не почувствовалъ тоненькой булавки, скрытой въ немъ. Чортъ возьми, какъ иногда люди бываютъ непростительно глупы!.. Но въ этотъ моментъ я заслышалъ знакомое шарканье капитанскихъ ногъ, и нашъ разговоръ оборвался на пустыхъ клубныхъ

фразахъ. Все-таки Агнія Ефимовна заинтересовала меня, и когда я вернулся изъ клуба домой, мысль о ней вертѣлась въ моей головѣ, какъ болтается пробка въ пустой бутылкѣ, а чрезъ нѣсколько дней я отправился въ старый быковскій домъ, и здѣсь окончательно убѣдился въ несомнѣнномъ семейномъ счастіи. Агнія Ефимовна была спокойна попрежнему, а капитанъ былъ любезенъ къ ней, какъ влюбленный котъ. Это было уже немножко приторное счастіе, отъ котораго непривычнаго человѣка даже тошнитъ. Но это не помѣшало мнѣ бывать у Свищовыхъ все чаще и чаще. Я просто отдыхалъ душой въ этомъ мирномъ уголкѣ и, говоря между нами, иногда завидовалъ.

Мой милый дядюшка Павелъ Семеновичъ послѣ обѣда всегда былъ пьянъ. Это ему позволялось, потому что сейчасъ изъ-за стола онъ долженъ былъ итти спать. Тетка шутить не любила и, въ случаѣ сопротивленія, собственноручно снимала съ него сапоги. Въ одну изъ такихъ печальныхъ минутъ домашняго ареста, старикъ прибѣжалъ въ однихъ носкахъ въ мою комнату, разсчитывая, вѣроятно, что я ушелъ гулять, а онъ можетъ воспользоваться моими сапогами. Но я почему-то остался дома, и дядюшкѣ ничего не оставалось, какъ притвориться, что онъ зашелъ ко мнѣ просто поболтать.

— Говоря между нами, племяшъ, твоя тетка

большая дура,—заговорилъ старикъ, весело подмигивая.—Да-а... Это и есть семейное счастіе... да. Хе-хе...

— Отчего ты, дядя, безъ сапогъ?.. Еще простудишься...

— А у меня мозоли... Да, мозоли, чортъ возьми, скверная штука. Хе-хе... Счастливая парочка... тфу!.. Знаемъ, что знаемъ... А я, капитана одобряю—такъ и слѣдуетъ... Мужчина долженъ быть прежде всего мужчиной и держать бабу въ кулакѣ.... Знаемъ мы эти счастливыя парочки. Все шито и крыто, и мы знаемъ... Счастливая-то женщина изъ синяковъ не выходитъ, а при постороннихъ улыбочка... стуликъ подставитъ... Ха-ха!... Нѣтъ, капитанъ этотъ молодецъ... одобряю... Главное, умѣетъ бить по такому мѣсту ударомъ, что никому не видно... Небось, не звякнетъ по рылу, или синякъ не посадитъ на самое то-есть видное мѣсто. Вотъ какъ, братецъ ты мой, добрые люди милліоны изъ женъ вышибаютъ... Это, братъ, тоже музыка!.. А если при людяхъ, такъ онъ будто ее обнимаетъ, а самъ щипнетъ въ больное мѣсто или булавку всадитъ...

— Ты, дядя, прилегъ бы уснуть?—предложилъ я.

— А ты думаешь, я вру?

— Я ничего не понимаю...

— Притворяйся, а мы знаемъ... Конечно, ты

дуракъ, Платошка, что не женился на Агніи Ефимовнѣ; ну, да тебѣ бы и не взять изъ нея ничего. Хе-хе...

— Да откуда вы можете это знать?.. Такъ болтаютъ...

— Мы-то знаемъ...

Дядя приперъ двери, оглядѣлся и, подмигнувъ, заговорилъ:

— У Свищовыхъ горничная есть... Только, пожалуйста, между нами, потому что твоя тетка дура набитая. Ну, у меня мозоли... Что же изъ этого?.. У каждаго человѣка могутъ быть мозоли... Да, такъ есть горничная. Сашей зовутъ... Этакій шельмецъ дѣвочка, и шустрая. Хе-хе... Она пріѣзжаетъ въ нумера... ну, и разсказываетъ мнѣ. Этотъ капитанъ настоящій звѣрь, а Агнія-то Ефимовна дрожитъ только предъ нимъ... Онъ ее селедкой кормитъ и до тѣхъ поръ воды не даетъ, пока она ему тысченокъ-десятокъ изъ ручки въ ручку не положитъ. Сейчасъ поцѣлуи... „Милая моя, хорошая“. А прокутилъ денежки, опять Агничка должна селедку кушать, а то капитанъ ее мучить примется... Вотъ оно какъ... А при чужихъ улыбочка, и стуликъ, и „не жарко ли тебѣ, душечка“... Саша-то все разсказываетъ, потому—ей плевать. Если бы у меня не мозоли, да я... Ты еще меня не знаешь, Платонъ!..

Конечно, я не повѣрилъ этой пьяной болтовнѣ, тѣмъ болѣе, что дядя былъ записной сплет-

никъ. Однако, въ мою душу закралось сомнѣніе, и я часто началъ задумываться о бѣдной Агніи Ефимовнѣ. А если все это правда? Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, и я сжималъ кулаки. Пусть Агнія Ефимовна скажетъ мнѣ одно, только одно слово, и капитанъ полетитъ въ первое окно турманомъ. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней, и мнѣ дѣлалось гадко, когда я вспомнилъ шарканье капитанскихъ ногъ.

Къ моему счастью болтовня дяди такъ и осталась одной болтовней. Я бывалъ попрежнему у Свищовыхъ и рѣшительно ничего не могъ найти подозрительнаго, кромѣ плутовской рожицы горничной Саши, которая ходила съ синими подглазицами. Дядюшка, конечно, безсовѣстно вралъ. Въ слѣдующій разъ онъ попался мнѣ на самомъ мѣстѣ преступленія: я засталъ его какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда онъ надѣвалъ мои сапоги, чтобы улизнуть изъ дома.

— А... это ты...—бормоталъ онъ, торопливо снимая съ себя чужое добро.

— А это вы, дядюшка?..

— Да, я хотѣлъ примѣрить твои сапоги... Знаешь, у меня мозоли, а сапожникъ-мерзавецъ шьетъ мнѣ чортъ знаетъ что: пытка ходить въ нихъ. Еще до обѣда ходишь, а послѣ обѣда просто мочи нѣтъ... Вотъ твои сапоги точно лучше сшиты...

— Въ моихъ сапогахъ можно и послѣ обѣда

ходить, если комната остается незапертой на ключъ, и я боюсь, что они когда-нибудь уйдутъ безъ меня...

— Да, да... отличный у тебя сапожникъ,— притворялся дядя, что не понимаетъ моихъ словъ.—А знаешь, тутъ у одного попа есть горничная... такъ у этой горничной подбородокъ... и въ самой серединѣ этакая канальская ямочка. Совѣтую обратить вниманіе... Да, а что капитанъ? Знаешь кто его съ ума-то сводитъ?.. Твой пріятель, этотъ докторъ Клейстъ... Онъ капитана влоскъ спаиваетъ и по всякимъ притонамъ таскаетъ. Хе-хе... Не мытьемъ, такъ катаньемъ надо брать!

VI.

Если разобрать серьезно, то человѣческое сердце устроено немножко странно, чтобы не сказать больше. Я иногда задумываюсь на эту тему. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку нужно прожить сорокъ шесть лѣтъ, чтобы додуматься, какъ нужно было сдѣлать тогда-то и тогда-то, а тутъ еще этотъ вѣчный обманщикъ нашептываетъ вамъ свои глупости, и этотъ обманщикъ бьется горячей кровью въ вашей собственной груди. Рѣшительно не понимаю... Впрочемъ, даже это уже сказано какимъ-то философомъ, ко-

торый увѣрялъ всѣхъ, что знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Я съ удовольствіемъ пожалъ бы руку этого великаго человѣка. Э, все равно... плевать!..

Предыдущія размышленія значатъ вотъ что: въ одно прекрасное утро Платонъ Васильевичъ Казаринъ почувствовалъ, что онъ, во-первыхъ, свинья, во-вторыхъ — свинья и въ-третьихъ, свинья. Потомъ Платонъ Казаринъ тосковалъ, потомъ пришелъ къ заключенію, что онъ влюбленъ и, наконецъ, отыскалъ причину всѣхъ причинъ,—именно, что влюбленъ въ Агнію Ефимовну Свищову... Какъ это случилось, когда, почему,—осталось неизвѣстнымъ, и мнѣ всегда смѣшно читать въ романахъ, что такой-то полюбилъ такую-то за голубые глаза, за чистоту души, за такіе-то таланты... Вздоръ!.. Даже нѣтъ того, на что намекаетъ постоянно докторъ Клейстъ, когда, улыбаясь, говоритъ:

— Человѣкъ прежде всего животное...

Относительно моего друга, доктора Клейста, я не буду спорить, но, припоминая свои чувства, могу сказать, положа руку на сердце, что докторъ Клейстъ не только „прежде всего животное“, но и послѣ всего животное. Много людей изживаютъ вѣкъ впотемкахъ, но кто разъ увидѣлъ свѣтъ, тотъ его не забудетъ. Мнѣ теперь смѣшно вспомнить тѣ мысли, которыя меня занимали до рокового момента. Какъ всѣ

молодые люди, я смотрѣлъ на женщинъ очень просто и очень опредѣленно. Тутъ не было никакихъ сомнѣній, а дѣйствительность только подтверждала эту дешевенькую мудрость. Я вижу цѣлый рядъ красивыхъ женскихъ лицъ... вижу эти взгляды, которые зажигаютъ кровь, вижу эту интригующую своей таинственностью обстановку разныхъ приключеній, а въ результатѣ одно: всѣ женщины повторяютъ другъ-друга, какъ и мы, мужчины; красота этихъ женщинъ исчезаетъ сейчасъ же, какъ только прикоснешься къ ней.

Да... Но есть другой міръ, и вотъ въ этотъ таинственный, необъятный міръ заглянулъ ослѣпленный Платонъ Казаринъ, заглянулъ ослѣпленный, уничтоженный, сконфуженный. А въ центрѣ этого міра стояла она, Агнія Ефимовна, о которой я даже не могъ сказать, хороша она или дурна, красива или некрасива, а только чувствовалъ, что я не могу больше жить безъ нея. Меня охватывала непонятная робость, когда я встрѣчался съ ней, и только потомъ я припоминалъ, что̀ я долженъ былъ говорить и какъ держать себя. Да, у меня была тайна въ душѣ, которой никто не подозрѣвалъ, и я былъ глубоко счастливъ этимъ одиночествомъ. Другихъ женщинъ больше не существовало, и я могъ только удивляться самому себѣ, что когда-то цѣловалъ холодныя щечки Агніи Ефимовны и

что потомъ объяснялся съ ней. Она тогда вышла съ заплаканными глазами, потомъ убѣжала отъ меня, потомъ этотъ подивившійся швейцаръ... Да, тогда стоило протянуть руку... а теперь я былъ счастливъ уже однимъ тѣмъ, если могъ хотя издали видѣть ее. Да, я преслѣдовалъ ее съ ловкостью сыщика, а когда встрѣчался, не зналъ, что говорить.

Величайшимъ наслажденіемъ для меня было сидѣть въ той комнатѣ, гдѣ была она, и чувствовать каждою каплей крови ея близость. А она, попрежнему, точно на замѣчала меня, или, въ моемъ присутствіи, смотрѣла на мужа влюбленными глазами. Мнѣ было смѣшно вспоминать глупую болтовню пьянаго дяди. Къ капитану я относился какъ-то равнодушно, точно онъ составлялъ жалкую песчинку, случайно прильнувшую къ подолу ея платья. Да и что такое капитанъ... Она одна наполняла собой все, и у меня холодѣло на душѣ, когда наши глаза встрѣчались. Чортъ возьми, Платонъ Казаринъ умѣлъ любить!..

— У тебя, братъ, на чердакѣ того...—говорилъ мнѣ мой другъ, докторъ Клейстъ, и повертывалъ пальцемъ около своего лба:—не совсѣмъ въ порядкѣ. Я позволяю себѣ это говорить, потому что считаю тебя своимъ лучшимъ другомъ...

Клейстъ постоянно бывалъ въ быковскомъ

домѣ и обыкновенно увозилъ съ собой капитана „по дѣлу“. Я не разъ пользовался этимъ, чтобы забраться въ завѣтный уголокъ безъ капитана. Горничная Саша встрѣчала меня съ плутовски-нахмуренною рожицей и точно изъ милости позволяла мнѣ платить ей тѣ три рубля, которые я приносилъ спеціально для нея. Эта особа понимала, что я въ ея полномъ распоряженіи, и иногда очень обидно меня третировала, заставляла ждать на подъѣздѣ, подавала чужую шляпу, не отвѣчала на мой вопросъ. Разъ она даже отказалась отъ моей обыкновенной платы.

— Мало?... — удивился я и сейчасъ же досталъ пять рублей.

Плутовка серьезно покачала головой и сердито проговорила:

— Не за что...

— Барыня дома?..

— Баринъ только-что уѣхалъ...

Эта фамильярность не удивила меня, и я торопливо вбѣжалъ по парадной лѣстницѣ, предчувствуя что-то необыкновенное. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная горничная—и вдругъ отказалась отъ пяти рублей, когда получала десятки разъ по три.

Занятый этими мыслями, я не замѣтилъ совсѣмъ, какъ прошелъ пустой залъ, потомъ гостиную и, наконецъ, очутился въ столовой, гдѣ

еще не былъ прибранъ конченный завтракъ. На тарелкахъ валялись объѣдки сыра, косточки отъ дичи и корки хлѣба, нѣсколько бутылокъ стояли безъ пробокъ, потому что капитанъ имѣлъ обыкновеніе допивать до дна каждую початую бутылку. Я хотѣлъ уже вернуться, когда, взглянувъ на полъ, совершенно остолбенѣлъ: на полу лежала въ самомъ отчаянномъ видѣ Агнія Ефимовна... Платье на ней было разорвано, на лицѣ виднѣлись слѣды крови... Несчастная женщина лежала со стиснутыми зубами, какъ мертвая. Я перенесъ ее въ сосѣднюю комнату на какой-то диванъ, вспрыснулъ водой, и только тогда она открыла свои большіе дѣтскіе глаза.

— Боже мой, Агнія Ефимовна!... Что съ вами?..

Это блѣдное лицо вдругъ подернулось тѣнью, а губы искривились вынужденною улыбкой.

— Вы сами видите, что со мной...—прошептала она и опять тяжело закрыла свои глаза.

— Онъ... онъ билъ васъ?..

— Да... не въ первый разъ...

Что-то въ родѣ стона вырвалось изъ ея груди, а я со слезами цѣловалъ маленькія холодныя руки.

— Скажите мнѣ одно слово, и я сейчасъ же задушу его,—шепталъ я, хватаясь за голову.— Наконецъ, можно уѣхать за границу... можно обратиться къ суду... Приказывайте!..

Помню, какъ это странное блѣдное лицо вдругъ занялось неровнымъ румянцемъ, а глаза посмотрѣли на меня блаженнымъ и полнымъ сожалѣнія взглядомъ. Агнія Ефимовна тихо поднялась съ дивана и, улыбаясь, совершенно твердо проговорила:

— А если я люблю его... моего мужа?..

Горничная Саша проводила меня на подъѣздъ, и когда я инстиктивно обернулся, она закрыла лицо руками и убѣжала. Нѣтъ, я рѣшительно отказываюсь понимать женщинъ.

VII.

Я больше не видалъ Агніи Ефимовны, а только слышалъ стороной, что она была очень больна и что потомъ капитанъ Свищовъ уѣхалъ за границу, откуда и не возвращался. Онъ вышибъ изъ жены свой милліонъ и пропалъ съ нимъ безъ вѣсти.

Докторъ Клейстъ одинъ бывалъ въ старомъ быковскомъ домѣ. Разсказывали, что онъ лѣчилъ Агнію Ефимовну, которая никуда больше не показывалась. Потомъ и онъ куда-то исчезъ, а старый быковскій домъ сосѣмъ замеръ, и только иногда старикъ-швейцаръ выходилъ на подъѣздъ погрѣться на солнышкѣ.

У меня было много работы и я съ радостью хватался за всякое новое дѣло, чтобы забыться отъ сосавшей меня глухой тоски. Но часто, по вечерамъ, мнѣ дѣлалось ужасно жутко, и я былъ радъ даже дядѣ, который попрежнему не оставлялъ меня своимъ родственнымъ вниманіемъ и надоѣдалъ иногда ужасно. Это было какое-то человѣческое отребье, и я наблюдалъ это отребье изо дня въ день, погружаясь съ головой въ мизантропію.

— А вѣдь докторъ Клейстъ здѣсь...—объявилъ однажды дядя.

— Какъ здѣсь?..

— Очень просто: онъ и не думалъ никуда уѣзжать... хе-хе!.. Тутъ, братъ, цѣлая исторія... Бѣдняга этотъ Клейстъ... Вотъ не желалъ бы я быть на его мѣстѣ... Я думалъ о немъ гораздо лучше. Представь себѣ, онъ живетъ въ быковскомъ домѣ, подъ крылышкомъ у Агніи Ефимовны, т.-е. на цѣпочкѣ и подъ замочкомъ.

— Ты что-нибудь врешь, дядя.

— Я?.. Ты знаешь хорошо мой взглядъ на женщинъ и, надѣюсь, поймешь меня. Дѣло вотъ въ чемъ: Клейстъ лѣчилъ Агнію Ефимовну и вылѣчилъ, а она ему и говоритъ: „Жить мнѣ осталось не долго, а недвижимой собственности наберется тысячъ на двѣсти; если хочешь, Клейстъ, получить эти двѣсти тысячъ, живи со мной до моей смерти, а я на твое имя духовную напишу“.

И представь себѣ, твой Клейстъ согласился... Ха-ха!.. Она его буквально никуда изъ дому не выпускаетъ, ну, Клейстъ и сидитъ въ ожиданіи наслѣдства. Каковъ молодецъ? Чтобы меня моя жена не смѣла выпустить изъ дому? Ты знаешь мой характеръ, Платонъ, и поэтому можешь судить, какой мазурикъ этотъ Клейстъ.

Черезъ два года Агнія Ефимовна умерла. Клейстъ дѣйствительно получилъ послѣ нея наслѣдство и, конечно, сейчасъ же улепетнулъ въ столицу наверстывать потерянное. Я встрѣтился съ нимъ черезъ пятнадцать лѣтъ въ нашемъ клубѣ, гдѣ мы долго разговаривали, перебирая старыхъ знакомыхъ.

— Представь себѣ, изъ всѣхъ дѣвушекъ, съ которыми мы тогда танцовали, ни одна не устроилась счастливо,—говорилъ мой другъ Клейстъ, когда мы поддерживали температуру въ буфетѣ.—Это что-нибудь значитъ.

— Да, это что-нибудь значитъ.

Вотъ почему мнѣ сдѣлалось жаль танцовавшихъ дѣвушекъ въ нашемъ клубѣ, хотя я совсѣмъ не желаю навязывать своихъ мыслей другимъ: старому холостяку позволительно быть мизантропомъ.

Недавно ко мнѣ пришла пожилая, обрюзглая женщина съ подозрительнымъ запахомъ перегорѣлой водки—это была горничная Саша. Она

была одѣта бѣдненько; я предложилъ ей денегъ, но она даже обидѣлась и швырнула скомканную бумажку на полъ.

— Не за деньгами я пришла къ вамъ,—сердито заговорила она.

— Что же тебѣ нужно?.. Ты, кажется, жила въ быковскомъ домѣ до самой смерти Агніи Ефимовны.

— На моихъ рукахъ барыня умерла.

— Такъ... Можетъ-быть ты помнишь моего дядю, онъ разсказывалъ мнѣ...

Странная женщина покраснѣла и сердито плюнула.

— Что же тутъ разсказывать, дѣло извѣстное,—перебила она меня.—Только я вамъ одно скажу: покойная барыня до самой смерти васъ любила... Мнѣ все равно, а она со мной все говорила... Помните, какъ избитую-то вы ее въ столовой застали?.. Я прихожу, а она и плачетъ и смѣется, и меня цѣлуетъ. „Онъ меня любитъ... онъ меня любитъ“. Ну, потомъ, какъ капитанъ-то проклятущій, я и думала, что дѣло наше склеивается, а вышло не то... Барыня тогда этого Клейста заперла къ себѣ въ домъ. Потомъ, ужъ передъ смертью и говоритъ мнѣ: „Саша, а я его и теперь люблю, Платона Васильича... только силы во мнѣ нѣтъ... боюсь я его“. Съ этимъ и умерла.

Признаться сказать, я не повѣрилъ Сашѣ, подумалъ, что она все это разсказываетъ съ самой простой цѣлью, чтобы выманить отъ меня побольше денегъ, но она приходила еще нѣсколько разъ и наотрѣзъ отказалась взять хотя копейку.

Говоря между нами, въ жизни иногда бываетъ такое... позвольте, какъ это получше сказать?.. А впрочемъ, не стоитъ... плевать.

Ангелочки.

Разсказъ.

I.

— Ахъ, братецъ ты мой... а?—возмущался церковный сторожъ Сысой, хлопая руками.— Это онъ мнѣ назло, все назло... Ну, и вредный человѣкъ!.. „Я, гритъ, просто шелъ по улицѣ, гляжу, гритъ, а новый попъ и ѣдетъ“... Ловко!.. Акимъ-то совсѣмъ за дурака меня считаетъ... Такъ я и повѣрилъ тебѣ. Какъ же, разставляй карманъ шире... Ахъ братецъ ты мой!.. А того не подумаетъ, чья недѣля-то? Развѣ это порядокъ, штобы меня подводить? Ну и Акимка, совѣсти въ ёмъ вотъ ни на эстолько...

Церковные сторожа села Клычи враждовали между собой лѣтъ пятнадцать. Вѣрнѣе сказать, враждовалъ Сысой, отличавшійся завистливымъ и недовѣрчивымъ характеромъ. Это былъ лысенькій, небольшого роста старикъ съ бородой, въ формѣ мочалки, и бѣгающими, живыми гла-

зами. Онъ вѣчно суетился, вѣчно хлопоталъ и вѣчно былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Да и какъ быть довольнымъ, когда человѣку всю жизнь не везетъ... Хоть кто озлобится. Другіе что ни сдѣлаютъ—все хорошо, а Сысою все поперекъ дороги. Всю жизнь Сысой старался устроиться получше, лѣзъ изъ кожи, бился, какъ рыба о ледъ, и терпѣлъ вѣчныя неудачи. Особенно ему обидно было то, что его врагъ, старикъ Акимъ, человѣкъ сонный, неповоротливый и лѣнивый, прожилъ жизнь шутя, лежа на боку. И вѣдь глупый совсѣмъ человѣкъ, а что подѣлаешь, когда счастье дураку валитъ. Въ прошломъ году по телушкѣ вмѣстѣ растили,—кажется, ужъ тутъ можно было сравняться, а вышло наоборотъ: Акимова телушка здравствуетъ, а Сысоеву по осени волкъ зарѣзалъ. Теперь взять ребятъ: что ни ребенокъ у Акима, то парень, а у Сысоя дѣвка за дѣвкой. Положимъ, это было еще до церковной службы, а все-таки обидно. Но всего лучше послѣдняя штука Акима: недѣля дежурства Сысоева, Сысой ждетъ новаго батюшку съ часу-на-часъ—сколько разъ на колокольню сбѣгалъ, а встрѣтилъ батюшку все-таки Акимъ... Прикидывая въ умѣ всѣ послѣдствія этого подвоха со стороны Акима, Сысой приходилъ въ ужасъ. Первое дѣло, новый батюшка обидится... И то давеча церковный староста Онуфрій Степанычъ сказалъ: „Ахъ, Сысой, Сысой, зачѣмъ

ты проспалъ попа?“ — „Какое тутъ проспалъ, Онуфрій Степанычъ... Съ бабами все возился: одолѣли съ своими упокойничками. Ну, а тѣмъ временемъ Акимъ и омманулъ“... Второе дѣло, Акимъ теперь носъ задеретъ вотъ какъ: не подступайся. У стараго батюшки Сысой вошелъ въ милость по-настоящему, лѣтъ десять добивался, только сталъ на точку, а о. Петръ возьми да и умри. Изволь-ка теперь съ новымъ устраиваться...

— Ахъ, братецъ ты мой!—повторялъ Сысой, хлопая руками.—Акимка-то успѣлъ, поди, всячины наговорить на меня... Онъ на это мастеръ.

Новый батюшка пріѣхалъ поздно вечеромъ, и Сысой узналъ объ этомъ только утромъ, когда пришелъ церковный староста. Сысой сейчасъ же побѣжалъ въ поповскій домъ, а Акимъ ужъ тамъ.

— Пока што, наказалъ батюшка состоять при ёмъ,—мрачно объяснилъ онъ.

— Такъ, такъ...—уныло согласился Сысой.—Ловко ты, Акимъ, меня околпачилъ. Въ самый разъ подвелъ...

Акимъ только отвернулся: онъ не любилъ вздорить.

— Спитъ попъ-то?

— Извѣстно, спитъ съ дороги...

— Молодой?

— Молодой-то, молодой, а вотъ попадья совсѣмъ неправильная: стриженая попадья-то.

— Но-о?

— Да еще въ очкахъ...

— Ну-у?

Дѣло выходило совсѣмъ неладное. Сысой побѣжалъ къ дьякону и сообщилъ ему о коварствѣ Акима и неправильной попадьѣ.

— Что же, бываетъ...—уклончиво отвѣтилъ дьяконъ, человѣкъ осторожный и большой сутяга: онъ вѣчно судился въ духовной консисторіи.—Да, бываетъ...

— Десятый часъ на дворѣ, а новый-то попъ все еще спитъ...

— Онъ городской, а городскіе подолгу спятъ...

— А бабы уже пронюхали, што попъ пріѣхалъ, и постащили своихъ упокойничковъ. Дожидаютъ... Время-то жаркое, духъ идетъ...

Дѣйствительно, въ церкви уже стояли пять маленькихъ гробиковъ, а на паперти сбились въ одну кучу десятка полтора женщинъ. У всѣхъ лица были истомленныя, въ глазахъ тупая покорность, разбитыя движенія,—эта кучка походила на стадо овецъ, загнанныхъ лѣтнимъ зноемъ куда-нибудь въ тѣнь. Преобладали старушечьи лица, да и молодыя бабы походили на старухъ, столько въ нихъ было заботы, нужды, своего бабьяго горя. А горячій лѣтній день уже такъ и пылалъ солнечнымъ зноемъ... Съ паперти

виднѣлась зарѣчная сторона Клычей, теперь совсѣмъ пустая, потому что весь народъ былъ въ полѣ,—стояла самая горячая, страдная пора. Бабы точно забыли про своихъ упокойничковъ и съ тоской смотрѣли на уходившую къ горизонту полосу созрѣвшихъ нивъ. Всѣ бабьи мысли были теперь тамъ, гдѣ шла горячая, страдная работа... Богъ послалъ урожай, погода стояла отличная, и всѣ деревенскія мысли были въ полѣ.

— Что же это батюшка-то нейдетъ? — раздавался бабій шопотъ.—Отпустилъ бы душеньку.

По бабьему наущенію Сысой уже пять разъ бѣгалъ въ домъ священника и возвращался ни съ чѣмъ: спитъ.

— А ты бы его разбудилъ, Сысоюшка. Время-то какое, родной! Вѣдь горитъ наша-то работа...

Сысой только разводилъ руками.—Пусть Акимъ будитъ, онъ его встрѣлъ. Безъ васъ тошно.

Бабы даже подкупали Сысоя, давая ему пятакъ, но Сысой устоялъ и передъ этимъ искушеніемъ: разбуди новаго попа, а онъ вконецъ разсердится. Не обрадуешься вашему бабьему пятаку...

Только въ одиннадцатомъ часу показался новый батюшка. Онъ торопливо шелъ въ церковь въ сопровожденіи псаломщика Павла Ивановича. Это былъ еще молодой человѣкъ съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ. Новенькая камлотовая ряска, видимо, его стѣсняла,—онъ еще

не научился ходить въ ней, и длинныя полы рясы заплетали ему ноги.

— Что же вы меня не разбудили?—говорилъ онъ псаломщику.—Народъ ждетъ, а я ничего не знаю...

Павелъ Ивановичъ, забитый и смирный человѣчекъ, зашибавшійся иногда водкой, вмѣсто отвѣта снималъ свою заношенную шляпу и что-то такое бормоталъ, чего нельзя было разобрать.

— Оно конешно... страда... въ полѣ... Сысой прибѣгалъ пять разъ...

Священникъ только пожалъ плечами, отчаявшись получить какой-нибудь разумный отвѣтъ. Псаломщикъ еще больше конфузился и вспотѣлъ до того, точно его только-что вытащили изъ воды. Изъ вѣжливости бѣдняга не смѣлъ даже вытереть катившагося по лицу пота. Затѣмъ со страха у него всегда начиналось урчаніе въ животѣ. А боялся онъ всего: и церковнаго старосты, и сельскаго старшины, и о. дьякона.

Сысой выскочилъ встрѣчать новаго батюшку за ограду и съ умиленіемъ облобызалъ благословляющую пастырскую руку. Священникъ осмотрѣлъ немного прищуренными глазами церковь и остался доволенъ. Церковь была каменная и большая. Староста встрѣтилъ въ самой церкви, степенно принялъ благословеніе и спокойно проговорилъ съ тонкимъ мужицкимъ укоромъ:

— А мы-таки заждались васъ, о. Николай... Бабы такъ и рвутся въ поле, потому какъ страда.

— Я же ничего не зналъ...

— Конешно, гдѣ же знать... Въ городу-то поздно встаютъ, а свой-то деревенскій хлѣбъ поднимается чуть свѣтъ.

О. Николай прошелъ прямо въ алтарь, унося съ собой непріятное чувство. Хитрый мужикъ староста хотѣлъ съ перваго раза взять верхъ, воспользовавшись его неопытностью. Потомъ ему было непріятно, что его пастырская дѣятельность начинается прямо съ похоронъ.

— Ужъ вы ихъ вмѣстѣ отпойте, батюшка,— училъ староста, зажигая свѣчи.—Младенчики, ангельскія душки...

Начался грустный обрядъ. Послышались бабьи всхлипыванья, тяжелые вздохи, тяжелые поклоны. Земная печаль перевѣшивала святыя слова утѣшенія.

— Господи, упокой младенцевъ...—голосилъ Павелъ Ивановичъ какимъ-то раздражающе-скрипучимъ голосомъ, такъ-что за него хотѣлось откашляться.

Староста подпѣвалъ сладковатымъ „пшеничнымъ“ теноркомъ и умиленно вздыхалъ.

Откуда-то появились ветхіе, древніе старички, двѣ нищихъ-побирушки, а впереди всѣхъ, у самаго амвона, стоялъ дурачокъ Гриша, крести-

вшійся лѣвою рукой. Новый священникъ служилъ по-своему, не торопясь, и задерживалъ голосившаго псаломщика. Изъ пяти открытыхъ гробиковъ глядѣли восковыя дѣтскія личики. Смерть пощадила свѣтлую дѣтскую красоту, и о. Николаю казалось, что вотъ-вотъ откроются свѣтлые дѣтскіе глазки и съ нѣмымъ укоромъ посмотрятъ кругомъ. Именно съ укоромъ, потому что порвалась только-что начинавшаяся жизнь... Онъ съ особеннымъ чувствомъ благословилъ въ послѣдній разъ своихъ духовныхъ чадъ и остановился въ недоумѣніи,—неужели все кончено?.. Началось прощаніе. Бабы всхлипывали, одна громко запричитала, но голосъ порвался на половинѣ. О. Николаю почему-то показалось, что и плачъ и всхлипыванья притворны, и это было ему непріятно. Потомъ старики взяли крошечные гробики и понесли на кладбище. Провожавшія бабы ужасно торопились и даже подталкивали стариковъ. Онѣ точно хотѣли поскорѣе избавиться отъ этихъ гробиковъ.

О. Николай подошелъ къ старостинской конторкѣ и посмотрѣлъ, какъ Павелъ Ивановичъ записалъ „младенцевъ“. Въ графѣ, гдѣ обозначались причины смерти, прописана была одна и та же фраза: отъ животной болѣзни...

— Что̀ это такое: животная болѣзнь?—спросилъ о. Николай.

— А какъ же иначе?—вступился староста,

выручая смущеннаго псаломщика.—Какое теперь время-то? Въ страду сколько ребятъ перемретъ отъ живота.

II.

Клычи произвели на новаго батюшку невыгодное впечатлѣніе, а особенно на новую матушку.

— Неужели мы здѣсь будемъ жить?—спрашивала она мужа.

— Пока придется здѣсь...—уклончиво отвѣтилъ онъ.

Матушка была въ такомъ положеніи, когда отъ женщинъ стараются отогнать всѣ непріятныя мысли. Молодое симпатичное лицо получило такое хорошее тревожное выраженіе, точно молодая женщина боялась грядущаго счастья. Это были новые люди въ средѣ духовенства. Онъ кончилъ академію и нѣкоторое время служилъ инспекторомъ духовнаго училища. Она происходила изъ чиновничьей семьи, служила послѣ гимназіи сельской учительницей и теперь немного стѣснялась своей новой роли—деревенской матушки. Вообще они были городскіе люди, съ городскими привычками и городскими потребностями.

О. Николай наблюдалъ жену и видѣлъ, что она недовольна, прежде всего, квартирой, хотя

прямо и не высказывала этого. Онъ такъ любилъ жену и понималъ ее по выраженію лица. Квартира, дѣйствительно, заставляла желать многаго. Домъ былъ старый и требовалъ ремонта. Внутри все было такъ грязно и оборвано. О. Николаю было обидно, что никто и ничего не сдѣлалъ къ его пріѣзду. Хоть тотъ же церковный староста, кажется, могъ бы позаботиться. Его предшественникъ, священникъ, былъ человѣкъ старый, больной, обремененный большою семьей и жилъ очень бѣдно.

— Понемножку устроимся,—успокаивалъ жену о. Николай.—Выбѣлимъ потолки, стѣны оклеимъ обоями, мебель... Вотъ относительно мебели ужъ не знаю, какъ мы сдѣлаемся. Придется выписывать изъ города и эту дрянь выбросить.

Не желая напрасно тревожить жену, о. Николай не говорилъ главнаго, именно, о тѣхъ деревенскихъ людяхъ, съ которыми ему пришлось встрѣтиться съ перваго раза. Больше всего не понравился ему о. дьяконъ. Это былъ типъ озлобленнаго консисторскаго ябедника. Церковный староста, видимо, его побаивался и держалъ его руку. Къ нему они отнеслись, какъ къ ничего непонимающему городскому человѣку и по-своему третировали его. Все это были, конечно, мелочи, но изъ мелочи складывается вся жизнь. Оставались еще псаломщикъ Павелъ Ивановичъ, какой-то запуганный идіотъ, учительница, сторо-

нившаяся новаго батюшки, и сельскія власти въ лицѣ старшины и старосты. Послѣдній тоже въ счетъ не шелъ: онъ просто отбывалъ свою „обязанность“, какъ тяжелую повинность или неизбѣжную болѣзнь, а старшина, молодой мужикъ, принадлежалъ къ типу деревенскихъ дипломатовъ, говорилъ съ заискивающей слащавостью и тоже дружилъ съ о. дьякономъ. Вообще, картина была незавидная и обѣщала въ будущемъ много мелкихъ непріятностей.

Въ довершеніе всего заявился Сысой и началъ подводить свою политику. Началъ онъ издалека, именно съ покойнаго батюшки, который такъ ему довѣрялъ, такъ довѣрялъ.

— Бывало, такъ и говоритъ: только тебѣ и вѣрю, Сысой, потому какъ ты прямой человѣкъ... Дьяконъ-то у насъ заодно со старостой и, пряменько сказать, съѣли старика. Наѣзжалъ благочинный два раза слѣдствіе наводить. Вотъ они какіе... И Акимъ тоже хорошъ...

— Какой Акимъ?

— А сторожъ, который тебя встрѣлъ... Это онъ мнѣ на зло, ваше благословеніе, потому какъ недѣля была моя. Староста проходу теперь не даетъ: „проспалъ попа, Сысой!“ А я завсегда старался, и то-есть вотъ какъ старался.

Слушая сплетничавшаго Сысоя, о. Николай съ горечью думалъ о положеніи сельскаго священника, надъ которымъ не ломается только лѣни-

вый: и консисторія, и богатый мужикъ, и всякая другая власть, и тутъ еще горькая зависимость отъ своихъ духовныхъ чадъ, въ видѣ тѣхъ грошей и сборовъ натурой, которые приходится дѣлать сельскому попу. Во время своей службы въ духовномъ училищѣ о. Николай встрѣчался съ нѣмецкимъ пасторомъ и польскимъ ксендзомъ. Какую выгодную позицію они занимаютъ и какимъ уваженіемъ пользуются, а все оттого, что не должны ходить съ ручкой по своимъ прихожанамъ и вымогать натурой. Получаютъ опредѣленное жалованье, какъ всѣ другіе чиновники, и больше ничего. Они и дѣтямъ могутъ дать лучшее образованіе уже въ силу своего лучшаго матеріальнаго положенія. Въ деревню о. Николай поступалъ на время, какъ молодой священникъ, а потомъ разсчитывалъ вернуться въ городъ, что̀ ему было обѣщано владыкой. Дѣйствительность сразу разочаровала его книжныя представленія о деревнѣ. Самъ онъ сохранилъ о ней только смутныя воспоминанія, потому что десяти лѣтъ уже поступилъ въ лоно almae matris бурсы и затѣмъ не бывалъ въ деревнѣ. Настоящій опытъ имѣлъ значеніе для будущаго, когда о. Николай надѣялся занять мѣсто въ городѣ.

— Отчего у васъ такъ много умираетъ дѣтей?—спрашивалъ о. Николай, прерывая кляузы Сысоя.

— Какъ это много?—искренне удивился Сысой.—Урожай нонѣ...

— При чемъ тутъ урожай?..

— А то какъ же?.. Матки въ полѣ, а ребята въ деревнѣ со старухами да съ няньками. Ну, анделочки и выходятъ...

— Какіе анделочки?..

— А, вотъ, хоронили-то... Безвинныя душеньки совсѣмъ, ну и вышли анделочки, это ужъ счастье которой бабѣ Богъ пошлетъ и анделочка возьметъ...

— Въ чемъ же тутъ счастье?

— Первое дѣло, такой анделочекъ молиться будетъ за отца съ матерью—разъ... А второе, напримѣрно, та же самая мать ослобоняется, работать будетъ наряду съ другими—протчими. Тяготу Господь съ нея снимаетъ, значитъ, съ бабы... Это, ужъ, на счастливую, а другія маются-маются, безъ конца просто.

О. Николай отвернулся къ окну, слушая эту приводившую его въ ужасъ философію. Вотъ отчего такъ ждали тогда его бабы, вотъ отчего онѣ такъ торопливо уносили своихъ „анделочковъ“ на кладбище, вотъ отчего ему показались неискренними ихъ слезы и причитанья... Что же это такое?.. Даже урожай и тотъ повышаетъ дѣтскую смертность... Маленькія жертвы гибнутъ сотнями, и ихъ стоновъ и голоднаго крика никто не слышитъ, кромѣ выжившихъ изъ ума

старухъ и „нянекъ“, шести и семи-лѣтнихъ дѣвочекъ. О. Николай чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи даже относительно Сысоя, смотрѣвшаго на него съ сожалѣніемъ, какъ на человѣка, который не понимаетъ даже того, что такое „анделочки“. Прежній батюшка отлично это понималъ, а этотъ еще совсѣмъ несмысленый.

— Ты еще все здѣсь, Сысой?—удивился о. Николай, точно просыпаясь отъ нахлынувшихъ на него мыслей.

Сысой переминался съ ноги на ногу и не уходилъ.

— Ты, ужъ, батюшка, тово... не серчай...

— За что?

— А не встрѣлъ я тебя тогда. Это Акимъ назло мнѣ сдѣлалъ.

— Хорошо, хорошо. Я не сержусь. Ступай...

А каждый новый день приносилъ новыхъ „ангелочковъ“. О. Николай съ утра начиналъ испытывать какое-то гнетущее безпокойство и считалъ, глядя изъ окна, сколько пронесутъ маленькихъ гробиковъ. Несли ихъ женщины, сами матери, торопливо и озабоченно. О. Николаю дѣлалось какъ-то совѣстно, точно онъ въ чемъ-то былъ виноватъ. Бѣдные „ангелочки...“ Потомъ онъ сталъ обходить свою паству изъ двора во дворъ и на мѣстѣ познакомился съ причинами этого ужаснаго факта. Грудныя дѣти оставались

на попеченіи самыхъ древнихъ старухъ и маленькихъ дѣвочекъ. Ихъ кормили ржанымъ жеванымъ хлѣбомъ, давали сосать грязныя соски, набитыя этимъ же хлѣбомъ, и пичкали разною другой дрянью. Даже коровье молоко являлось здѣсь недоступною роскошью, а молоко матерей, истомившихся на работѣ и приходившихъ кормить дѣтей грудью только поздно вечеромъ, являлось отравой. Чѣмъ-то безвыходнымъ и обидно-безсмысленнымъ вѣяло отъ всего. Мысль объ этихъ „ангелочкахъ“ неотступно преслѣдовала о. Николая, и онъ даже видѣлъ ихъ во снѣ. Вѣдь ихъ погибаютъ тысячи, десятки тысячъ ежегодно... Это цѣлая армія маленькихъ страдальцевъ и мучениковъ, а за ними стоитъ такая же армія отупѣвшихъ отъ горя матерей. И такъ изъ года въ годъ... Садясь обѣдать, о. Николай думалъ, что онъ ѣстъ чей-то чужой хлѣбъ. Ему теперь казалось непозволительною роскошью то платье, которое онъ носилъ, обстановка, которую онъ считалъ скверной. Онъ провѣрилъ всю свою жизнь, свои стремленія, свои желанія... Боже мой, какъ все это было ничтожно и жалко и какъ онъ, книжный человѣкъ, безсовѣстно мало зналъ жизнь родного народа, жизнь тѣхъ безвѣстныхъ милліоновъ, которые незримо творили русскую исторію.

По вечерамъ въ поповскомъ домѣ шли такія тихія, хорошія бесѣды. Матушка сидѣла за ра-

ботой,—она готовила дѣтское приданое. О. Николай ходилъ по комнатѣ и говорилъ:

— Знаешь, Наташа, мнѣ кажется, что я нехорошій человѣкъ... Я провѣрилъ себя, всю свою жизнь, мысли, съ которыми ѣхалъ сюда, и мнѣ дѣлается совѣстно за себя. Вѣдь я стремился къ комфорту, къ удобствамъ и думалъ, что совершенно достаточно, если буду добросовѣстно исполнять свою обязанность. Нѣтъ, этого мало... Я завидовалъ нѣмецкимъ пасторамъ, получающимъ чиновничье жалованье, католическимъ ксендзамъ, а сейчасъ... сейчасъ я понимаю отлично одно, именно, что русскій священникъ долженъ, прежде всего, дать обѣтъ бѣдности. Насколько этотъ простой русскій деревенскій попъ стоитъ выше этихъ сытыхъ патеровъ и чопорныхъ пасторовъ,—вѣдь онъ дѣлитъ и горе и бѣдность родного народа. Это—великая миссія, и стоитъ для этого жить... Я и хочу быть такимъ деревенскимъ попомъ. Въ городъ я не поѣду... Мое мѣсто здѣсь. Развѣ тутъ справедливо думать о себѣ, когда у тебя на глазахъ мрутъ сотни дѣтей буквально отъ голода. Помочь имъ, утѣшить несчастныхъ матерей, войти въ жизнь народа дѣятельнымъ началомъ—вотъ задача, для которой стоитъ и слѣдуетъ жить.

Матушка все это отлично понимала, кромѣ одного,—ее пугала мысль остаться навсегда въ деревенской глуши. Сказывалась городская жен-

щина. О. Николай это сознавалъ и постепенно подготовлялъ жену.

— Все это пустяки, Наташа... Понемногу привыкнешь, а тамъ будетъ дѣлъ по горло. Не придется скучать... А мы-то будемъ устраивать ясли для грудныхъ дѣтей—сколько хорошей заботы и труда. Вѣдь у насъ будетъ свой ребенокъ, и мы это будемъ дѣлать для него. Я хочу, чтобы онъ росъ не въ городѣ, а въ деревнѣ и чтобы онъ видѣлъ ту страшную историческую нужду, которой впослѣдствіи долженъ будетъ служить. Понимаешь, какое это счастье, и другого нѣтъ. Во имя нашего будущаго ребенка будемъ спасать этихъ несчастныхъ ангелочковъ, а средства я найду.

Молодая женщина слушала и чувствовала себя глубоко счастливой. Ей тоже дѣлалось совѣстно за свой городской эгоизмъ и тяготѣніе къ показной роскоши. Нѣтъ, они останутся въ деревнѣ и вмѣстѣ понесутъ не иго, а счастье. Это та простая обязанность, которую должно исполнить.

Черное слово.

Эскизъ.

I.

Царскосельскій вокзалъ имѣлъ особенно оживленный видъ въ этотъ майскій день. Масса публики съ радостно озабоченнымъ видомъ сновала по платформѣ. Все это были счастливцы, ѣхавшіе на дачи, вѣрнѣе сказать—бѣжавшіе отъ городской пыли и духоты. Это оживленіе чувствовалось даже въ залѣ третьяго класса, гдѣ набилась публика средняго разбора—лакеи, кучера, горничныя, дачные дворники, рабочіе и дачники изъ небогатыхъ.

Лично я имѣю какое-то предубѣжденіе противъ второго класса, гдѣ набирается всегда такая чопорно-скучная публика. Всѣ оглядываютъ другъ-друга съ подозрительностью коренныхъ петербуржцевъ, принимаютъ уныло-дѣловой видъ и непремѣнно стараются чѣмъ-то казаться. Всю дорогу никто не промолвитъ слова съ сосѣдомъ, точно боится потерять драгоцѣннѣйшую часть собственнаго достоинства. Вообще, скучно, и я предпочитаю третій классъ, гдѣ сѣрая публика

такъ наивно знакомится въ теченіе получаса, и вы чувствуете, что ѣдете съ живыми людьми, а не съ манекенами. Впрочемъ, это мое личное впечатлѣніе—не больше.

Беру билетъ третьяго класса, отыскиваю вагонъ для курящихъ и усаживаюсь на скамью къ окну. До отхода остается всего минутъ десять, и публика начинаетъ ажитироваться, какъ на пожарѣ. Главною причиной этой ажитаціи являются узлы, картонки, коробки и дѣти,— нужно все это пристроить, а поѣздъ не ждетъ. Другіе волнуются просто такъ, потому что всѣ другіе куда-то торопятся, бѣгутъ, проталкиваются и проявляютъ спеціальную энергію путешествующихъ людей. Нашъ вагонъ наполняется довольно быстро, и однимъ изъ послѣднихъ вскакиваетъ какой-то дворникъ въ „спинджакѣ“, сапогахъ бутылкой и бѣломъ фартукѣ. Онъ какъ-то пугливо озирается кругомъ, наконецъ отыскиваетъ мѣсто напротивъ меня и бросается къ нему съ такимъ видомъ, точно деревянная скамейка можетъ вспорхнуть и улетѣть.

— Ну, слава Богу, — говоритъ онъ, усаживаясь.

Снявъ фуражку и вытеревъ лицо платкомъ, дворникъ принимаетъ удобную позу успокоившагося за свою судьбу путешественника. Онъ вытягиваетъ ноги, разсѣянно смотритъ въ окно и достаетъ жестяную коробку съ папиросами.

— Однако, здорово народу-то наперло,—говоритъ онъ, затягиваясь и отдувая дымъ въ сторону сердитаго сосѣда.—Ужъ время такое... да...

Дворникъ, очевидно, человѣкъ словоохотливый, и, кромѣ того, онъ замѣтно выпивши, т.-е. выпивши прилично, какъ полагается старшему солидному дворнику одной изъ барскихъ дачъ. Я разсматриваю его крѣпкую приземистую фигуру, добродушное русское лицо, весь дворницкій костюмъ и нахожу, что это типичный представитель того мужика, который приспособился „подъ барина“ и благоденствуетъ. Въ немъ чувствуется что-то такое завидно уравновѣшенное, какъ у человѣка, который окончательно опредѣлился, нашелъ свое мѣсто въ природѣ и не безпокоится о будущемъ. Это сказывается во всемъ—и въ костюмѣ, и въ движеніяхъ, и въ выраженіи глазъ. Главное, нѣтъ той удручающей заботы, олицетвореніемъ которой является обыкновенный мужикъ. Однимъ словомъ, приспособленъ человѣкъ и нашелъ свою точку устойчиваго равновѣсія. Нужно было видѣть, какъ посматривалъ дворникъ на остальную публику третьяго класса: развѣ это настоящая публика, настоящіе господа? Такъ, шахеръ-махеры, и больше ничего.

Но это благодушное настроеніе сразу пропало, и дворникъ сорвался съ мѣста, точно по нему выстрѣлили. Онъ какими-то испуганными гла-

зами обвелъ сосѣдей, осмотрѣлъ свое мѣсто и даже ощупалъ свой „спинджакъ“.

— Зонтикъ... Ахъ, Божже мой! Господа, вы не видали, какъ я вошелъ въ вагонъ? Былъ при мнѣ зонтикъ?..

Всѣ молчали, и дворникъ еще разъ посмотрѣлъ на насъ, обыскалъ себя и съ какимъ-то отчаяніемъ опустилъ руки. Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?.. Публика отнеслась къ нему совершенно безучастно, и только съ дальней скамейки отвѣтилъ невидимый бабій голосъ:

— Никакого зонтика у тебя не было... Такъ шелъ, съ пустыми руками.

— Ну, а на вокзалъ какъ я пріѣхалъ?

Въ глубинѣ показалось типичное лицо дачной кухарки и объяснило увѣреннымъ тономъ:

— А на вокзалъ-то съ зонтикомъ пріѣхалъ, я видѣла. Еще въ третьемъ классѣ пиво пилъ у буфета...

— Ну вотъ, вотъ,—обрадовался дворникъ.— Я, значитъ, былъ у кумы... Ну, маленько выпили, потому какъ она именинница. Ну, пріѣхалъ на вокзалъ, зашелъ въ классъ къ буфету, напримѣръ...

— Да ты сбѣгай въ классъ-то,—посовѣтовала съ участіемъ кухарка.—Еще поспѣешь... Третьяго-то звонка не было.

— Ахъ, ты, Божже мой!..

Дворникъ, какъ ошпаренный, выскочилъ изъ

вагона и вернулся только послѣ третьяго звонка. Зонтика не было. Онъ уныло посмотрѣлъ на всѣхъ, напрасно отыскивая сочувствія, и уныло сѣлъ на свое мѣсто, махнувъ рукой. Дѣло выходило табакъ.

— Нѣтъ зонтика-то? — спрашивала кухарка черезъ вагонъ.

— Нѣту... Какъ скрозь землю провалился,— уныло отвѣтилъ удрученный горемъ дворникъ.— Шелковый зонтикъ-то, передъ Пасхой шесть цалковыхъ дадено...

— Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ!—соболѣзновала кухарка, качая головой.—А я еще давѣ посмотрѣла на тебя, какъ ты къ вокзалу-то на извозчикѣ подкатилъ. Вижу, что изъ нашихъ дворниковъ, изъ Царскаго... А зонтикъ точно что отличный.

— Ужъ такой былъ зонтикъ, что другого такого и не нажить... Вѣдь, вотъ поди жъ ты, какая штука вышла, а?.. Значитъ, присѣлъ это я къ столику, ну, спросилъ бутылку пива... А буфетчикъ говоритъ, что никакого зонтика не видалъ.

— Кто-нибудь другой ухватилъ твой зонтикъ,— поддерживала разговоръ кухарка.—Мало ли народу!.. Другому на голодные-то зубы твой зонтикъ въ самый разъ.

— Да, вѣдь, шесть цалковыхъ дадено... Цѣлыхъ три года собирался купить. Ну, и штука...

Да не видалъ ли кто, господа, какъ я въ вагонъ входилъ?

Опять общее молчаніе. Дворникъ тряхнулъ головой, поправилъ фуражку и сердито отвернулся къ окну съ обиженнымъ видомъ. Очевидно, онъ теперь сердился уже на публику, отнесшуюся къ его горю съ такимъ обиднымъ безучастіемъ.

II.

Поѣздъ тронулся, унося дачную публику въ благословенную дачную мѣстность, облюбованную петербургскими богатыми людьми. Кругомъ сейчасъ же запестрѣли огороды, тощія поля, далекая кайма какихъ-то фабричныхъ зданій, однимъ словомъ, весь незавидный ландшафтъ окрестностей Петербурга. Третьеклассная публика начала знакомиться; послышался веселый говоръ, смѣхъ, и только одинъ дворникъ оставался безучастнымъ къ этому общему оживленію. Онъ время-отъ-времени поправлялъ свою фуражку, встряхивалъ головой и угнетенно вздыхалъ. Очевидно, его глодала всепоглощающая мысль объ утраченномъ зонтикѣ, а остального міра не существовало.

— А чортъ съ нимъ и съ зонтикомъ!—заявилъ онъ, наконецъ, обращаясь прямо ко мнѣ такимъ

вызывающимъ тономъ, точно я желалъ что-то оспаривать.—Наплевать... да! Не онъ меня нажилъ... да. Слава Богу, и другой купимъ, ежели на то пошло. Однимъ словомъ, наплевать, и все тутъ!

Въ доказательство этой мысли дворникъ дѣйствительно плюнулъ и вызывающе посмотрѣлъ на всѣхъ. Недавній хмель съ него какъ рукой сняло.

— Конечно, можно всегда другой купить,— поддержалъ я.

— Вѣдь можно... а?—обрадовался онъ, схватившись за поданную реплику.—Да сколько угодно, сдѣлайте милость... Мы не какіе-нибудь, чтобы шесть цалковыхъ насъ съѣли. Я, напримѣрно, теперь пятнадцать рублей жалованья получаю у господъ, квартира даровая, дѣтей нѣтъ. Ну, господа, прямо сказать, отличные... Наѣдутъ лѣтомъ, поживутъ до осени, а потомъ але-маршъ. Нѣтъ, нельзя пожаловаться, жисть правильная, прямо сказать — хорошая жизнь. Господа Бога надо благодарить... Ничѣмъ не обиженъ, все есть, на черный день скоплено малую толику, пятьсотъ рублей въ кассѣ лежитъ,—ну, какого мнѣ рожна еще нужно? А тутъ зонтикъ... Наплевать!..

Видимо, дворникъ подбадривалъ себя, отгоняя какую-то непріятную мысль, неразрывно связанную съ пропавшимъ зонтикомъ.

— Конечно, царскосельскаго дворника нельзя примѣнить къ питерскому,—продолжалъ онъ.— Въ Питерѣ-то только и береги затылокъ, значитъ, дворникъ, а у насъ вольготнѣе не въ примѣръ. Только и знаемъ одно лѣто, когда господа наѣзжаютъ, а зимой только и работы, что мало-мало снѣгъ убрать. Да и то кое-какъ, не то что въ Питерѣ, гдѣ сейчасъ, напримѣрно, околодочный тутъ какъ... „А гдѣ дворникъ? Ты, такой-сякой“!.. У насъ этого ни-ни!.. Всю зиму дворники—въ томъ родѣ, какъ которые коты по печкамъ лежатъ. Однимъ словомъ, помирать не надо. Вѣдь дачу безъ дворника нельзя оставить, ну, и живутъ. Господа богатые, что имъ значитъ пятнадцать цалковыхъ дворнику платить... Развѣ петербургскій дворникъ купитъ зонтикъ въ шесть цалковыхъ? Ни въ жисть... А мнѣ наплевать! Ну, былъ зонтикъ, ну, нѣтъ зонтика... Этакая невидаль, подумаешь! А возьму да новый и куплю... Да хоть сейчасъ. На, получай шесть цалковыхъ... Наживемъ.

Пауза. Кругомъ одни поля, и только кой-гдѣ топорщатся жалкіе, точно ощипанные кустики. Безъ конца тянется это чухонское болото, подернутое жидкой зеленью. Кое-гдѣ по низинамъ еще стоитъ вешняя вода. Мнѣ уже давно примелькался этотъ пейзажъ, и не хочется на него смотрѣть. Дворникъ, выгрузивъ все, что можно было высказать въ собственное утѣшеніе, на

время умолкаетъ и начинаетъ курить одну папиросу за другой. Но настоящаго спокойствія все-таки нѣтъ, и онъ время-отъ-времени тревожно поглядываетъ на меня, точно ждетъ возраженія, а потомъ крутитъ головой, передвигаетъ фуражку и вздыхаетъ. Конечно, хорошо жить царскосельскимъ дворникомъ, а зонтика-то все-таки нѣтъ. Весь міръ дворника сейчасъ вращался на этомъ зонтикѣ, какъ магнитная стрѣлка на своемъ шпенькѣ.

— Средняя Рогатка!—кричитъ кондукторъ.

Это удивительный полустанокъ, на которомъ въ теченіе лѣта садятся ровно два пассажира. Между прочимъ, здѣсь проходитъ старый московскій трактъ, и именно Средняя Рогатка служила прощальнымъ пунктомъ: досюда провожали изъ Петербурга. Невольно является мысль о тѣхъ милліонахъ путниковъ, вольныхъ и невольныхъ, которые прошли этотъ путь въ до-желѣзнодорожное время. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, и сколько „рогатокъ“, малыхъ, среднихъ и большихъ, упразднено навѣки... Мои размышленія въ этомъ направленіи прерываются новымъ движеніемъ дворника: онъ схватываетъ фуражку и съ остервенѣніемъ бросаетъ ее на лавочку.

— Что съ вами?

— Со мной-съ?.. А вотъ это самое-съ... Ка-акъ это вспомню, такъ ножъ вострый.

— Опять зонтикъ?

— Нѣ-ѣтъ, не то...

Онъ придвигается ближе ко мнѣ и начинаетъ говорить сдержаннымъ речитативомъ, помогая своимъ мыслямъ руками и движеніемъ головы:

— Видите ли, господинъ, какое дѣло... да. Женился я совсѣмъ молодымъ, ну, еще у себя въ деревнѣ, и прожили мы, напримѣрно, душа въ душу съ женой цѣльныхъ двадцать-два года. Какъ это по-вашему? Этакъ-то по нынѣшнимъ временамъ уже совсѣмъ не живутъ, не говоря о господахъ, а и у насъ, значитъ, въ самой сѣрости. Такъ-съ? Хорошо... И какъ я теперь подумаю, что моя жена помретъ—вотъ какъ это чажало!.. Разорвался бы, кажется. Придумать даже не могу, какъ это я могу только перенести...

— Развѣ она очень больна?

— Нѣтъ, такъ, просто хилая бабенка... Завсегда она такая была: все скрипитъ, все скрипитъ. И какъ это я подумаю, что она должна помереть, даже обидно сдѣлается. Помилуйте, прожили душа въ душу цѣльныхъ двадцать-два года, все у насъ есть, деньжонокъ накопили пятьсотъ цѣлковыхъ, и вдругъ... Конечно, дѣтей у насъ не было, это точно, потому какъ она хилая, жена; ну, значитъ, я какъ есть одинъ и останусь, какъ перстъ.

— Ты ее очень любишь?

— Какъ же возможно, господинъ, родную-то жену не любить? Вонъ чужихъ женъ любятъ, а тутъ своя... Вотъ сижу я и думаю про жену, и такъ мнѣ ее жаль сдѣлалось, точно бы вотъ самъ, вмѣсто нея, умеръ.

Сдѣлавъ короткую паузу, дворникъ прибавилъ уже другимъ тономъ:

— А, вѣдь, она доведетъ меня сегодня до чернаго слова... да. Ужъ у ней такая зараза... Вотъ пріѣду въ Царское, стану подходить къ своей дачѣ, а она ужъ въ окошко узьритъ, что я безъ зонтика. Другая бы увидала и смолчала... Ну, уѣхалъ съ зонтикомъ, а выворотился безъ зонтика,—ну, какая такая особенная бѣда? А эта нѣтъ... Войду это я, а она сейчасъ: „Гдѣ у тебя зонтикъ-то?“ Въ первое слово... Я этакъ смолчу, укрѣплюсь, значитъ. А она во второй разъ: „Ахъ, ты, пьяница ты, такой-сякой... Нахлестался, видно, до того, что и зонтикъ потерялъ“. Ну, тутъ и еще пуще укрѣплюсь и во второй разъ смолчу... Другая бы и отстала: сорвала два раза, показала себя, и будетъ. Весьма довольно... Такъ нѣтъ!.. Она въ третій на меня: „Какой ты такой есть человѣкъ?.. Бить тебя некому, пропащая башка“... Ну, ужъ тутъ я не стерплю и со всего маху обругаю, что ни есть самымъ чернымъ словомъ. И что бы вы думали, господинъ: доведетъ, сама доведетъ меня, а какъ благословлю ее, она сразу

какъ въ мохъ упадетъ. Ни-ни... Не пикнетъ. Ну, зачѣмъ доводить человѣка до грѣха?.. Другая бы пожалѣла еще, успокоила, а эта по первому разу: „Гдѣ зонтикъ?“

Бѣдный дворникъ мучился предвкушеніемъ непріятной семейной сцены и опять бросилъ фуражку на лавку.

III.

Поѣздъ подходилъ къ Царскому Селу. По мѣрѣ приближенія дворникомъ овладѣвало прежнее безпокойство. Фуражка на его головѣ начала дѣлать судорожныя движенія. Мысль о зонтикѣ выступала съ новой яркостью... А тамъ впереди и жена, и неизбѣжное, какъ судьба, „черное слово“. Мнѣ сдѣлалось даже жаль бѣднягу. А поѣздъ уже сбавляетъ ходъ, скрипятъ тормоза, мелькаютъ первыя дачи. Дворникъ высунулся въ окно и заглядываетъ на платформу, которая точно плыветъ навстрѣчу намъ и вотъ-вотъ врѣжется въ поѣздъ.

— Вонъ и знакомый жандаръ стоитъ,—говоритъ дворникъ.—Благопріятель... Иваномъ Митричемъ звать... Мы съ нимъ чай вмѣстѣ не одинова пивали. Обстоятельный человѣкъ...

Остановка. Публикой овладѣваетъ прежняя суматоха. Всѣ торопятся выскочить поскорѣе

изъ вагона съ такимъ видомъ, точно преступники, получившіе амнистію, благодаря какому-нибудь „милостивому манифесту“. Дворникъ остается на мѣстѣ и выжидаетъ. Видимо, имъ овладѣваетъ малодушіе отдалить непріятный моментъ хоть на нѣсколько мгновеній. Его взглядъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на пассажирахъ, которые проходятъ съ зонтиками, и я увѣренъ, что ему кажется, что всѣ пассажиры поголовно имѣютъ зонтики. Говорятъ, хромые и кривые вездѣ видятъ только хромыхъ и кривыхъ. Наконецъ, вагонъ опустѣлъ наполовину. Подъ окномъ мелькаетъ жандармская форма. Дворникъ въ послѣдній разъ встряхиваетъ головой и съ рѣшимостью человѣка, который приготовился броситься въ воду, срывается съ мѣста.

— До свиданія, господинъ...—бросаетъ онъ мнѣ, подтягиваясь на ходу и оправляя свой дворницкій передникъ.

Я выхожу на площадку вагона. Дворникъ развязно подходитъ къ жандарму и съ напускной молодцоватостью здоровается съ нимъ за руку.

— Ты изъ городу?—спрашиваетъ жандармъ.

— Изъ городу.

— На именины ѣздилъ?.. Ну, каково кума угощала?

— Какая тамъ кума: зонтикъ потерялъ...

— Экъ тебя угораздило!..—возмущается жандармъ.

Молодцоватость исчезаетъ, и дворникъ какъ-то весь съеживается. Фуражка начинаетъ опять двигаться на головѣ.

— Ахъ, братецъ ты мой!—журитъ жандармъ, покачивая головой.—Нехорошо, братъ. Что тебѣ жена-то скажетъ?..

Въ этотъ моментъ изъ толпы высовывается давешняя кухарка и какимъ-то верещащимъ тономъ заявляетъ:

— Видѣла, своими глазами видѣла, какъ онъ на вокзалъ съ зонтикомъ пріѣхалъ... Пришелъ это въ вагонъ, а зонтика и нѣтъ!..

Дворникомъ овладѣваетъ неожиданная ярость, которая и обрушивается на ни въ чемъ неповинную бабенку.

— А тебя спрашиваютъ, килу?—рычитъ дворникъ.—Ахъ, ты...

Въ моментъ, когда „черное слово“ сорвалось совсѣмъ не по адресу, проходившій мимо другой жандармъ молча беретъ дворника за шиворотъ и молча тащитъ въ толпу какъ узелъ. Дворникъ барахтается, что-то объясняетъ, но жандармъ неумолимъ.

— Вотъ тебѣ и зонтикъ...—ворчитъ жандармъ-благопріятель, передвигая свою шапку.—Не миновать мирового.

Клятва Антона.

Разсказъ.

I.

— Баринъ... а баринъ...

— А? что?.. — бормоталъ баринъ, зарываясь головой въ подушку.

— Да они пришли, Антонъ Ильичъ... Сѣли въ гостиной и говорятъ: „Не уйду, покуда своего барина не разбудишь!..“ Что же я буду съ ними дѣлать?

— Какой Антонъ Ильичъ? Пожалуйста, убирайся ко всѣмъ чертямъ...

Будившая барина горничная сдѣлала небольшую паузу и снова принялась повторять то же сначала, точно осенняя муха, которая съ одной ноющей жалобной нотой бьется въ стекло. Баринъ напрасно пряталъ свою голову, напрасно закрывалъ уши, напрасно угрожающе протянулъ руку за туфлей, защищая свое законное право выспаться,—спасенья не было.

— Они сидятъ въ гостиной, Антонъ Ильичъ...

— А, чортъ возьми...

Горничная Глаша, какъ горничная многихъ старыхъ холостяковъ и соломенныхъ вдовцовъ, отличалась той мягкой настойчивостью, которая по праву принадлежитъ только женамъ. Въ синодикѣ Глаши настоящій баринъ приходился по счету уже шестымъ, и она знала свое дѣло.

— Послушайте, Глаша, это... это называется свинство... Который теперь часъ?

— Только семь пробило... Они, Антонъ Ильичъ, сначала по тротувару ходили, потомъ сидѣли на лавочкѣ у воротъ... А сейчасъ они въ гостиной.

— Хорошо, я сейчасъ... Только, ради Бога, уходи.

Уходя, Глаша оглянулась,—баринъ уже сидѣлъ на кровати. Онъ даже погрозилъ ей кулакомъ, и Глаша успокоилась. Баринъ нѣсколько разъ встряхнулъ головой, издалъ неопредѣленный носовой звукъ и еще разъ обругалъ Антона Ильича. Вотъ тоже чортъ принесъ ни свѣтъ, ни заря...

Виновникъ этого переполоха сидѣлъ въ гостиной, вѣрнѣе—спрятался въ старинномъ глубокомъ креслѣ. Это былъ совсѣмъ маленькій человѣчекъ съ моргавшими глазами, съ какимъ-то испуганнымъ лицомъ и короткими ножками. Онъ такъ и сидѣлъ въ креслѣ, поджавъ подъ себя ноги и раскачиваясь изъ стороны въ сторону.

Измятый костюмъ свидѣтельствовалъ о безсонной ночи.

— Послушай, Антонъ, что̀ такое случилось?— проговорилъ надъ самымъ его ухомъ заспанный голосъ хозяина.

Антонъ посмотрѣлъ испуганно и сдѣлалъ короткой ручкой такой жестъ, точно земной шаръ повернулся въ другую сторону. Хозяинъ только поморщился. Какъ это ни странно, но даже настоящее горе маленькаго мужчины не производитъ того впечатлѣнія, какъ горе мужчины большого.

— Тэночка уѣзжаетъ... совсѣмъ... — простоналъ Антонъ, закрывая лицо руками.—Да, совсѣмъ...

— Анна Гавриловна? уѣзжаетъ? Зачѣмъ же ты здѣсь въ такую пору? Впрочемъ, извини, можетъ-быть, это нескромный вопросъ...

— Э, нечего скрывать: она прогнала меня еще съ вечера... да. Ну, я и бродилъ всю ночь по городу, какъ собака.

— Гм... да-а.

Гость и хозяинъ посмотрѣли другъ-на-друга. Все было ясно, какъ день. Маленькій человѣчекъ сдѣлалъ какое-то больное движеніе и заговорилъ, быстро роняя слова:

— Видишь ли, Иванъ Васильевичъ... Я, да, я считаю тебя лучшимъ своимъ другомъ... да. И

поэтому пришелъ къ тебѣ... Ты видишь, въ какомъ я положеніи?

— Опять исторія съ докторшей?—строго спросилъ Иванъ Васильевичъ, хмуря брови.

— Какая тамъ докторша... Это ужъ давно позабыто.

Гость даже улыбнулся, а хозяинъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Послѣдній вспомнилъ, что Антонъ только на-дняхъ вернулся изъ Петербурга, значитъ, привезъ съ собой какое-нибудь приключеніе.

— Послушай, Антонъ, у тебя странный характеръ, чтобы не сказать больше... Я могу только удивляться тебѣ.

— Презирай меня, бей, но спаси... Я тебя буду просить на колѣняхъ.

Маленькій человѣчекъ быстро скатился со своего кресла и дѣйствительно очутился на колѣняхъ. Онъ умоляюще протянулъ впередъ свои маленькія ручки и заговорилъ еще быстрѣе, точно кого-то догонялъ:

— Спаси, спаси... Ваня, спаси! Я знаю, что ты сейчасъ презираешь меня,—я самъ презираю себя. Но все-таки снова... Ты знаешь, какой характеръ у Тэночки?..

— Послушай, Антонъ... Что же я могу сдѣлать?.. Это не въ первый разъ.

— Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что въ по-

слѣдній. Больше ни-ни... Будетъ. О, довольно... И потомъ, ты знаешь, какъ я люблю Тэночку.

Иванъ Васильевичъ взялъ гостя за руку, подвелъ къ зеркалу и проговорилъ:

— Посмотри, у тебя сѣдые волосы пробиваются въ головѣ... Какъ тебѣ не стыдно, Антонъ! Мы ужъ совсѣмъ старики... Пора остепениться!..

Въ зеркалѣ обрисовались два портрета. Одинъ толстый обрюзглый мужчина за сорокъ лѣтъ—въ томъ возрастѣ, когда женщины проходятъ мимо, другой походилъ на цыпленка. Зеркало являлось для обоихъ самымъ жестокимъ обвинительнымъ актомъ, какой только можно было себѣ представить. Иванъ Васильевичъ уже давно примирился со своей участью и могъ только удивляться роковой жизнерадостности Антона.

— Видишь ли, Ваня, я еще жить хотѣлъ, т.-е. даже и не жить, а такъ... вообще...—оправдывался Антонъ, оправляясь передъ зеркаломъ.—Докторша пустяки, это давно прошло, а... Однимъ словомъ, Тэночка тебѣ лучше разскажетъ. У тебя, право, есть такое особенное умѣнье разговаривать съ женщинами...

Антонъ, спасая свою шкуру, льстилъ самымъ грубымъ манеромъ, но сейчасъ онъ былъ готовъ рѣшительно на все. „Ораторъ“ взглянулъ на него черезъ плечо и только вздохнулъ. Онъ припомнилъ грустную исторію, какъ бѣжала его собственная жена и какъ его ораторство способ-

ствовало этому бѣгству. Да, старая рана на минуту раскрылась, и Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на своего друга почти съ ненавистью.

— Да одѣвайся же ты, ради Бога,—торопилъ Антонъ, поглощенный мыслью объ отъѣздѣ жены.—Понимаешь: *совсѣмъ* уѣзжаетъ. Ты знаешь, какой у нея рѣшительный характеръ.

— Сейчасъ еще рано... Она спитъ. Мы напьемся чаю, ты немного успокоишься... Вообще, торопиться некуда.

Антонъ взглянулъ на друга умоляюще, закрылъ лицо руками, и въ комнатѣ послышались глухія рыданія.

— Я... такъ... ее... люблю... Я... безъ... нея... жить... не... не... могу... Я... за... стрѣ... люсь...

— Застрѣлиться еще успѣешь, а чаю мы все-таки напьемся... Перестань хныкать. Я сейчасъ позову Глашу... Нехорошо при прислугѣ показывать все.

— Ахъ я несчастный... Что такое чай?.. Ты, просто, циникъ... У человѣка вопросъ жизни и смерти рѣшается, а онъ—чай.

Иванъ Васильевичъ только фыркнулъ носомъ и крупными шагами отправился въ свою спальню одѣваться.

„Лучшій другъ, не угодно ли?“ сердито думалъ онъ, засучивая рукава рубашки для умыванья. „Благодарю покорно... Итти объясняться

съ этой взбалмошной бабой... Пожалуй, еще въ шею выгонитъ...“

Кстати, Иванъ Васильевичъ припомнилъ, что онъ членъ окружного суда, занимаетъ извѣстное общественное положеніе, всѣ въ городѣ его знаютъ, и вдругъ скандалъ... За Тэночку нельзя поручиться. И когда проклятый Антонъ успѣлъ возвести его въ санъ главнаго друга? Кажется, достаточно у него друзей и могъ бы почтить этой милой привилегіей кого-нибудь другого. Впрочемъ, у Антона исторіи съ женой повторяются періодически, и эти другіе уже испили свою чашу, а теперь его очередь.

Кстати, Антона всѣ любили. Онъ создалъ себѣ какое-то особенное положеніе, не въ примѣръ другимъ. Когда-то онъ кончилъ университетъ, когда-то и гдѣ-то служилъ, потомъ бросилъ все и „сѣлъ на хозяйство“. Это сидѣнье закончилось полнѣйшимъ крахомъ. Антонъ очутился на улицѣ, и его спасла только смерть какой-то богатой тетки, оставившей ему кругленькое состояніе. Сейчасъ Антонъ рѣшительно ничего не дѣлалъ, а просто жилъ, т.-е. по-русски убивалъ время: днемъ скучалъ у себя дома, а вечеромъ отправлялся скучать въ клубъ или къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Однихъ именинниковъ сколько наберется, а потомъ званые обѣды, юбилеи, крестины, свадьбы—однимъ словомъ, дохнуть некогда, хотя и скучно чертовски.

Антонъ былъ вездѣ душой общества, какъ лучшій разсказчикъ и остроумный человѣкъ. Несмотря на свою невзрачную наружность, онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ. Онѣ съ нимъ не скучали и платили за это удовольствіе золотой монетой. Антонъ обладалъ секретомъ необыкновенно быстро сближаться и его сейчасъ же посвящали во всѣ интимныя дѣла. Эти успѣхи у женщинъ избаловали Антона и служили неизсякаемымъ источникомъ разныхъ домашнихъ исторій. Антонъ хитрилъ, лгалъ, вывертывался, и выведенный на свѣжую воду, каялся самымъ чистосердечнымъ образомъ. Такихъ Антоновъ по провинціальнымъ захолустьямъ наберется достаточно, и всѣ они походятъ другъ на друга, какъ „три капли воды“.

II.

Пробило девять часовъ. Иванъ Васильевичъ нарочно тянулъ время, чтобы наказать Антона за предстоявшее непріятное объясненіе. Глаша проводила господъ съ сдержанной улыбкой,—она догадывалась, въ чемъ дѣло.

Очутившись на улицѣ, Антонъ сразу опять упалъ духомъ. Онъ только смотрѣлъ на главнаго друга своими моргавшими глазками и по-

корно сѣменилъ за нимъ по тротуару, какъ комнатная собачка. Иванъ Васильевичъ всю дорогу молчалъ, еще разъ переживая близившуюся непріятность.

— Хоть бы извозчика взять...—взмолился-было Антонъ.

— Ничего, и такъ дойдешь.

Иванъ Васильевичъ выигрывалъ время. Вотъ и членъ суда, рѣшитель судебъ въ нѣкоторомъ родѣ, а извольте-ка столковаться съ бабой. Тоже, нечего сказать, пріятная миссія... Чортъ бы побралъ всѣхъ Антоновъ на свѣтѣ. Желая выдержать характеръ, Иванъ Васильевичъ ни разу не спросилъ, въ чемъ дѣло. Да это было и совершенно излишне. Опять какая-нибудь женщина... Развѣ Антонъ можетъ прожить полгода безъ приключеній?

— Ты бы судью попросилъ или доктора, Антонъ, а то я-то и не сумѣю.

— Судья меня ужъ мирилъ съ женой два раза, а докторъ хотѣлъ меня убить... Тогда эта глупая исторія вышла съ его женой. Собственно, серьезнаго ничего и не было, а Тэночка подняла цѣлую бурю... Однимъ словомъ, скандалъ въ благородномъ семействѣ.

Завидѣвъ родное пепелище, Антонъ остановился въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, братъ, шалишь, я одинъ не пойду!— рѣшительно заявилъ Иванъ Васильевичъ, под-

хватывая Антона подъ-руку.—Люби кататься, люби и саночки возить... Еще неизвѣстно, какъ меня приметъ Анна Гавриловна.

— Я боюсь...

— Вздоръ!.. Заварилъ кашу, самъ и расхлебывай...

— Она тебя любитъ, Тэночка... Когда ушла у тебя жена, какъ она тебя жалѣла. Это удивительная женщина, вообще...

Антонъ вздрогнулъ, когда Иванъ Васильевичъ позвонилъ у подъѣзда. Начиналось... Послышались шаги старухи-няньки, которая спускалась по лѣстницѣ съ старческимъ кряхтѣньемъ... Антонъ даже закрылъ глаза, когда повернулся ключъ въ дверяхъ.

— Анна Гавриловна дома?—твердымъ голосомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

Старуха посмотрѣла на господъ равнодушными глазами и прошамкала:

— Не знаю... Ужъ я спрошу ее.

Она ушла, а господа остались на подъѣздѣ. „Вѣдь, вотъ какая Тэночка, никогда молоденькой горничной не возьметъ“,—ропталъ про себя Антонъ, вспоминая бойкую Глашу.

— Пожалуйте...—послышалось сверху.

— Я останусь въ передней...—шепталъ Антонъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Ну нѣтъ, братъ, это дудки...

Они должны были подождать въ гостиной по

крайней мѣрѣ четверть часа, прежде чѣмъ Анна Гавриловна вышла изъ своей комнаты. Это была высокаго роста женщина, съ некрасивымъ, но рѣшительнымъ лицомъ. Она была одѣта въ дорожное сѣрое платье и даже держала въ рукахъ дорожную кожаную сумочку. Поздоровавшись съ Иваномъ Васильевичемъ, она сдѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ мужа. Антонъ стоялъ за кресломъ и виновато крутилъ въ рукахъ собственную шляпу. Онъ походилъ на бѣднаго родственника, попавшаго въ домъ къ богатому дядѣ.

— Я пришелъ къ вамъ, Анна Гавриловна,— т.-е. я...—заговорилъ Иванъ Васильевичъ, сбившись на первомъ словѣ.—Однимъ словомъ, вы хотите уѣзжать...

— Да, я сегодня оставляю этотъ вертепъ...

— Послушайте, Анна Гавриловна. Прежде, чѣмъ сдѣлать такой рѣшительный шагъ, поговоримте серьезно... по душѣ.

Анна Гавриловна томно опустилась на ближайшее кресло и приготовилась слушать. Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ паузу, чувствуя, какъ у него пересохло въ горлѣ. Бываютъ такія проклятыя положенія... Онъ даже оглянулся на Антона и посмотрѣлъ съ укоромъ. Да, тяжела шапка главнаго друга...

— Вы хотите бросить мужа, Анна Гавриловна...

— Не мужа, а мерзавца...

Антонъ сдѣлалъ безпокойное движеніе за кресломъ, какъ попавшаяся въ западню крыса.

— Конечно, трудно судить семейныя дѣла, особенно со стороны, уважаемая Анна Гавриловна... (О, чортъ бы тебя побралъ!) да. Но заинтересованныя стороны относятся другъ къ другу слишкомъ пристрастно и дѣлаются часто несправедливыми. Посторонній человѣкъ можетъ отнестись спокойнѣе... Во всякомъ случаѣ, необходимо разобраться, обсудить, взвѣсить. Вѣдь, нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода.

— Я не понимаю, во-первыхъ, что̀ вамъ нужно отъ меня,—отрѣзала Анна Гавриловна, принимая оскорбленный видъ,—а во-вторыхъ, мнѣ совершенно непонятна роль, въ какой вы явились сюда. Какое можетъ быть посредничество между мужемъ и женой?

— Я явился сюда только по просьбѣ вашего мужа, а моего друга Антона. Я даже не знаю, въ чемъ дѣло, и даже не спросилъ его ни слова, потому что мнѣ одинаково дороги интересы какъ его, такъ и ваши интересы.

— Какъ это мило съ вашей стороны... Ха-ха! Прекрасная роль... Я могу только удивляться, что среди моихъ друзей находятся, находятся... подобные субъекты.

— Позвольте, Анна Гавриловна, вы выражаетесь слишкомъ рѣзко...

— Нѣтъ, я очень мягко выражаюсь. Поймите, что мнѣ жаль васъ. Да, жаль. Въ концѣ-концовъ, вы все-таки являетесь въ роли защитника этого мерзавца, который имѣетъ дерзость считать себя моимъ мужемъ. Вы пришли защищать его интересы, а не мои... Мнѣ даже кажется, что ваша роль неблагодарнѣе его роли, какъ защитника отъявленнаго негодяя.

Иванъ Васильичъ сдѣлалъ безпокойное движеніе, какъ большая неуклюжая птица, приготовившаяся вспорхнуть. Это движеніе перемѣнило сразу непріятный оборотъ дѣла. Анна Гавриловна величественно поднялась и проговорила уже дѣловымъ тономъ:

— Такъ какъ вы взяли на себя непріятный трудъ ходатайства по такому грязному дѣлу, то я считаю своей обязанностью познакомить васъ съ нимъ въ общихъ чертахъ... Я сейчасъ.

Она величественно вышла изъ комнаты. Иванъ Васильевичъ чувствовалъ, какъ у него стучитъ кровь въ вискахъ, а на лбу выступаетъ холодный потъ. Обернувшись къ Антону, онъ погрозилъ ему кулакомъ и проговорилъ:

— Помни, Антонъ, что это въ послѣдній разъ!.. Если ты еще разъ позволишь себѣ какую-нибудь исторію, я подаю въ отставку изъ должности главнаго друга.

— Въ послѣдній разъ... Клянусь!—шепталъ Антонъ и прибавилъ уже другимъ тономъ.—

Но какая женщина... Какая энергія!.. Вотъ именно такихъ женщинъ я и люблю... Представь себѣ только картину, когда она улыбнется? Восторгъ... А ты, знаешь, прекрасно началъ. Такое благородство въ голосѣ... жестъ... Однимъ словомъ, произвелъ впечатлѣніе.

— Замолчи, несчастный.

Послышалось шуршанье платья, и Антонъ малодушно спрятался за свое кресло. Анна Гавриловна вошла походкой оскорбленной королевы и подала Ивану Васильевичу смятый листокъ.

— Потрудитесь прочесть вслухъ,—предложила она, повертывая въ рукахъ кожаную записную книжку.

Иванъ Васильевичъ въ качествѣ юриста пробѣжалъ молча поданную бумагу, посмотрѣлъ на оборотѣ, приподнялъ плечи и началъ читать:

— „Садъ „Кинь-Грусть“... счетъ г. Кривскому... гм... восемь порцій бёфъ а-ля-модъ... Четыре порціи филе-соте... десять порцій мороженаго“. Извините, я ничего не понимаю, Анна Гавриловна. Какой-то старый счетъ...

— Нѣтъ, читайте... Вверху есть дата: 18-го іюня 1891 года.

— Гм... да... „десять порцій мороженаго... восемь бутылокъ шампанскаго. Помери... телячья печенка... три ящика пива... русскому хору 25 руб... семь бутербродовъ... цыганскому хору

30 руб... за разбитую посуду 7 р. 33 к. Да... ризки"... Это что такое?...

— Ризки,—это когда крестятъ дѣтей... Продолжайте.

— „Деньгами выдано цыганкѣ Манѣ 25 руб... 12 бутылокъ сельтерской воды... 2 стакана террикоблеръ.. банка килекъ... изломанный стулъ... крюшонъ". Гм... Общій счетъ—184 р. 33 к.

Бумажка еще разъ была повернута и потомъ возвращена Аннѣ Гавриловнѣ...

— Вы скажете, Иванъ Васильевичъ, что могъ быть другой Кривскій? Что, наконецъ, это общій счетъ?

— Однако, не могъ же Антонъ выпить три ящика пива?

— А вотъ не угодно ли полюбоваться его собственной книжкой...

Порывшись въ книжкѣ, Анна Гавриловна отыскала роковую страницу, помѣченную 18-мъ іюня, и прочитала сама:

— 18-е іюня... на расходы по дѣлу о наслѣдствѣ 184 р. 33 к. Не правда ли, какое странное совпаденіе? Это именно та самая цифра, которая значится въ счетѣ...

— Да, странно... гм...—мычалъ Иванъ Васильевичъ.—Да, очень странно... Я думаю, что въ такихъ дѣлахъ самое лучшее полная откровенность.

— О, нѣтъ, я не вѣрю, ни одному его слову

не вѣрю!—рѣшительно заявила Анна Гавриловна, дѣлая такой жестъ, точно ей предлагали наступить на змѣю.—Это ни къ чему не поведетъ...

— Я, т.-е. я разскажу все, Тэночка...—заявилъ Антонъ какимъ-то не своимъ голосомъ.—Вѣдь я не говорю, что счетъ не мой и что въ книжку занесенъ не онъ... Неловко же было написать, что пропито 184 р. 33 к.

— Онъ меня довелъ до того, что я должна осматривать его карманы и записныя книжки...—объясняла Анна Гавриловна съ слезливыми нотами въ голосѣ.—Это уже послѣднее дѣло.. Помилуйте, женщина должна дѣлать обыски! Я кончила гимназію съ серебряной медалью... Наконецъ, у меня совсѣмъ не такой характеръ. Довести женщину до этого состоянія, это... это...

Конечно, явились слезы. Друзьямъ пришлось переждать, когда этотъ дождь пройдетъ.

III.

— Я прошу только объ одномъ: дайте мнѣ разсказать все... все...—началъ Антонъ взволнованнымъ голосомъ.—Да, все... Въ Петербургъ я поѣхалъ хлопотать по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ моей тетки (Анна Гавриловна горько

улыбнулась). Да, о наслѣдствѣ... Хорошо. Пріѣзжаю туда. Разыскалъ знакомаго адвоката—Пищалкинъ, мы съ нимъ еще въ университетѣ вмѣстѣ учились. Хорошо. Ну, то-се... Дѣлали справки, собирали какія-то справки, однимъ словомъ, устали какъ собаки. Пищалкинъ и говоритъ: „Поѣдемъ, братъ, на острова, передохнемъ свѣжимъ воздухомъ“... Тэночка, пожалуйста, не перебивай меня. Вѣдь, это онъ говоритъ, а не я. Хорошо. Я думалъ, что мы такъ прейдемся по островамъ и самое большее зайдемъ поужинать куда-нибудь къ Фелисьену (Анна Гавриловна сдѣлала нетерпѣливый жестъ). Да, къ Фелисьену... А тутъ по дорогѣ эта „Кинь-Грусть“. Пищалкинъ и затащилъ меня туда... Онъ тоже человѣкъ семейный, недавно старшая дочь въ гимназію поступила. Такая славная дѣвочка... Хорошо. Погуляли мы по саду, посмотрѣли представленіе на открытой сценѣ, зашли въ буфетъ—онъ выпилъ двѣ рюмки водки, а я англійской горькой. Всего одну рюмку, Тэночка. Потомъ отправились въ закрытый театръ. Тамъ шла новая оперетка „Дѣвушка въ трехъ юбкахъ“. Ну, оперетка такъ себѣ, могло бы быть лучше... Впрочемъ, одна француженка ничего... гм... да...

— И все онъ лжетъ...—тихо проговорила Анна Гавриловна, заломивъ въ отчаяніи руки.—Ни одного слова правды!

Иванъ Васильевичъ нѣмымъ взглядомъ попросилъ ее не перебивать разсказчика. Его начали интересовать похожденія Антона.

— Пищалкинъ и говоритъ, Тэночка: „Давай, поужинаемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ?“ Кажется, чего невиннѣе... Я согласился. Всякій человѣкъ ужинаетъ... Кажется, ничего въ этомъ особеннаго нѣтъ? Хорошо. Заказали ужинъ. Я нарочно выбралъ самое дешевое, что только было. Антрекотъ какой-то...

— Вотъ и лжешь,—не утерпѣла Анна Гавриловна.—Въ счетѣ никакого антрекота нѣтъ...

— Можетъ-быть и не антрекотъ, — великодушно согласился Антонъ.—Чортъ съ нимъ, съ антрекотомъ. Хорошо. Сидимъ. Пищалкинъ опять выпилъ двѣ рюмки водки, а я опять англійской горькой. Потомъ пили портеръ... Потомъ я спросилъ бутылку шампанскаго... Видишь, Тэночка, я ничего не скрываю. Нельзя же, человѣкъ хлопочетъ по моему дѣлу, привыкъ пить дорогія вина... Только это мы выпили шампанское и спросили ликера—не помню, какой—и кофе... Да... А по коридору въ это время что-то такъ и шуршитъ, потомъ этакій смѣхъ... женскій смѣхъ. А у Пищалкина характеръ игривый... Выскакиваетъ въ коридоръ и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ ужъ тащитъ двухъ цыганокъ — одна черная, какъ головешка, а другая бѣлокурая. Все это сдѣлалось какъ-то

вдругъ, и я даже хотѣлъ уйти... Ей-Богу, хотѣлъ! Но неловко обижать товарища, съ которымъ вмѣстѣ въ университетѣ учился... И потомъ завтра у насъ опять хлопоты по дѣлу.

— Какъ трудно было, я думаю, тебѣ остаться въ такой компаніи?—съязвила Анна Гавриловна.

— Да, вѣдь, Пищалкинъ тоже человѣкъ семейный? У него дочь въ гимназію поступила... Хорошо. Сидимъ... Я ничего не скрываю, Тэночка. Пищалкинъ сѣлъ рядомъ съ черномазой, а около меня помѣстилась эта бѣлокуренькая... Признаюсь, она меня заинтересовала: цыганка и вдругъ бѣлокурая. Вѣдь, и ты удивилась бы, если бы увидѣла бѣлаго воробья. Костюмъ на ней такой, цыганскій, монеты звенятъ, а глазенки такъ и свѣтятся. Такъ это смотритъ на меня пристально-пристально, точно вотъ хочетъ узнать и не можетъ. „Мы“, говоритъ, „гдѣ-то съ тобой встрѣчались“... Такъ и рѣжетъ на „ты“. Ужасная нахалка, какъ оказалось впослѣдствіи. Да... Ну, конечно, сейчасъ запросили ужинъ, потомъ цвѣтовъ, потомъ конфетъ... Смотрю, а Пищалкинъ финь-шампань такъ и душитъ. Я еще спросилъ себѣ антрекотъ...

— Опять врешь...

— Тфу! Ошибся... Что-то однимъ словомъ спросилъ... изъ съѣстного. А Пищалкинъ сразу потребовалъ шампанскаго двѣ бутылки... Тутъ и пошло все колесомъ. Его черномазая проситъ

русскій хоръ пригласить... Пригласили. Ну, что-то такое пѣли... Пищалкинъ подарилъ примадоннѣ свое обручальное кольцо. А моя бѣлокуренькая ласкается ко мнѣ, какъ котенокъ, и шепчетъ: „Заставьте пѣть насъ, цыганокъ“... Я ничего не скрываю, Тэночка. Я соглашаюсь, потому что попалъ на пьяную зарубку, какъ говорятъ купцы. Вотъ и привалила орда невѣрная... Однимъ словомъ, фараоны. Пѣсни, гиканье, пляска... Пищалкинъ пустился въ-присядку. Такъ и жаритъ... А моя Таня, это бѣлокурень-кая-то, такъ и жмется ко мнѣ плечомъ... Видитъ, конечно, что человѣкъ съ непривычки опьянѣлъ и ничего не понимаетъ... Жмется ко мнѣ и этакъ колѣнкой меня подъ столомъ толкаетъ.

— Довольно!—протестовала Анна Гавриловна.—Дальше все извѣстно...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, Анна Гавриловна,— возмущался Иванъ Васильевичъ, увлекаясь разсказомъ Антона все больше.—Продолжай, Антонъ...

— Да, жмется эта Танька, колѣнкой меня толкаетъ и шепчетъ: „А вы бы мужчинъ нашихъ угостили... Они пиво пьютъ“. Конечно, я сказалъ лакею, чтобы дали пива этимъ подлецамъ. Черномазые, носастые, глаза какъ угли—страшно смотрѣть, однимъ словомъ. Я еще думаю про себя: „разорвутъ они Пищалкина, какъ кошку“, потому что онъ ужъ началъ обнимать и цѣло-

вать свою головешку. Да... Только смотрю я, а въ сосѣдній номеръ лакеи и тащатъ цѣлыхъ три ящика пива. Вотъ такъ хороши „мужчины“... Я нарочно ходилъ посмотрѣть, какъ они пьютъ— настоящіе черные тараканы или компотъ изъ чернослива. Ну, а у насъ шампанское рѣкой льется, какіе-то жиды на цымбалахъ зажариваютъ... Виноватъ, забылъ: когда я спросилъ пива мужчинамъ, Таня поблагодарила меня ногой. Видишь, Тэночка, я ничего не скрываю. Дальше—больше... Пищалкинъ совсѣмъ разошелся и, смотрю, сидитъ уже съ двумя головешками: одну обнимаетъ, другую цѣлуетъ. И меня, признаюсь, начало подмывать... Думаю, что же, жена ничего не узнаетъ—такъ и думаю, вотъ до чего напился, а интересно, какъ это бѣлокурыя цыганки любятъ... Начинаю на эту тему заговаривать, Таня смѣется и говоритъ мнѣ: „А видѣлъ цыгана, который басомъ пѣлъ? Это мой мужъ... Смотри, достанется намъ обоимъ“. А цыганище, я вамъ скажу, невѣроятный, прямо монументъ... Какъ быть?.. Я то-се, а Таня только головкой качаетъ и этакъ легонько вздыхаетъ. „Жаль мнѣ, говоритъ, тебя, ужъ очень хорошій баринъ“... Я настаиваю... „Хорошо, говоритъ, есть еще одна штука, чтобы намъ съ тобой наединѣ встрѣтиться... Одна цыганка у насъ родила недавно, бѣдная такая цыганка— вотъ хочешь быть кумомъ? А тамъ все устроимъ“...

Понимаете, у меня столбы въ головѣ ходятъ—готовъ весь фараоновъ хоръ окрестить. Она, т.-е. Таня, опять благодаритъ меня ногой... Смотрю, а тутъ ужъ какая-то беззубая старушонка около меня вертится, тоже головешка головешкой. Ну, на ризки и выклянчила... Только я ей наличными отдалъ, а какъ эти ризки въ счетъ попали—не умѣю сказать. Да... Я ничего не скрываю, Тэночка. Хорошо... Только смотрю, ужъ совсѣмъ свѣтло... Хвать, а Пищалкина и слѣдъ простылъ. Вотъ такъ пріятель: завести завелъ да и бросилъ. А въ дверяхъ этотъ цыганище, мужъ Тани, стоитъ и какіе-то ей знаки дѣлаетъ... Дальше ужъ я плохо помню да и неинтересно: уплатилъ по счету, лакей довелъ меня до извозчика... однимъ словомъ, одна грусть получилась.

Наступила пауза. Рѣшающій голосъ принадлежалъ Аннѣ Гавриловнѣ, но она хранила гробовое молчаніе, опустивъ глаза.

— Что же, и все?—недовольнымъ голосомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Больше ничего не было,—отвѣтилъ Антонъ какимъ-то дѣтскимъ голосомъ.—Впрочемъ, могу прибавить: клянусь, что никогда и ничего подобнаго не произойдетъ. Вѣдь, въ сущности, я ничего не сдѣлалъ... Нужно быть справедливымъ и ко мнѣ. Да, былъ пьянъ, надѣлалъ глупостей, бросилъ на вѣтеръ двѣсти рублей—вотъ и все.

Иванъ Васильевичъ понялъ, что его миссія кончена, поднялся съ кресла и молча пожалъ руки молчавшимъ супругамъ.

Они остались вдвоемъ.

Ровно черезъ три дня Антонъ явился къ Ивану Васильевичу. Онъ имѣлъ безпечный и довольный видъ человѣка, который избавился отъ большой опасности, благодаря счастливой случайности.

— Ну, что̀, какъ дѣла?—довольно сухо спросилъ Иванъ Васильевичъ, надѣвая свой судейскій мундиръ,—онъ отправлялся въ засѣданіе.

— Ты это про что?

— Какъ про что?

— Ахъ, да... Виноватъ. Пришелъ тебя поблагодарить, голубчикъ. Ты меня выручилъ... Конечно, Тэночка ругала меня, потомъ плакала, потомъ опять ругала, гнала отъ себя и кончила отпущеніемъ грѣховъ. Это чудная женщина... да. А мнѣ до сихъ поръ совѣстно. Войди въ ея положеніе: что̀ ей было дѣлать, какъ и всякой другой женщинѣ? Подлецы мы, мужчины... Если бы не ты, все было бы кончено, а теперь я снова ожилъ.

Антонъ даже прищелкнулъ языкомъ и подмигнулъ, охваченный обычнымъ легкомысліемъ. Это, наконецъ, взорвало Ивана Васильевича.

— Послушай, Антонъ, въ слѣдующій разъ я не буду разыгрывать роль какого-то буфера, чортъ возьми. Это, наконецъ, смѣшно...

— Клянусь...

— Ты лучше клянись Аннѣ Гавриловнѣ, а я не желаю валять дурака. Пойми, что это просто неудобно.

— Да, вѣдь, я... ей-Богу, клянусь тебѣ, что...

— Ну, извини, мнѣ некогда. У насъ сегодня засѣданіе.

Они вышли вмѣстѣ. Антонъ сѣлъ вмѣстѣ на извозчика, увѣряя, что ему по-пути. Дорогой онъ нерѣшительно заявилъ:

— А я къ тебѣ по дѣлу, Ваня... Ты не сердись. Видишь ли... гм... Мнѣ нужно устроить свиданіе съ одной дамой, и я сказалъ, что она твоя родственница. Пока ты будешь въ судѣ, я ее приму у тебя въ квартирѣ... Ты ее и не увидишь.

— Извозчикъ, ступай...

Иванъ Васильевичъ крикнулъ адресъ квартиры Кривскихъ. Антонъ сдѣлалъ-было попытку соскочить съ извозчика, но былъ удержанъ.

— Ваня, не буду...—бормоталъ онъ.—Я пошутилъ...

— То-то... Извозчикъ, въ судъ!

Отчаянный человѣкъ.

Разсказъ.

I.

Павелъ Митричъ по обыкновенію всталъ утромъ рано,—не было еще шести часовъ. Въ его каморкѣ, пристроенной къ парикмахерской, окна не было, и онъ одѣлся въ темнотѣ, не желая зажигать стѣнной лампочки, какъ это дѣлалъ по утрамъ зимой.

„Выйду на улицу,—свѣту сколько угодно“, думалъ вслухъ старикъ. „Сдѣлай милость, не зимняя пора, а керосинъ тоже денегъ стоитъ“.

Вся парикмахерская еще спала мертвымъ сномъ, т.-е. хозяинъ съ хозяйкой и три подмастерья.

— Ишь, лодыри, какъ дрыхнутъ,—обругалъ Павелъ Митричъ двухъ подмастерьевъ, спавшихъ на полу въ самой парикмахерской.—Добрые люди успѣли ужъ досыта наработаться, а они дрыхнутъ.

Изъ квартиры Павелъ Митричъ вышелъ чернымъ ходомъ. На дворѣ пятиэтажнаго камен-

наго дома уже „припахивало весной“, какъ вѣжливо объяснялъ старшій дворникъ происхожденіе специфическаго аромата отъ помойной ямы, украшавшей самый центръ двора. Павелъ Митричъ только покрутилъ носомъ и проворчалъ:

— Этакого духа напущено!.. Тфу...

Два младшихъ дворника поливали улицу изъ пожарной кишки. Стоявшій на углу городовой слѣдилъ за ними, напрасно стараясь „подыскаться“, т.-е. найти поводъ для какой-нибудь придирки. Павелъ Митричъ, постоялъ за воротами, нѣсколько разъ зѣвнулъ, крестя ротъ, и почесалъ занѣмѣвшую отъ спанья руку. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ, а въ дѣйствительности шестьдесятъ. По происхожденію крестьянинъ, Павелъ Митричъ, по странной игрѣ природы, походилъ на кровнаго француза,—прямой носъ, большіе каріе глаза, большой лобъ, характерно очерченныя губы и подбородокъ. Объяснялось это тайнами дѣвичьей блаженной памяти громаднаго помѣщичьяго двора, гдѣ жила мать Павла Митрича на особомъ положеніи дворовой дѣвушки. Воспоминаніемъ и таинственнымъ отголоскомъ этого далекаго прошлаго явился Павелъ Митричъ со своею французскою наружностью, которая обрисовывалась еще ярче благодаря его городскому костюму, козлиной бородкѣ и усамъ шильцемъ. Начинавшуюся просѣдь онъ тщательно замазывалъ фиксатуаромъ.

— А хорошо... — резюмировалъ Павелъ Митричъ свои впечатлѣнія.—Градусовъ пятнадцать тепла, а къ обѣду всѣ двадцать пять выбѣжитъ. Очень хорошо.

Дворники для шутки брызнули краемъ струи на Павла Митрича и сдѣлали видъ, что это вышло нечаянно. Павелъ Митричъ обругалъ ихъ, но не разсердился. Развѣ можно сердиться на глупыхъ людей,—тѣмъ болѣе сердиться въ такое чудное весеннее утро? Онъ стряхнулъ воду со своего порыжѣлаго фіолетоваго сюртука, который надѣвалъ только по утрамъ, смахнулъ воду носовымъ платкомъ со штиблетъ и даже улыбнулся: „Ахъ, какіе глупые дворники...“

— Куда такую рань наклался, Павелъ Митричъ? — спрашивалъ городовой, когда онъ сравнялся съ нимъ.

— А для воздуху,—объяснилъ Павелъ Митричъ, поправляя крахмальный воротничокъ.— Продышаться свѣжимъ воздухомъ—первое дѣло. Вонъ какая благодать стоитъ...

— Да, оно дѣйствительно...—согласился городовой, наблюдая за опасливо бѣжавшей по тротуару собакой безъ ошейника.—Ужъ это—что говорить—первое дѣло...

— А вы какой губерніи будете?—полюбопытствовалъ Павелъ Митричъ, снимая котелокъ, чтобы погрѣть начавшую лысѣть голову.

— Мы-то? А мы—витебскіе...

— Такъ-съ... А я съ рѣки Сяси, сейчасъ за Ладожскимъ, ежели ѣхать на Онегу. Ха-арошее мѣсто у насъ по рѣкѣ Сяси. Вотъ сейчасъ иду на Фонталку, къ Лѣтнему саду, посмотрѣть землячковъ, которые съ Сяси дрова пригоняютъ сюда, а другіе съ рыбой на собственныхъ соймахъ. Народъ у насъ особенный супротивъ другихъ мѣстовъ, потому какъ два агромадныхъ озера, а потомъ агромаднѣющіе лѣса... Нѣтъ лучше нашихъ мѣстовъ...

— И у насъ Витебская губернія не хуже,— обидчиво отвѣтилъ городовой, продолжая наблюдать бѣжавшую уже въ концѣ улицы собаку.

Павелъ Митричъ какъ-то по-дѣтски хихикнулъ и только махнулъ рукой.

„Ничего не понимаетъ г. городовой, хотя и всю военную службу прошелъ. Разѣ можно приравнять Витебскую губернію къ Олонецкой. И даже того не понимаетъ, что изъ Невы-то нашу ладожскую воду пьетъ. Очень просто...“

Начало петербургской весны, когда вскрывалась Нева и появлялись сверху первые караваны, на Павла Митрича производило совершенно особенное впечатлѣніе. Онъ какъ-то начиналъ тосковать, и его тянуло на воздухъ. Раньше этого не было, а подъ старость тоска прикачнулась. Выйдетъ утречкомъ старикъ на набережную Невы и по цѣлымъ часамъ любуется кра-

савицей-Невой, караванами барокъ, пароходами, лодками, рабочей сутолокой и тѣмъ оживленіемъ, какое весной даетъ только большая рѣка. Онъ точно старался что-то вспомнить—такое хорошее, молодое и счастливое, что̀ уже не вернется, какъ не вернется рѣка обратно. Послѣ Невы весной Павелъ Митричъ больше всего любилъ Фонтанку,—не рѣка, а угодница. Вотъ какъ работаетъ чуть не цѣлый годъ и передышки не знаетъ до самаго рѣкостава. И сейчасъ Павелъ Митричъ вышелъ на Фонтанку и долго любовался закипавшей на ней работой. Сколько барокъ съ дровами, бутовымъ камнемъ, кирпичомъ, пескомъ и разнымъ другимъ строительнымъ матеріаломъ! И все это нужно, и тысячи рабочихъ находятъ дѣло. Всѣхъ матушка-Фонтанка накормитъ, только не лѣнись. А между барками на шестахъ пробираются рыбацкія соймы, къ которымъ Павелъ Митричъ относился особенно любовно: все съ Ладожскаго озера рыбку везутъ.

„Городъ Санктъ-Петербургъ все скушаетъ“, думалъ вслухъ Павелъ Митричъ, любуясь соймами, „только подавай...“

Старикъ останавливался нѣсколько разъ въ бойкихъ мѣстахъ. Хорошо работаютъ Христовы работнички и не даромъ свой кусокъ хлѣба ѣдятъ. Покатай вотъ такую тачку съ дровами день-то деньской или потаскай кирпичи,—и руки и ноги отнимутся. А какъ такой настоя-

щій-то рабочій человѣкъ ѣстъ, какъ спитъ—любо поглядѣть. Павлу Митричу даже дѣлалось совѣстно за свою легкую парикмахерскую работу,—развѣ это работа, ежели разобрать по-настоящему? Одно баловство и даже какъ-будто не къ лицу настоящему, природному крестьянину. Павлу Митричу нравилось думать о себѣ, какъ о крестьянинѣ, и онъ даже гордился своимъ крестьянствомъ, особенно весной. Вѣдь ежели разобрать, такъ настоящій-то человѣкъ—одинъ крестьянинъ, потому что онъ всю державу своей крестьянской работой кормитъ, а все остальное—сущіе пустяки. Отыми у барина деньги,—куда онъ дѣнется? Такъ и погибнетъ, какъ капустный червь. И служба барская—тоже пустяки...

— Эхъ, матушка-Фонтанка, всѣхъ-то ты накормишь и напоишь,—восхищался Павелъ Митричъ, точно Фонтанка была живое существо.

Только одно обстоятельство смущало восхищенную душу Павла Митрича, именно, что Фонтанка, конечно, хороша, а вотъ по теченію времени начинаетъ отъ нея отдавать тяжелымъ духомъ, какъ на дворѣ парикмахерской, да еще, пожалуй, и похуже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоть носъ зажимай... Ну, если съ судовъ валятъ всякую дрянь прямо въ воду, такъ это и Богъ велѣлъ. А, главное, все дѣло портятъ тѣмъ, что изъ домовъ все спускаютъ въ Фонтанку. Какой же это порядокъ?

Подходя къ Цѣпному мосту, Павелъ Митричъ всплеснулъ руками и громко крикнулъ:

— Да, вѣдь, это Ѳедоръ Евсеичъ?!.. Ей Богу, онъ—и на своей соймѣ прикатилъ...

II.

Дѣйствительно, къ громадной баркѣ съ дровами приткнулась рыбачья сойма. На палубѣ этого утлаго суденышка стоялъ сѣдой старикъ въ полушубкѣ и валенкахъ, несмотря на наливавшееся тепло.

— Онъ, Ѳедоръ Евсеичъ!—радостно повторялъ Павелъ Митричъ, ускоряя шагъ.—И въ полушубкѣ... Ѳедоръ Евсеичъ, здравствуй!..

Старикъ посмотрѣлъ на него и тоже, видимо, узналъ. Онъ что-то крикнулъ, указывая на барку съ дровами.

— Знаю, черезъ барку къ тебѣ попадать, а не вплавь!—крикнулъ Павелъ Митричъ.—Ахъ, ты, братецъ ты мой...

Павелъ Митричъ съ большою ловкостью перебрался по тонкой сходнѣ на барку, а съ барки уже перелѣзъ на сойму.

— Ну, здравствуй, Палъ Митричъ, — здоровался съ нимъ старый рыбакъ.—Каково прыгаешь?

— А ничего, слава Богу, живемъ, нога за ногу не задѣваемъ.

— Такъ, такъ... На что̀ лучше. Какъ въ городу не жить... Всѣ деньги въ городу.

— Денегъ-то въ городѣ много, а вотъ добывать ихъ трудно. Очень ужъ много на деньги охотниковъ...

— И у насъ въ деревнѣ любятъ на деньги посмотрѣть.

Они присѣли на лежавшую на палубѣ мачту отъ паруса и разговорились. Да и было о чемъ поговорить. У каждаго была своя забота, свое дѣло, а главное—много общихъ воспоминаній. Они были изъ одной деревни Кургана, на рѣкѣ Сяси, и по-деревенски приходились какой-то дальней родней. Въ Курганѣ между собою всѣ были родня. Павелъ Митричъ называлъ старика дядей. Онъ изъ своей деревни увезенъ былъ еще мальчикомъ и всю жизнь провелъ въ Петербургѣ, но своей деревни все-таки не могъ забыть. И сейчасъ Павелъ Митричъ смотрѣлъ на дядю съ нѣмымъ восторгомъ и даже пощупалъ его полушубокъ изъ своей домашней овчины. Правильный, крѣпкій старикъ... Жарко, а онъ валенокъ не сниметъ, потому какъ въ валенкахъ ногамъ мягко.

— Гдѣ-то у меня Мишутка запропастился,— говорилъ старикъ, приглядывая набережную изъ-

подъ руки.—Да вонъ онъ, пострѣлъ... Мишукъ, подь сюды!..

Мишукъ, бѣловолосый четырнадцатилѣтній мальчуганъ съ загорѣлымъ лицомъ, перебѣжалъ черезъ барку и съ улыбкой смотрѣлъ на Павла Митрича, который почему-то показался ему смѣшнымъ.

— Внучекъ мнѣ будетъ,—рекомендовалъ старикъ.—Отъ младшей дочери Авдотьи... Вотъ учу его рыбу возить въ Питеръ. Ну, Мишукъ, сбѣгай-ка за кипяточкомъ... Будемъ гостя угощать.

Мишукъ схватилъ жестяной чайникъ и полетѣлъ на берегъ.

— Славный мальчуганъ,—похвалилъ Павелъ Митричъ.

— Маленькіе-то всѣ они славные, а вотъ какой большимъ вырастетъ. Балуется нынче народъ и по деревнямъ.

Черезъ десять минутъ они сидѣли за чаемъ, и Ѳедоръ Евсеичъ только тутъ спохватился, что забылъ наказать Мишуку купить ситнаго.

— Не поглянется тебѣ нашъ деревенскій ржаной хлѣбушко, Палъ Митричъ.

— Нѣтъ, оставь. Именно деревенскаго хлѣбушка и закусимъ. Соскучился я объ немъ вотъ какъ... Ситный-то надоѣлъ до-смерти. Вотъ ужъ это для меня первое угощенье.

— Кушай на здоровье, Палъ Митричъ. У насъ нынче и по деревнямъ тоже все ситный... Мо-

дель развели въ лавочкѣ хлѣбъ-то покупать. Бабамъ это на-руку... Охъ, портится вездѣ народъ! Чаи да ситцы, да ситный, да матушка-водочка...

Мишукъ долго смотрѣлъ на гостя и, наконецъ, не вытерпѣлъ, прыснулъ отъ смѣха. И пиджакъ короткій, и крахмальная рубаха, и штиблеты, и усы шиломъ,—кругомъ шутъ гороховый.

— Это онъ надъ тобой, Палъ Митричъ,— объяснилъ Ѳедоръ Евсеичъ.—Деревня-матушка... Смѣшно глядѣть на городскую одежу. Мишукъ-то въ первый разъ въ Питерѣ, вотъ ему все и смѣшно...

— Нельзя, братъ, въ городѣ вахлакомъ ходить,—говорилъ Павелъ Митричъ, вытирая потъ съ лица.—Въ аккуратѣ себя надо содержать. Въ городѣ одежа—первое дѣло... А хлѣбушко, дядя, первый сортъ.

— Зачерствѣлъ, малымъ дѣломъ, дорогой-то.

— Ничего, у насъ зубы-то свои, а не казенные.

За чаемъ перебрали безконечную деревенскую родню, при чемъ всѣ новости въ большинствѣ случаевъ оказывались очень невеселаго характера. Тетка Матрена погорѣла два раза; у дяди Агаѳона родились двойни, и жена померши отъ родовъ; дѣдушка Трифонъ второй годъ лежитъ безъ ногъ; въ сосѣдней деревнѣ Тюшкахъ червь съѣлъ всю капусту; рыбаки въ Сяси выловили

утопленника; въ деревнѣ Куровой двѣ курицы пѣли пѣтухомъ,—ждали пожара, но все обошлось благополучно; былъ моръ на овцу,—повертится-повертится и подохнетъ; ждали по коровамъ сибирской язвы; въ лѣсахъ появилась какая-то муха съ бѣлыми крыльями и черной головой, зовутъ ее „монашиной“, и она жретъ лѣсъ безъ конца; на Ладожскомъ озерѣ плавали пузыри, изъ которыхъ выходили живые люди съ свѣтлыми пуговицами; падала огненная звѣзда на деревню Акино и т. д., и т. д. Въ тактъ этого разсказа Павелъ Митричъ только сочувственно качалъ головой.

— Да, конечно, бываетъ-съ... У насъ въ Питерѣ чудеса запрещены, а то, сдѣлай милость, сколько угодно. У насъ сейчасъ, напримѣръ, городовой,—и все кончено...

— Кончено?—удивлялся Ѳедоръ Евсеичъ.—Значитъ, и тетка Матрена не погорѣла бы?

— Ни-ни... у насъ строго. „А, ты желаешь горѣть—пожалуйте въ участокъ!“ И ни-ни...

Мишукъ сбѣгалъ еще съ чайникомъ за кипяткомъ. Павелъ Митричъ предался дѣтскимъ воспоминаніямъ и сразу напуталъ, когда заговорилъ о сяськой рыбѣ.

— Какая у насъ рыба?—оговорилъ его Ѳедоръ Евсеичъ съ улыбкой сожалѣнія.—Такъ, плотва иногда попадаетъ, окуньки мелкіе, да щука... Наша вся рыба въ устьѣ, гдѣ пески. И наша

рыба—самая дорогая: лосось, форель... Даже и сига мало. Это у Волхова ловятъ сига, да около острововъ, у Валаама. Наша рыба—первый сортъ.

Оглядѣвшись кругомъ, старикъ съ грустью прибавилъ:

— Только и нашей дорогой рыбѣ пришелъ конецъ...

— Неужто всю выловили?!.

— Гдѣ выловить—озеро-то, слава Богу, велико. А лиха бѣда въ томъ, что наши рыбаки всѣ начали продаваться купцу. Что поймалъ, то и подавай купцу... Значитъ, въ томъ родѣ, какъ ренда... Живемъ у самой рыбы, а у себя на берегу фунта не купишь. Вся рыба въ Питеръ заарендована еще съ зимы. Она, значитъ, еще въ озерѣ ходитъ, а ужъ подъ нее задатки рыбакамъ дадены. Потомъ крупные купцы рыбные завелись, которые вотъ какія тони выстроили: тыщъ на сорокъ одной снасти у такого купца, и лучшія мѣста откуплены.

— Ну, а вы какъ?

— А мы, значитъ, бочкòмъ, гдѣ мало-мало поманитъ,—тутъ и промышляемъ.

Ѳедоръ Евсеичъ тяжко вздохнулъ и только махнулъ рукой. Ему не хотѣлось говорить при Мишуткѣ, и онъ его подъ какимъ-то предлогомъ выслалъ на берегъ. Наливъ гостю чаю, старикъ еще разъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Пряменько тебѣ сказать, Палъ Митричъ,

такъ даже какъ-будто и понятія не стало. Что, значитъ, и къ чему... Вотъ я при Мишуткѣ даже и выговаривать не хочу. Дѣло такое подходитъ, что по древности лѣтъ я еще доживу попрежнему, а какъ будутъ жить другіе протчіе народы—ума не приложу.

— А что такое случилось?—спрашивалъ Павелъ Митричъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да ужъ, видно, такъ все одно съ однимъ... Прежде-то жили—ничего, а теперь—день прошелъ, и слава Богу. Вотъ ты обрадовался своему деревенскому хлѣбушку,—и ему пришелъ конецъ. Которые еще займаются по крестьянству, такъ сперва его продадутъ, а потомъ его же обратно покупаютъ... Развѣ это порядокъ? На заработки потянулъ народъ, который ищетъ легкаго хлѣба...

III.

Второй чайникъ былъ уже пустъ, и Павелъ Митричъ вынулъ серебряные часы.

— Ого, засидѣлся я у тебя, дядя... Пора мнѣ на работу...

— Да, у тебя того... дѣйствительно, работа,—замѣтилъ съ улыбкой Ѳедоръ Евсеичъ.—Поди, къ вечеру-то поясницу вотъ какъ ломитъ, да и руки вымахаешь съ ножницами.

Это замѣчаніе обидѣло Павла Митрича.

— У каждаго своя работа,—отвѣтилъ онъ, раскуривая папиросу.

— Ну, а какъ ты вообще живешь?—спрашивалъ старикъ, чтобы поправить обиду.

— Ничего, помаленьку, Ѳедоръ Евсеичъ... Пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Потомъ, пріосанившись, онъ съ гордостью прибавилъ:

— Тебѣ вотъ смѣшно, что я по парикмахерской части. И за работу не считаешь... Такъ, пустяки. А парикмахеръ парикмахеру рознь. Да, милый человѣкъ. Другіе не Богъ вѣсть какъ живутъ, а я—въ лучшемъ видѣ... А почему?

— Умственность, значитъ, въ тебѣ...

— Вотъ и не угадалъ... Секретъ въ томъ, что отчаянный я человѣкъ, наскрозь отчаянный.

— Н-но?

— Да... Тебѣ опять смѣшно, потому что нашего дѣла ты не понимаешь. А спроси, кто мертвыхъ нѣмцевъ брѣетъ? Павелъ Митричъ Востриковъ... Нѣмцы—народъ аккуратный и любятъ, чтобы на тотъ свѣтъ явиться въ полной формѣ. Ну, а кто будетъ покойника брить! Живой-то человѣкъ и носъ морщитъ, и ушами дергаетъ, когда его брѣешь, а покойникъ не шевельнется. Потомъ и то сказать, случается грѣхъ, что живаго-то и подрѣжешь, ну, на

живомъ и заживетъ, а покойника подрѣжешь,— тутъ ужъ зажива не будетъ. Шабашъ, значитъ. Пробовали другіе изъ нашего брата покойниковъ-то брить, да не могли. Страшно, а у нихъ отчаянности никакой...

— И дорого ты получаешь за свою музыку?

— И получать надо умѣючи... Сперва-то я вполнѣ дуракомъ оказалъ: по десяти цалковыхъ бралъ. Ну, а теперь,—шалишь, меньше тридцати ни-ни...

У Ѳедора Евсеича явилось на лицѣ недовѣрчивое выраженіе.

— Какъ-будто и много, Палъ Митричъ?

— А для чего человѣку умъ даденъ? Вотъ тутъ и штука... За работу я, дѣйствительно, получаю десять цалковыхъ по положенью. А инструментъ? Я какъ дѣлаю... Сейчасъ натащу и бритвъ, и щипцовъ, и точилокъ, и щетокъ,— однимъ словомъ, полный наборъ. Всѣ довольны— какой старательный парикмахеръ. А кончилъ работу, получилъ свои десять цалковыхъ и сейчасъ: „Позвольте получить четвертной билетъ за весь парикмахерскій приборъ“. Ну, обнаковенно, сейчасъ родственники на дыбы: „Намъ не нужно твоего прибора“. А я имъ: „И мнѣ онъ не нуженъ... Развѣ я смѣю послѣ покойника этимъ приборомъ живыхъ людей брить? Онъ весь въ заразѣ, и мнѣ придется отвѣчать передъ начальствомъ“. Ну, побьются-побьются, пору-

гаются, а я сдѣлаю скидочку на пять рублей—глядишь, и получилъ. Гдѣ тутъ въ суматохѣ спориться... А тамъ у меня есть татаринъ, который скупаетъ старыя вещи,—ему и продадутъ всю музыку за рубль, много—за два, а татаринъ продастъ мнѣ за трешницу. Съ новымъ покойникомъ та же музыка... Одинъ купецъ такъ разстервенился, что не захотѣлъ платить. Я къ мировому, а мировой и присудилъ купца къ уплатѣ, да еще меня похвалилъ, потому какъ я поступаю правильно.

— Ахъ ты, братецъ, ты, мой! — удивлялся Ѳедоръ Евсеичъ, качая головой.—Да ты и дѣйствительно отчаянный... Удумалъ тоже штуку.

— Жить надо, Ѳедоръ Евсеичъ.

— Вѣдь, у тебя дѣти есть?

— Какъ же: старшій, Васька,—вотъ какой лобъ, а потомъ дѣвчонка Клепатра, подросточекъ.

— И тоже въ тебя, значитъ, отчаянные?

— Въ самый разъ!.. Особливо Васька... Ему въ прошломъ году надо было солдатчину отбывать, а онъ объявилъ начальству, что у него отъ рожденья кость жидкая и становая жила не дѣйствуетъ...

— Ишь ты... а? Тоже удумалъ. Въ родителя, значитъ, пошелъ.

— Я ужъ и самъ не радъ. Какъ-то меня чуть

не побилъ... Пришелъ утромъ съ похмелья и денегъ требовать началъ.

— Правильно... А дочь?

— Клепатра-то? Ну, ту я пристроилъ къ хорошей должности... Мнѣ одной генеральшѣ приходилось голову брить, значитъ, докторъ велѣлъ. Ну, познакомился... Потомъ пуделей у нея каждую весну въ львиный образъ стригу. Какъ-то разговорились, она и взяла Клепатру въ няньки къ пуделямъ. Значитъ, должна, напримѣрно, водить ихъ гулять по два раза каждый день, а потомъ, главное, играть съ ними, чтобы не скучали и не выли зря. Три рубля жалованья Клепатра получаетъ и всю одежу.

— Такъ, устроился ты на отличку, Палъ Митричъ. Жена-то померши?

— Нѣтъ, жива, только мы съ ней на господскій манеръ: я—самъ по себѣ, а она—сама по себѣ.

— Чѣмъ же она живетъ?

— А кто ее знаетъ... По кухарочной части раньше служила.

— Такъ, такъ... А твой Васька чѣмъ занимается?

— Ну, этотъ на всѣ фасоны: и лакеемъ у господъ служилъ, и фиціантомъ, и въ поварахъ, и по лѣтамъ ягоды продавалъ на дачахъ, съ мороженымъ ѣздилъ, егеремъ состоялъ, кондукторомъ на конкѣ, изозчикомъ,—нигдѣ не ужи-

вается по своей отчаянности. Ему слово, а онъ два... Такой ужъ уродился, а что касаемо словесности, такъ и меня за поясъ заткнетъ.

— Такъ, такъ... Значитъ, фасонистый твой Васька.

Подумавъ немного, старикъ прибавилъ:

— А ты бы его, фасона, за виски... да въ одно ухо, да хорошую проволочку, да въ морду... а? Да прямо по зубамъ, да еще разъ по зубамъ... Не забывай, молъ, родительскую хлѣбъ-соль! Да по загривку, да по скуламъ, да подъ-микитки, да въ волостное, чтобы тамъ еще старички хорошенько поучили...

— Никакихъ у насъ старичковъ не полагается,—уныло отвѣтилъ Павелъ Митричъ.—У насъ участокъ, а въ участкѣ еще отца же и завинятъ: зачѣмъ дѣлаешь непріятность родному сыну. Очень даже просто.

Увлекшись своей идеей ученья, Ѳедоръ Евсеичъ вскочилъ и заходилъ по соймѣ, какъ поднятый изъ берлоги медвѣдь. Могучая стариковская грудь отъ волненія тяжело поднималась, глаза горѣли. Остановившись передъ парикмахеромъ, старикъ заговорилъ:

— А ежели разобрать, такъ самъ ты во всемъ виноватъ, Палъ Митричъ... Каковъ ты есть человѣкъ, ежели разобрать? И вся твоя отчаянность—такъ плюнуть да и растереть нечего. Набаловалъ парня, вотъ онъ и задурилъ... Ты

его пошли ко мнѣ на Сясь, такъ я изъ него всю дурь вышибу.

Павелъ Митричъ конфузливо присмирѣлъ и только моргалъ жалко глазами. Дядя былъ правъ, и Васька былъ правъ. Деревенскія правильныя слова били Павла Митрича прямо по головѣ, какъ бьетъ чугунная баба по головѣ деревянную сваю.

„Экъ его взяло“, думалъ отчаянный человѣкъ, не зная, куда дѣваться. „Еще меня же поколотитъ, старый чортъ“.

Оставалось одно—спасаться бѣгствомъ. Павелъ Митричъ вынулъ свои серебряные часы и дѣловымъ тономъ проговорилъ:

— Ухъ, какъ я опоздалъ. Растерзаетъ меня хозяинъ.

— Вотъ такъ отчаянный человѣкъ!—засмѣялся Ѳедоръ Евсеичъ.—Хозяина испугался...

Павелъ Митричъ окончательно сконфузился. Но, взглянувъ на Цѣпной мостъ, онъ радостно проговорилъ:

— Да вонъ онъ, Васька мой отчаянный, бѣжитъ по мосту и тычетъ барынѣ прямо въ носъ букетъ ландышей. Ахъ, прокуратъ!.. На вербѣ вотъ какъ торговалъ американскимъ чортомъ и воздушными пузырями, а сейчасъ ландыши продаетъ.

Ѳедоръ Евсеичъ изъ-подъ руки посмотрѣлъ на мостъ и увидѣлъ, какъ за извозчичьимъ

экипажемъ бѣжалъ съ букетомъ ландышей здоровенный парень въ красной рубахѣ и спинджакѣ, что-то кричалъ и кланялся.

— Онъ самый, мой Васька, — подтвердилъ еще разъ Павелъ Митричъ.

IV.

Въ теченіе трехъ дней Павелъ Митричъ аккуратно раннимъ утромъ являлся на сойму Ѳедора Евсеича пить чай. Онъ приносилъ съ собою французскихъ булокъ, московскихъ калачей, малиноваго варенья, селедку, водки и т. д.

— Дома я эту самую водку не уважаю,—говорилъ Ѳедоръ Евсеичъ.—А на водѣ она угрѣваетъ...

— Вò-время она даже очень пользительна,—согласился Павелъ Митричъ.—Нынче какъ-то мало пьютъ ее, а больше все пиво... Вредное оно, а пьешь вмѣстѣ съ другими. Мой Васька такъ и лакаетъ это самое пиво.

Отчаянный Васька какъ-то разъ зашелъ съ отцомъ на сойму посмотрѣть своихъ деревенскихъ. Ѳедоръ Евсеичъ все время присматривался къ нему и потомъ проговорилъ:

— Смотрю я на тебя, Василій, и въ самый бы разъ тебѣ за сохой ходить. А покажи руки?

Руки отчаяннаго Васьки оказались бѣлыми, какъ у горничной, и Ѳедоръ Евсеичъ только

покачалъ головой. Какой же человѣкъ, когда руки совсѣмъ бабьи!

— Истварился ты, Василій, на легкой городской работѣ вконецъ. И настоящей деревни въ глаза не видалъ...

— Мы больше по дачамъ,—отвѣчалъ Васька, встряхивая волосами.—Значитъ, около господъ...

— Такъ, такъ... Денегъ много зарабатываешь около своихъ господъ, только домой не носишь. Заѣзжіе-то рубли пѣтухами поютъ...

Наканунѣ отъѣзда Павелъ Митричъ пришелъ на сойму вечеркомъ. Онъ имѣлъ такой грустный и несчастный видъ.

— Ужъ ты здоровъ ли, милъ человѣкъ?—спрашивалъ Ѳедоръ Евсеичъ.

— Такъ, ничего,—уклончиво отвѣтилъ со вздохомъ Павелъ Митричъ.—Тоже, вѣдь, и мои года не маленькіе. Подъ шестьдесятъ идетъ... да... А потомъ мысли... Раздумаешься—и вдругъ скушно сдѣлается.

— О чемъ раздумаешься-то?

— А разное... По ночамъ даже не сплю.

Начинало уже темнѣть. На баркахъ зажигали фонари. Финляндскіе пароходики какъ-то особенно весело неслись по Фонтанкѣ, ярко освѣщая передъ собою дорогу носовыми фонарями. Павелъ Митричъ нѣкоторое время молчалъ, попыхивая папиросой, а потомъ проговорилъ:

— Эхъ бы теперь огоньку разложить, Ѳедоръ

Евсеичъ? Въ лучшемъ бы видѣ около огоньку посидѣть...

— Начальство не дозволяетъ...

Въ головѣ Павла Митрича пронеслись картины далекаго-далекаго дѣтства, когда онъ съ другими деревенскими мальчишками ранней весной пасъ лошадей по зеленямъ и уходилъ въ ночное. Горитъ весело огонекъ, въ темнотѣ слышится лошадиное фырканье, кто-нибудь разсказываетъ „страшное“,—эхъ, хорошо было!

— Да, хорошо... — думалъ вслухъ Павелъ Митричъ.—Когда у насъ въ мастерской топится печь, такъ я нарочно вытащу полѣно и понюхаю дымокъ...

Ѳедоръ Евсеичъ не могъ понять, къ чему ведется рѣчь, и молчалъ. Ему даже показалось, что Павелъ Митричъ пришелъ немного подъ хмелькомъ и плететъ что-то такое несообразное. Вотъ тебѣ и мысли... У пьянаго-то этихъ самыхъ мыслей хоть отбавляй. Старикъ не успѣлъ въ полную мѣру утвердиться въ этомъ предположеніи, какъ вдругъ послышался какой-то дѣтскій плачъ.

— Палъ Митричъ, Христосъ съ тобой...

— Ахъ, оставь...

Павелъ Митричъ сидѣлъ на мачтѣ и, закрывъ лицо руками, продолжалъ плакать. Ѳедоръ Евсеичъ былъ ужасно сконфуженъ и опасливо посмотрѣлъ на спавшаго врастяжку на палубѣ

Мишутку,—проснется парень — тогда ужъ совсѣмъ стыдъ и срамъ.

— Перестань, Палъ Митричъ... Мало ли што бываетъ на свѣтѣ. Этакъ у насъ въ деревнѣ у одного мужичка лошадка пала... Вотъ какъ убивался, а потомъ выправилъ другую, и все пошло по-старому.

— Да я не о себѣ... А такъ, вообще...

— Хошь, я Мишутку за парой пива сгоняю?

— А ну его, пиво... Сейчасъ пройдетъ все... У меня это бываетъ... Докторъ знакомый къ намъ ходитъ, я его подстригаю, такъ онъ говоритъ, что это отъ нервовъ...

— Значитъ, въ томъ родѣ, какъ лихоманка?

— Нѣтъ, другое... Даже совсѣмъ наоборотъ.

— Значитъ, тошнитъ, какъ съ перепою? У насъ такъ-то одинъ мужичокъ на помочи съ вина сгорѣлъ... Навалился на даровое вино—и почернѣлъ весь.

— Нисколько даже не похоже, Ѳедоръ Евсеичъ. Конечно, я принимаю и водку, и пиво, а только знаю свою мѣру... А сейчасъ, напримѣрно... Эхъ, ничего ты не понимаешь, Ѳедоръ Евсеичъ, а еще настоящій, правильный крестьянинъ. Ну, посмотри на меня, каковъ я есть человѣкъ, ежели разобрать? Развѣ я самъ-то не понимаю... Взять тебя: привезъ ты рыбу въ Питеръ, продалъ, получилъ деньги, а завтра поставишь парусъ—и домой.

— Обнакновенно...

— А тамъ ужъ тебя ждутъ: вотъ дѣдушка изъ Питера возворотится... Ребятишкамъ баранки... Снохѣ-то ситцу купилъ... Вотъ оно самое... Прямо, значитъ, въ свое гнѣздо пріѣдешь. И домишко у тебя, свой уголъ, и все крестьянское обзаведенье... Овечекъ-то шесть штукъ держишь? Такъ... Однимъ словомъ, человѣкомъ пріѣдешь и будешь по-человѣчьи жить. А мы будемъ пропадомъ пропадать, пока не подохнемъ... Себя мнѣ не жаль—все прожито, а вотъ ребятъ жаль. Ты вотъ про себя посмѣялся надъ моимъ отчаяннымъ Васькой и надъ собачьей нянькой Клепатрой тоже, а виноватъ-то я, самъ ты говорилъ, потому какъ не могъ поставить своего гнѣзда на правильную точку. Оно ужъ все, значитъ, одно къ одному: тутъ тебѣ пуговица, а тутъ тебѣ и петелька.

Раскуривъ новую папиросу, Павелъ Митричъ неожиданно прибавилъ:

— А что, Ѳедоръ Евсеичъ, ежели бы, напримѣрно, опять собрать все гнѣздо?.. То-есть, видишь ли, ежели бы я опять махнулъ въ деревню: жена есть, сынъ-работникъ, дѣвчонка-подростокъ, я тоже могу соотвѣтствовать... Я, вѣдь, не выписался изъ крестьянъ и за землю плачу. Ну, поставили бы избенку, обрядили лошадку, коровушку, пару овечекъ, курочекъ... Какъ ты думаешь?..

Ѳедоръ Евсеичъ долго молчалъ, а потомъ тряхнулъ головою и категорически заявилъ:

— Не гоже...

— Ты думаешь, не гоже?

— Совсѣмъ не гоже... Ты ужъ совсѣмъ отбился отъ крестьянства и всю семью отбилъ. Ничего не выйдетъ...

— Значитъ, помирать?

— Раньше смерти никто не помираетъ, Палъ Митричъ.

Мужицкій отвѣтъ былъ жестокъ. У Павла Митрича все какъ-то потемнѣло въ глазахъ, точно его ударили палкой по головѣ. Онъ посидѣлъ, помолчалъ и молча началъ прощаться.

— Приходи ужо утречкомъ въ послѣдній разъ чайку попить,—приглашалъ Ѳедоръ Евсеичъ.

— Ладно,—донесся голосъ Павла Митрича изъ темноты.

Утромъ Павелъ Митричъ не пришелъ. Ѳедоръ Евсеичъ подождалъ его лишній часъ и сказалъ:

— Ну, нашъ отчаянный, видно, проспалъ, а намъ съ тобою пора...

Когда сойма уже вышла на шестахъ въ Неву, Ѳедоръ Евсеичъ видѣлъ, какъ по набережной бѣжалъ Павелъ Митричъ и махалъ ему фуражкой.

„Отчаянный человѣкъ“ провожалъ уходившую вверхъ по Невѣ сойму полными слезъ глазами, точно она увозила его послѣднюю надежду.

Рекомендательное письмо.

Разсказъ.

I.

Анна Сергѣевна Мякишева, какъ всегда, проснулась „съ дѣловымъ видомъ“, который и сохраняла на цѣлый день, какъ лошадь, которую ежедневно закладываютъ въ одинъ и тотъ же экипажъ и которая сама просовываетъ свою голову въ знакомый хомутъ. Извиняюсь за это вульгарное сравненіе, но я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія унизить имъ или огорчить почтенную дѣловую женщину. Говоря между нами, нѣкоторыя дамы отъ души завидовали именно этому дѣловому виду Анны Сергѣевны и напрасно старались ей подражать. Выходило то, да не то, какъ это всегда бываетъ при подражаніяхъ. Другой Анны Сергѣевны не могло быть.

Укладываясь спать, Анна Сергѣевна имѣла привычку подводить дѣловой итогъ прожитому дню и дѣлала самой себѣ что-то въ родѣ экзамена. Вѣдь, ни одинъ день не вернется и ни

одно солнце не поднимется заднимъ числомъ, а въ сорокъ-пять лѣтъ дѣловые люди начинаютъ крѣпко задумываться надъ количествомъ оставшихся въ ихъ распоряженіи дней, и на этомъ основаніи Анна Сергѣевна, просыпаясь утромъ и лежа въ постели, составляла подробную программу для наступающаго дня.

„Докончить переводъ восьмой главы“, думала она вслухъ, борясь съ утренней дремотой. „Послѣ завтрака съѣздить въ комитетъ... визитъ къ Просперовой... Ахъ, какіе это тошные люди, а не отдать визита нельзя. Сегодня... да... именно сегодня обѣдъ у Колчевыхъ. Тоже немного будетъ радости, если не придетъ Черняковъ, который обѣщалъ похлопотать по одному дѣлу. Вечеромъ засѣданіе въ благотворительномъ обществѣ и ужинъ по подпискѣ. Это все наша взбалмошная княгиня придумываетъ, „для сближенія элементовъ“, какъ она говоритъ“.

Однимъ словомъ, цѣлый день оказывался полнымъ, и еще нехватало времени съѣздить въ двѣ школы, побывать въ книжномъ магазинѣ, заѣхать въ типографію и т. д., и т. д. Больше всего огорчалъ Анну Сергѣевну ужинъ по подпискѣ, потому что она терпѣть не могла платить деньги и, вѣроятно, на этомъ основаніи умѣла вымогать деньги на свои благотворительныя дѣла съ изумительной ловкостью, находчивостью и упорствомъ. Когда она подходила съ улыбкой

къ кому-нибудь изъ богатыхъ людей гдѣ-нибудь въ фойе театра или въ концертной залѣ, отъ нея откупались безъ всякихъ видимыхъ знаковъ сопротивленія, сознавая ихъ полную безполезность. Говоря проще, Анна Сергѣевна была скупа, торговалась съ каждымъ извозчикомъ до ожесточенія, не давала прислугѣ на-чай, а своихъ кухарокъ считала поголовно воровками и торговалась каждое утро съ ними изъ-за каждаго гроша до бѣшенства. Конечно, послѣдняго никто не видалъ, и Анна Сергѣевна слыла просто дѣловой, строгой женщиной.

Итакъ, Анна Сергѣевна проснулась, составила программу на цѣлый день и позвонила. Вошла горничная съ блѣднымъ, немного испуганнымъ лицомъ и остановилась въ дверяхъ.

— Что Еввочка?—спросила Анна Сергѣевна съ скрытой тревогой въ голосѣ, какъ спрашивала каждое утро.

— Онѣ спятъ...

— Подними шторы... Подай теплой воды... Достань синее суконное платье... Пришей пуговицу къ ботинкѣ... Барину принеси сухарей... Впрочемъ, не нужно: осталась вчерашняя булка... У Еввочки вчера плохо была вычищена юбка... Потомъ въ углу подъ роялью я вчера замѣтила паука: поймай его и раздави... Потомъ скажи кухаркѣ, что она вчера не додала мнѣ за масло двухъ копеекъ... Скажи дворнику, чтобы онъ не

смѣлъ носить сырыхъ дровъ... Подожди: кто вчера отбилъ ручку у бѣленькой чайной чашки?

У Анны Сергѣевны былъ деспотическій характеръ, и она держала всѣхъ въ домѣ, особенно мужа, въ ежевыхъ рукавицахъ.

Павелъ Максимовичъ Мякишевъ обладалъ мягкимъ, податливымъ характеромъ и съ первыхъ дней супружества терпѣливо несъ тяжелое иго семейнаго счастья. Этотъ худенькій, тихій и скромный человѣкъ съ какой-то скромной лысиной на головѣ и робкими движеніями былъ счастливъ только тогда, когда сидѣлъ въ своемъ правленіи и вырѣзывалъ изъ газетъ объявленія о продающихся дворянскихъ имѣніяхъ, домахъ, дачахъ и земляхъ. Онъ вставалъ рано и проводилъ утро въ столовой, раскладывая пасьянсъ. Анна Сергѣевна просыпалась поздно и часа два совершала свой утренній туалетъ. Прислуга въ грошъ не ставила робкаго барина и не обращала на него никакого вниманія. Какой это баринъ, который боится не только жены, но родной дочери, тоже робкой и слишкомъ замуштрованной дѣвушки.

Чета Мякишевыхъ жила, какъ тысяча такихъ счастливыхъ парочекъ, достигшихъ въ своемъ семейномъ счастьѣ того предѣльнаго возраста, когда отъ жизни уже нечего ожидать. Впрочемъ, Анна Сергѣевна, какъ многія дамы ея возраста, постепенно пришла къ убѣжденію, что сдѣлала

непоправимую ошибку, выйдя замужъ за Павла Максимовича, и что ея жизнь могла бы сложиться иначе. Примиряющимъ элементомъ являлась только Еввочка, но и та несла въ своемъ характерѣ мякишевскія черты, да и вообще была какая-то вялая, инертная и безвольная.

По утрамъ Мякишевъ очень страдалъ, потому что Анна Сергѣевна по скупости не выписывала ни одной газеты („Все глупости въ твоихъ дурацкихъ газетахъ пишутъ, а шестнадцать рубликовъ—деньги... Посчитай-ка, сколько французскихъ булокъ выйдетъ на шестнадцать рублей: триста двадцать булочекъ! А ты еще сухарей требуешь... Читай въ своемъ правленіи, сколько угодно“). И Мякишевъ уныло слонялся по столовой, какъ заморенный звѣрь въ зоологическомъ саду слоняется по своей клѣткѣ. У него былъ великолѣпный „дѣловой“ кабинетъ, съ такимъ большимъ письменнымъ столомъ, какой годился бы для любой кухмистерской, но онъ его терпѣть не могъ, потому что ему рѣшительно нечего было дѣлать въ этомъ кабинетѣ. Скромнаго Павла Максимовича всегда немного коробило, когда Анна Сергѣевна говорила:

— Ахъ, Павелъ Максимовичъ такъ занятъ, такъ занятъ, что я его вижу только за обѣдомъ и поздно вечеромъ...

И онъ долженъ былъ цѣлую жизнь разыгрывать роль человѣка, которому дохнуть некогда,

и знакомые даже жалѣли его, какъ заработавшагося человѣка, который неизбѣжно долженъ кончить нервнымъ переутомленіемъ.

— Я и сама боюсь за него,—подтверждала Анна Сергѣевна, изображая на лицѣ покорность судьбѣ.—Но что̀ подѣлаете: каждый долженъ работать.

Слова: работать, работа, рабочій—были любимыми словами для Анны Сергѣевны, и она очень часто себя называла рабочей бабой.

Сегодня все было, какъ всегда. Анна Сергѣевна вышла въ столовую уже совсѣмъ готовая, т.-е. затянутая въ синее суконное платье, что̀ означало, что она сейчасъ послѣ завтрака отправится по дѣламъ. Никакихъ капотовъ она не признавала и любила повторять слова Бисмарка, что каждая кляча должна умереть въ своихъ оглобляхъ.

— Здравствуй, Поль!..

Павелъ Максимовичъ немного трусилъ, какъ это ни смѣшно сказать, вотъ именно этого синяго суконнаго платья, въ которомъ Анна Сергѣевна являлась для него чѣмъ-то въ родѣ неприступной крѣпости, и даже у нея въ выраженіи лица являлось какое-то зловѣщее выраженіе. Онъ почтительно поцѣловалъ ее въ дряблую щеку и что-то такое пробормоталъ, чего нельзя было разобрать, какъ встрѣчаетъ рота своего командира.

— А что̀ Еввочка?—еще разъ спросила Анна Сергѣевна, усаживаясь на свое мѣсто за столомъ.

— Онѣ еще спятъ,—отвѣтила, какъ эхо, горничная.

II.

Отпивая свой кофе короткими глотками, Анна Сергѣевна имѣла привычку упорно слѣдить глазами за мужемъ, и онъ впередъ чувствовалъ себя виноватымъ, какъ тотъ кроликъ, на котораго уставилась глазами гремучая змѣя.

— Опять за работу?—иронически спросила она, разламывая на мелкіе кусочки сухарь,—это была ея дурная привычка.—Вырѣзывать объявленія?

— Что же, я... я, вообще, никому не мѣшаю, Анюта...

— И это называется—работа. Удивляюсь... И всѣ члены вашего правленія тоже занимаются только тѣмъ, что вырѣзываютъ газетныя объявленія?.. Я посовѣтовала бы вашему правленію раскрашивать картинки изъ *Нивы*,—тоже очень интересно.

Анна Сергѣевна презрительно повела жирными плечами. За послѣдніе годы она начала быстро старѣть, что ее серьезно огорчало, потому что портило дѣловой видъ. И лицо дѣлалось пол-

нымъ и брюзгливымъ, около глазъ выступали морщины, бѣлки глазъ по утрамъ покрывались желтизной,—вообще наступала старость.

Павелъ Максимовичъ былъ всегда радъ, когда утренній кофе кончался. Это было сигналомъ, что онъ можетъ уходить на службу, т.-е. быть до самаго обѣда самимъ собой. Онъ уходилъ изъ дому всегда съ немного виноватымъ видомъ, повторяя одну и ту же фразу:

— Я къ обѣду вернусь, Анюта.

Анна Сергѣевна провожала его презрительнымъ взглядомъ и еще разъ пожимала плечами. Трудно было объяснить это презрѣніе, тѣмъ болѣе что Павелъ Максимовичъ рѣшительно ничего такого не дѣлалъ, что дало бы къ этому какой-нибудь поводъ. Единственнымъ объясненіемъ могло быть развѣ только то, что онъ всегда былъ очень скромнымъ человѣкомъ. И женился онъ тоже изъ скромности, т.-е., вѣрнѣе сказать, Анна Сергѣевна женила его на себѣ. Въ ранней юности она прошла тяжелую школу бѣдности и лишеній. Ея отецъ, профессоръ-филологъ, говоря словами Некрасова, „кромѣ каменной болѣзни не имѣлъ ничего“ и умеръ отъ этой же болѣзни, оставивъ семью нищею. Мякишевъ былъ знакомъ съ братомъ Анны Сергѣевны и бывалъ иногда у нихъ въ домѣ. Скромный и застѣнчивый студентикъ къ окончанію курса неожиданно сдѣлался богачомъ, бла-

годаря какимъ-то участкамъ земли около Баку, пріобрѣтеннымъ еще его дѣдомъ. Неожиданное богатство не сдѣлало Павла Максимовича смѣлѣе, и онъ никогда не рѣшился бы сдѣлать ей предложеніе, хотя смѣлая и рѣшительная дѣвушка нравилась ему. Анна Сергѣевна сама пошла навстрѣчу къ нему.

— Мнѣ вашего богатства не нужно,—предупредила она, когда еще была невѣстой.—Я буду жить своимъ трудомъ. Да... Вы такъ и знайте. Время женъ-содержанокъ, къ счастью, прошло...

Дальше пошло, какъ и слѣдовало итти. Прежде всего Анна Сергѣевна тщательно скрывала отъ всѣхъ свои болѣе чѣмъ солидныя средства и не проявила ни малѣйшаго стремленія къ показной роскоши. Затѣмъ она не пожелала войти въ кругъ финансовой аристократіи, а предпочла остаться въ своемъ кругу. Больнымъ мѣстомъ въ ея жизни было только то, что Павелъ Максимовичъ не проявлялъ рѣшительно никакихъ талантовъ и едва сумѣлъ попасть въ члены правленія какого-то акціонернаго общества, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ пайщиковъ. Для знакомыхъ Анны Сергѣевны онъ оставался сфинксомъ.

Когда Павлу Максимовичу все-таки приходилось показываться при гостяхъ, онъ дѣлался настоящимъ мученикомъ, потому что долженъ былъ разыгрывать роль дѣлового человѣка. Зато

онъ отводилъ душу у себя въ правленіи, вырѣзая газетныя объявленія. У него развилось что-то въ родѣ маніи быстро разбогатѣть еще разъ. Вѣдь, богатѣли же другіе, богатѣли прямо у него подъ носомъ. Богатство оказывалось вездѣ, даже тамъ, гдѣ о его существованіи никто и подозрѣвать не могъ. Ужъ не говоря о Кавказѣ, богатства открывались по всему югу Россіи, на сѣверѣ, на востокѣ,—вездѣ рѣшительно.

Одной изъ причинъ скрывать свое богатство для Анны Сергѣевны былъ вѣчный страхъ, что всѣ, какъ только узнаютъ, полѣзутъ занимать въ долгъ, начнутъ клянчить, приставать. Съ другой стороны, ей хотѣлось совершенно самостоятельно создать себѣ извѣстное положеніе въ обществѣ, а главное—играть видную роль. Она сохранила знакомства отца и особенно дорожила нѣкоторыми литературными именами. Здѣсь же она получала и работу, главнымъ образомъ переводы.

Кофе конченъ. Анна Сергѣевна поднялась и еще разъ спросила горничную:

— А что Еввочка?

— Онѣ еще не просыпались...

Анна Сергѣевна безумно любила дочь, но никакъ не могла понять: взрослая дѣвушка, знающая три иностранныхъ языка, и такъ безсовѣстно спитъ. Еввочка тоже „работала“, не считая занятій на курсахъ:—она тоже „переводила“,

и Анна Сергѣевна гордилась, когда подъ какимъ-нибудь переводомъ появлялось имя Еввочки. Ахъ, какая способная дѣвчонка, только ужасно вялая. Ну, въ свое время оживится, а пока пусть выспится хорошенько. Собственно Еввочка только числилась на курсахъ, хотя, какъ не „медальерка“, и не имѣла права на нихъ поступить, а попала туда благодаря протекціи.

— Какіе нынче профессора?—говорила Анна Сергѣевна тономъ своего человѣка при университетѣ.—Такъ, что-то такое... вообще... Не думаю, чтобы Еввочка вынесла оттуда особенно много, но пусть поучится... Все-таки извѣстный режимъ, товарищество, и, наконецъ, нужно же молодой дѣвушкѣ что-нибудь дѣлать...

Переходя изъ столовой въ свой рабочій кабинетъ, Анна Сергѣевна думала: „Что же дѣлать, служба... Нельзя себя распускать. Дѣло прежде всего“. Кабинетъ, большая, высокая и свѣтлая комната, былъ обставленъ съ дѣловой простотой, съ тою разницей отъ дѣлового кабинета Павла Максимовича, что письменный столъ здѣсь былъ приставленъ къ стѣнѣ и, благодаря вычурнымъ полкамъ и этажеркамъ, походилъ отчасти на буфетъ, отчасти на церковный органъ. Конечно, это довольно сложное сооруженіе было завалено бумагами просто, бумагами въ папкахъ, бумагами въ спеціальныхъ картонкахъ, бумагами въ трубочкахъ и т. д., и т. д. Анна Сергѣевна

входила въ свой кабинетъ съ видомъ замученнаго на работѣ начальника какого-нибудь департамента, медленно усаживалась къ столу и еще медленнѣе старалась повторить про себя программу сегодняшняго дня.

„Прежде всего докончить восьмую главу“, думала она вслухъ, протягивая руку къ картонкѣ съ надписью: „Переводы“.

Картонка уже была раскрыта, когда въ передней послышался звонокъ. Анна Сергѣевна нахмурилась, потому что терпѣть не могла, когда ей мѣшали работать.

„Кто бы это могъ быть?“ сердито подумала она. „Всего еще только одиннадцать часовъ...“

По сдержанному голосу горничной, доносившемуся изъ передней, Анна Сергѣевна поняла все.

— Рекомендательное письмо...

Горничная, дѣйствительно, подала письмо, и на нѣмой вопросъ барыни отвѣтила:

— Я говорила, что вы принимаете отъ двухъ до трехъ часовъ, а онѣ мнѣ суютъ прямо въ носъ письмо. Я ужъ не знаю...

— Барышня?

— Точно такъ-съ, въ томъ родѣ, какъ на курсы пришли проситься...

— Ахъ, ужъ эти мнѣ курсы... Нельзя же всю Россію помѣстить на курсы! Навѣрно, какая-нибудь провинціалочка... изъ дальнихъ...

Письмо имѣло довольно затасканный видъ, и

Анна Сергѣевна какъ-то брезгливо прочитала адресъ, написанный мелкимъ старческимъ почеркомъ. Разорвавъ конвертъ и прочитавъ подпись, она съ несвойственной быстротой проговорила:

— Пригласите барышню сюда...

III.

Изъ передней вошла молодая дѣвушка въ темномъ шерстяномъ платьѣ и помятой фетровой шляпѣ и нерѣшительно остановилась у дверей. Анна Сергѣевна сама подошла къ ней и, протягивая руку, проговорила:

— Вы дочь Алексѣя Васильича? Да? Очень, очень рада васъ видѣть... Садитесь, пожалуйста. Да, рада...

Анна Сергѣевна старалась придать своему голосу ласковость и въ то же время съ какой-то жадностью разсматривала дѣвушку.

— Вотъ вы какая...—въ какомъ-то раздумьѣ проговорила она, кончивъ осмотръ. — Именно такой я васъ и представляла себѣ... И зовутъ васъ тоже Еввой, какъ и мою дочь.

При послѣдней фразѣ Анна Сергѣевна подавленно вздохнула и, извинившись, принялась

читать письмо. Время-отъ-времени она взглядывала изъ-за письма на гостью и улыбалась.

— Ахъ, какъ я его узнаю, вашего папу... Все такой же неисправимый идеалистъ. Да... Боже мой, а сколько времени прошло... Вы хотите поступить на курсы? Но, къ сожалѣнію, уже поздно... Срокъ подачи прошеній былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

— Я подавала прошеніе и получила отказъ,— конфузливо отвѣтила дѣвушка. — Я кончила гимназію безъ медали, а такихъ не принимаютъ...

— Совершенно вѣрно... И вы все-таки пріѣхали?

— Да... Вѣдь, бываютъ случаи, что поступаютъ на курсы и безъ медали...

— Гмъ... конечно, иногда случается... Вездѣ бываютъ свои исключенія.

Анна Сергѣевна, собственно, не слышала этихъ объясненій и продолжала разсматривать гостью. Да, вотъ и отцовскій лобъ, и упрямый вихоръ на проборѣ волосъ, и горбинка на носу, и эти сѣрые съ поволокой глаза,—однимъ словомъ, вылитый отецъ. Если бы тогда Анна Васильевна вышла замужъ за Алексѣя Васильича, то у нея была бы, вѣроятно, такая же дочь... Мысленно она невольно сравнила двухъ Еввочекъ и ревниво нахмурилась. „Эта не пропадетъ“,—рѣшила она про-себя, принимая обычный дѣловой видъ.

— Разскажите мнѣ что-нибудь про своего папу,—проговорила она не совсѣмъ кстати.— Онъ, кажется, успѣлъ послужить во всѣхъ университетахъ и все еще приватъ-доцентъ?

— У папы такой характеръ... Ему трудно гдѣ-нибудь ужиться.

— Да, дѣйствительно, характеръ... Впрочемъ, я кое-что слышала объ его исторіи въ Харьковѣ, потомъ въ Казани или въ Варшавѣ... Вообще, одинъ изъ русскихъ *историческихъ* людей.

Гостьѣ не понравился вынужденный смѣхъ Анны Сергѣевны, и она опустила глаза. Зачѣмъ она такъ говоритъ объ ея отцѣ и еще обидно подчеркиваетъ слова?

Анна Сергѣевна замѣтно волновалась и нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, чтобы успокоиться. Изрѣдка она взглядывала на гостью, и ей дѣлалось жутко, точно это сидѣла на стулѣ сама она, когда была просто дочерью профессора. О, какъ она хорошо понимала эту приличную бѣдность, которая притаилась въ каждой складкѣ скромнаго шерстяного платья, придала прошлогодней шляпѣ измятый видъ и т. д., понимала все до того неловкаго душевнаго состоянія, которое сейчасъ переживала вотъ эта дѣвушка въ качествѣ просительницы.

— Ахъ, да, вы хотѣли бы поступить на курсы,—спохватилась Анна Сергѣевна, просыпаясь

отъ своего раздумья.—Я, конечно, могу похлопотать... Могу поговорить кое съ кѣмъ... Но впередъ могу сказать, что изъ этого ничего не выйдетъ. Вы представьте себѣ, что до трехсотъ прошеній получили отказъ...

— А если записаться кандидаткой?

— Это, конечно, можно, но... Право, мнѣ дѣлается больно говорить о томъ, что я совершенно безсильна въ данномъ случаѣ, какъ безсильны и другіе. Каждая дѣвушка думаетъ, что она первая такая неудачница и единственная, а ихъ такъ много... Вы не можете себѣ представить, какъ тяжело отказывать, и я каждый разъ страшно волнуюсь. Я понимаю, что и вамъ нелегко. О, какъ я отлично понимаю эти золотыя мечты юности, эти порывы впередъ, эту молодую энергію... Да!.. Наконецъ, просто: въ ваши годы жить хочется...

„Къ чему она все это говоритъ?“ удивлялась гостья.

— Да... А съ другой стороны...—тянула Анна Сергѣевна, видимо, затрудняясь высказать что-то окончательное и рѣшающее.—Конечно, непріятно, что вы не попадете нынче на курсы, но, съ другой стороны, когда вы подумаете объ этомъ и хорошенько провѣрите себя, то, можетъ-быть, даже будете довольны именно такимъ исходомъ дѣла...

— Что̀ вы этимъ хотите сказать, Анна Сергѣевна?

— Самую простую вещь, моя дорогая... Вы не обижайтесь на меня. Представимъ себѣ такой случай, именно, что благодаря рекомендаціи вы попадете на курсы,—говорю это къ примѣру. Да, попадете... А не будетъ вамъ немного совѣстно, что вы попали именно по рекомендаціи, т.-е., называя вещи своими именами, заняли чье-то чужое мѣсто, т.-е. мѣсто той дѣвушки, которая не имѣла никакой рекомендаціи?

Гостья покраснѣла и сдѣлала движеніе подняться.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, моя хорошая, и не сердитесь на меня,—удержала ее Анна Сергѣевна.—Въ жизни встрѣчаются такія роковыя комбинаціи... Вы себя будете оправдывать тѣмъ, что другія дѣвушки поступаютъ же по рекомендаціи, но вѣдь это чисто формальное оправданіе и даже, если хотите, совсѣмъ не оправданіе. Мало ли что̀ могутъ дѣлать другіе, и мы нисколько не обязаны подражать дурнымъ примѣрамъ. Говорю все это только потому, что мнѣ постоянно приходится съ этимъ считаться.

Гостья вся вспыхнула и вскочила. На глазахъ у нея были слезы.

— Анна Сергѣевна, вы совершенно правы, и я сама то же самое думала, но... Есть еще одна

сторона дѣла, именно—сейчасъ на курсахъ неизвѣстно зачѣмъ числятся такія дѣвушки, которымъ совершенно нѣтъ даже охоты учиться. Идутъ на курсы, потому что такая мода и потому что дома имъ нечего дѣлать. И такихъ, къ сожалѣнію, очень много... Посидятъ нѣсколько семестровъ и все бросятъ. Думаю, что это похуже всякой рекомендаціи.

— Дда, случается...—согласилась Анна Сергѣевна, припоминая собственную дочь, которая и на курсы попала только благодаря рекомендаціи и никакой охоты къ серьезнымъ занятіямъ не чувствовала.—Дда, бываетъ.

— Я собственно никого не желаю обвинять, Анна Сергѣевна. Богъ съ ними, съ курсами. Я пришла къ вамъ главнымъ образомъ съ другой просьбой...

— Вы ищете работы!.. — перебила ее Анна Сергѣевна и въ какомъ-то ужасѣ развела руками.—Да? Работы?!..

— Я могу дѣлать переводы съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго...

— Боже мой! Боже мой!..—какъ-то застонала Анна Сергѣевна.—Да знаете ли вы, моя дорогая, что на каждую букву найдется нѣсколько переводчицъ? Цѣны за эту работу сбиты до невозможности... Прибавьте конкуренцію тѣхъ переводчицъ, которыя уже имѣютъ свое имя въ литературѣ. Укажу, голубушка, на собственный

примѣръ... Говорю это не изъ хвастовства, а къ слову. Я тоже переводчица...

— Я это знаю, Анна Сергѣевна...

— У меня есть маленькое имя въ литературѣ, и мнѣ прямо заказываютъ переводы. Да... Но вѣдь нынче мало знать языки, а надо имѣть талантъ, особенно въ такихъ областяхъ, какъ беллетристика. Мало того, чтобы передать дословно текстъ автора, а необходимо проникнуться духомъ этого автора, передать его настроеніе, тѣ мельчайшія особенности и тонкости въ языкѣ, которыми отличается именно данный авторъ. Какъ видите (Анна Сергѣевна обвела свой кабинетъ глазами), я человѣкъ обезпеченный и работаю совсѣмъ не изъ-за денегъ, а только изъ любви къ дѣлу. У меня это въ крови... Каждая женщина должна работать. Не правда ли? Время женъ-содержанокъ миновало... У меня мужъ тоже хорошій работникъ, и у него буквально нѣтъ ни одной свободной минуты... Дда...

Анна Сергѣевна говорила еще много и горячо, и гостья едва улучила моментъ, чтобы уйти.

IV.

Анна Сергѣевна была немного удивлена, что гостья такъ быстро ушла. Походило даже на бѣгство... А, кажется, она была съ ней доста-

точно любезна, даже слишкомъ любезна, потому что пожертвовала ей цѣлый рабочій часъ. Впрочемъ, эти наивныя провинціалки совершенно не понимаютъ, что̀ значитъ работать, рабочее время, работающій человѣкъ. Однимъ словомъ, порядочные эгоисты, какъ всѣ истинныя дѣти природы.

„Ушла и даже не оставила своего адреса“, думала вслухъ Анна Сергѣевна, пожимая плечами. „Очень мило... Ни за что̀, ни про что̀ оторвать человѣка отъ срочной работы—и уйти...“

Нужно было сдѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, чтобы снова усѣсться за письменный столъ и отыскать то мѣсто восьмой главы, съ котораго шло продолженіе перевода. Анна Сергѣевна чувствовала, что все это только одна комедія, а работа все равно не будетъ клеиться. Она была вышиблена изъ обычнаго рабочаго настроенія. Вмѣсто того, чтобы продолжать переводъ, Анна Сергѣевна позвонила.

— Что̀ Еввочка?

— Онѣ проснулись...

— Хорошо. Иди...

— Кухарка спрашиваетъ, что готовить къ обѣду...

— Ахъ, говорятъ тебѣ: уходи. Развѣ не видишь, что я работаю. Потомъ приду въ кухню...

Вопросы питанія для Анны Сергѣевны составляли вѣчную и неразрѣшимую задачу, потому

что наука двигалась впередъ и вмѣстѣ съ этимъ поступательнымъ движеніемъ мѣнялись и взгляды на питаніе. Сколько огорченія доставляли Аннѣ Сергѣевнѣ одни яйца,—одно время яйцо вкрутую считалось чуть не ядомъ, потомъ смятку замѣнили яйцомъ въ мѣшочкѣ, потомъ было рѣшено, что нужно ѣсть одинъ бѣлокъ, потомъ — совершенно наоборотъ—ѣсть одинъ желтокъ, потомъ прописывались яйца вкрутую, и, наконецъ, вегетаріанцы заявили, что ѣсть яйца совсѣмъ не слѣдуетъ и съ точки зрѣнія этики пищи даже стыдно. Вотъ подите и разберитесь тутъ... А мясо? Сама Анна Сергѣевна воспиталась въ эпоху крѣпкихъ бульоновъ, мясныхъ вытяжекъ, либиховскаго мясного экстракта и—главное—въ эпоху „пылающаго ростбифа“ и кровавыхъ бифштексовъ. И вдругъ... Да, англичане уже не ѣдятъ бульоновъ, нѣмцы признаютъ кровавое мясо источникомъ всевозможной заразы, французы питаются одной булкой съ салатомъ. При такихъ условіяхъ развѣ легко заказать обѣдъ, такъ себѣ, съ легкимъ сердцемъ, особенно когда главный вопросъ заключается въ питаніи Еввочки. Павелъ Максимовичъ не шелъ въ счетъ, и его завтракъ заключался въ нѣсколькихъ бутербродахъ изъ супового мяса, которые онъ уносилъ въ своемъ портфелѣ на службу и которыми заѣдалъ ежедневную жатву газетныхъ объявленій.

„Мужчины—самые жестокіе эгоисты“, любила повторять Анна Сергѣевна. „Что бы сталъ дѣлать Павелъ Максимычъ, если бы къ нему въ правленіе явилась кухарка и стала требовать меню обѣда? Въ кухнѣ, для женщины притаился послѣдній призракъ рабства“...

Анна Сергѣевна забывала прибавить, что сама она очень любила покушать и могла питаться за разъ по разнымъ системамъ, особенно, если за это не нужно было платить.

Еввочка проснулась и долго потягивалась въ своей постели. У нея была отдѣльная спальня, устроенная по плану знаменитостей медицины, а рядомъ—кабинетъ, съ письменнымъ столомъ довольно почтенныхъ размѣровъ. Еввочка любила понѣжиться утромъ, любила, чтобы горничная надѣла ей чулки, и долго жмурила слипавшіеся послѣ крѣпкаго сна глаза. Умывшись самой холодной водой, Еввочка накидывала на себя какой-то утренній халатикъ изъ термаламы и шла здороваться съ мамой, цвѣтущая, красивая, улыбающаяся, съ еще непроснувшейся улыбкой. Она немножко по-дѣтски шепелявила, и Анна Сергѣевна долго цѣловала ея русую, кругленькую какъ у куклы, головку.

— Ты здорова, Еввочка?—тревожно спрашивала Анна Сергѣевна, заглядывая дочери въ глаза.—Ахъ ты, мой котеночекъ...

Сегодня Еввочка вошла въ кабинетъ мамы

съ обычной, стереотипной улыбкой любящей дочери и даже протянула руки впередъ для объятій, но мамы въ кабинетѣ не было. Утренній зарядъ дочерней нѣжности такъ и пропалъ даромъ... Еввочка нахмурилась и подошла къ столу, на которомъ валялось рекомендательное письмо Алексѣя Васильича.

„Фу, какой дурацкій конвертъ!“ подумала она вслухъ.—И почеркъ дурацкій... Отъ кого это?.. Какой-то Малявинъ... нѣтъ, Мальвинъ... Малининъ... Малинъ... Ничего не разберешь!..

Анна Сергѣевна вернулась именно въ этотъ моментъ, на ходу объясняя слѣдовавшей за ней кухаркѣ какой-то кухонный рецептъ.

— Ахъ, это ты, Еввочка... Ты здорова?

Мать и дочь нѣкоторое время душили другъ-друга въ объятіяхъ, хотя Еввочка капризно отворачивалась отъ неистовыхъ материнскихъ поцѣлуевъ.

— Мама, это кто у тебя былъ?—капризно спрашивала Еввочка, вырвавшись, наконецъ, изъ материнскихъ объятій.—Вотъ это письмо... такое смѣшное...

— Да, да... Была одна дѣвушка, которую зовутъ тоже Еввочкой... Я хорошо знала ея отца... Опоздала на курсы, ищетъ переводовъ... Однимъ словомъ, самая обыкновенная исторія. Боже мой, что̀ это я болтаю,—вѣдь ты еще не

пила своего кофе?!.—въ ужасѣ спохватилась Анна Сергѣевна.—У тебя нѣтъ аппетита?!.

— А какое смѣшное письмо, мама... Буквы такія тощія, точно ихъ выдерживаютъ на самой строгой діэтѣ... голодныя буквы совсѣмъ, мама.

Боже мой, какъ Еввочка иногда бываетъ остроумна! Не правда ли, какъ это хорошо и вѣрно сказано: голодныя буквы? Анна Сергѣевна смѣялась до слезъ. Пока Еввочка пила въ столовой свой утренній кофе, обмакивая любимые бисквиты въ ароматный напитокъ, Анна Сергѣевна все время любовалась ею и думала о томъ счастливцѣ - мужчинѣ, которому современемъ будетъ принадлежать это живое совершенство. Да, бываютъ такіе безумно счастливые люди... Отпивая кофе маленькими глотками, Еввочка продолжала болтать о смѣшномъ письмѣ.

— Да, бываютъ и такія письма,—соглашалась Анна Сергѣевна и почему-то вздохнула.—Мнѣ иногда кажется, Еввочка, что ты не достаточно цѣнишь то, чѣмъ пользуешься даромъ. Ахъ, какъ намъ съ тобой нужно много-много работать!.. А ты иногда манкируешь своими переводами... Меня ужъ спрашивали въ редакціи о статьѣ, которую ты сейчасъ переводишь... Ты не понимаешь, какъ трудно доставать работу, и не цѣнишь этого. Да...

Еввочка посмотрѣла на мать улыбающимися глазами и отвѣтила:

— А у насъ будетъ, наконецъ, абонементъ на оперу, мама? Я безъ ума отъ Фигнера...

Рекомендательное письмо Алексѣя Васильича было забыто на письменномъ столѣ Анны Сергѣевны,—это былъ осенній листъ, палый съ дерева дружбы...

Голосъ крови.

Разсказъ.

Волжскій пароходъ, тяжело разгребая мутную, покрытую радужными нефтяными пятнами воду, подвигался впередъ съ убійственной медленностью, т.-е. такъ казалось Марьѣ Александровнѣ. Судорожныя подергиванія пароходнаго корпуса отъ работы машины чувствовались даже въ рубкѣ перваго класса, гдѣ сейчасъ сидѣла Марья Александровна, что ее волновало и злило, точно какая-то невидимая рука дергала ее, Марью Александровну. Она морщилась и устало закрывала глаза. Ее раздражалъ и голосъ мужа, который разговаривалъ съ господиномъ представительной наружности „критическаго возраста“, разыгрывавшимъ изъ себя какого-то волжскаго лэндлорда.

„Какіе они оба противные“, думала она, съеживаясь. „И какъ противно оба кривляются...“

Мужъ, еще молодой человѣкъ съ бородкой „анри-катръ“, въ незнакомомъ обществѣ всегда дѣлался какимъ-то фальшивымъ, какъ былъ

фальшивымъ за своимъ прокурорскимъ столомъ. У него какъ-то по-мертвому поднимались угловатыя плечи, грудь вваливалась, и голосъ получалъ терпкія интонаціи, точно царапали по сухому дереву. На пароходѣ онъ разыгрывалъ изъ себя настоящаго джентельмена и на этомъ основаніи спряталъ свою судейскую фуражку въ чемоданъ, а ходилъ въ котелкѣ. Бывали моменты, когда Марья Александровна начинала ненавидѣть мужа и тяготилась его присутствіемъ. Попытки преодолѣть это чувство не приводили ни къ чему, и сейчасъ она переживала именно такой моментъ, и мужъ начиналъ ей казаться совершенно постороннимъ человѣкомъ, какъ и его собесѣдникъ, такой же фальшивый и какой-то наломанный. У нихъ даже въ голосѣ было что-то общее и въ самой манерѣ говорить.

— Я съ вами никакъ не могу согласиться,— говорилъ мужъ, растягивая для важности слова. — Есть, конечно, наслѣдственность, что и доказано наукой блестяще, но есть извѣстныя границы... да!.. Наука немного увлекается...

— Извините меня, если я съ вами не соглашусь,—мягко возражалъ волжскій лэндлордъ.— Именно здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакихъ предѣловъ, и никакая наука не можетъ ихъ установить. Народъ опредѣляетъ крайне характерно и просто: голосъ крови. Что это значитъ? А то, что есть безконечно связующая

органическая сила, которая несокрушима, которая проявляетъ себя болѣе или менѣе интенсивно, даже на время какъ-будто теряется и выпадаетъ, но это не мѣшаетъ ей существовать въ каждомъ изъ насъ. Въ нѣкоторомъ родѣ каждый изъ насъ является живымъ итогомъ всѣхъ своихъ предковъ. Выражаясь бухгалтерскимъ языкомъ, природа „заитоживаетъ“ въ насъ всѣ пережитки нашихъ кровныхъ предшественниковъ.

Волжскій лэндлордъ, очевидно, старался выражаться какъ можно кудрявѣе и временами поглядывалъ на Марью Александровну, стараясь провѣрить произведенное впечатлѣніе. Мужъ въ свою очередь начиналъ волноваться, потому что считалъ себя недюжиннымъ ораторомъ, а тутъ выходило такъ, что онъ встрѣтилъ недюжиннаго соперника. Въ рубкѣ было еще двое, но они не обращали на споривших ъ никакого вниманія: „лэндлордова жена“, какъ назвала про себя Марья Александровна пышную высокую брюнетку, и сынъ Марьи Александровны, мальчикъ лѣтъ четырехъ, который давно присматривался къ лэндлордовой женѣ, кокетливо прятался за мать и кончилъ тѣмъ, что подошелъ къ ней. Марья Александровна составила отъ нечего дѣлать характеристику этой дамы: она изъ какой-нибудь бѣдной дворянской семьи, училась въ институтѣ, провела нѣсколько дѣ-

вичьихъ зимнихъ сезоновъ безъ всякаго успѣха и, обозленная на все, вышла очертя голову за богатаго представительнаго старика. Она была еще молода, однихъ почти лѣтъ съ Марьей Александровной, но ее уже старила преждевременная брюзглая полнота, вялыя движенія и апатичный взглядъ красивыхъ темныхъ глазъ. Потомъ Марья Александровна опредѣлила по завистливому взгляду, какимъ смотрѣла лэндлордова жена на ея ребенка, что у нея нѣтъ своихъ дѣтей. Старѣвшаяся прежде времени женщина точно боялась самой себя и не рѣшалась проявить затаенную нѣжность къ чужому ребенку.

„Какая она несчастная“, рѣшила въ заключеніе Марья Александровна.

— А тебя какъ зовутъ?—спрашивалъ мальчикъ, усаживаясь на колѣни къ лэндлордовой женѣ.

— Клеопатрой Павловной,—отвѣтила та, стараясь попасть въ наивный ребячій тонъ.

— А меня Борей... папу зовутъ Петромъ Николаевичемъ. А твоего папу?

Клеопатра Павловна слегка заалѣлась и отвѣтила не вдругъ. Ее кольнуло это дѣтское слово: папа.

— Моего папу зовутъ Николаемъ Петровичемъ,—отвѣтила она, взглянувъ на Марью Александровну съ больной улыбкой.

Забравшись на колѣни, Боря безъ церемоніи

принялся играть часовой цѣпочкой съ дорогими брелоками, потомъ заставилъ снять брошь съ розовой жемчужиной, браслеты, кольца, однимъ словомъ—велъ себя какъ настоящій маленькій дикарь. Эта безцеремонность маленькаго мужчины волновала и раздражала Клеопатру Павловну. Ей хотѣлось стиснуть его и долго-долго цѣловать это розовое личико, пухлую шейку, крошечныя ручки, но ей было совѣстно проявлять свои ласки открыто.

А мужчины продолжали спорить, уснащая рѣчь учеными терминами и послѣдними словами науки. Старикъ время-отъ-времени повторялъ засѣвшее у него въ мозгу „голосъ крови“, и Марья Александровна готова была его возненавидѣть именно за это. Желая выдержать джентельменскій тонъ, споривше обращались другъ къ другу съ изысканнѣйшими любезностями: „Беру на себя смѣлость обратить ваше вниманіе“... „Позвольте мнѣ не согласиться съ вами“... „Простите, если я предложу вамъ такую комбинацію“... и т. д. Это было тоже противно.

— Если хотите, наслѣдственность—все...

— А какъ же тогда прогрессъ?

— Именно въ наслѣдственности и заключается прогрессъ, какъ въ зернѣ заключается будущее растеніе... да-съ...

Разыгравшійся Боря въ это время началъ шалить съ присущей мальчикамъ грубостью.

Онъ тянулся обѣими ручонками, чтобы схватить шляпу. Клеопатра Павловна отклоняла голову, но мальчикъ оказался сильнымъ и успѣлъ схватить добычу, при чемъ шляпа съѣхала на бокъ и пострадала прическа. Эта борьба закончилась совершенно неожиданно: когда Клеопатра Павловна схватила буяна за обѣ руки, онъ пребольно укусилъ ее...

— Ахъ, какой злой!..—крикнула она.

Марья Александровна бросилась на выручку и страшно сконфузилась. Но Боря вошелъ въ ражъ и вцѣпился въ Клеопатру Павловну, какъ волчонокъ. Въ моменты такихъ вспышекъ его лицо принимало совсѣмъ не дѣтское выраженіе, какъ было и сейчасъ.

— Извините, пожалуйста, Клеопатра Павловна,—бормотала она, силой стаскивая Борю съ колѣнъ. — Это такой... такой негодный мальчишка!..

Клеопатра Павловна тоже была сконфужена и, стараясь улыбаться, быстро ушла къ себѣ въ каюту, чтобы поправить прическу. Боря продолжалъ барахтаться и дѣлалъ попытку укусить материнскую руку. Марью Александровну поразило больше всего то, что въ лицѣ взбѣсившагося мальчишки было что-то общее съ выраженіемъ волжскаго лэндлорда, несмотря на громадную разницу лѣтъ. Она схватила сына за руку и потащила его изъ рубки. Мужчины не

обратили никакого вниманія на эту маленькую сценку и продолжали свой споръ, при чемъ Марья Александровна еще разъ услышала при выходѣ ненавистную ей фразу: „голосъ крови“.

II.

Пока Марья Александровна устроилась на палубѣ, гдѣ у нея была своя любимая скамеечка, она успѣла пережить тысячи самыхъ разнообразныхъ, спеціально материнскихъ мыслей и чувствъ. Да, она уже видѣла своего Борю взрослымъ мужчиной, въ которомъ, по всей вѣроятности, повторится его отецъ. Онъ будетъ также тянуть слова, также отвратительно спорить и любить на свѣтѣ только самого себя. Жену онъ выберетъ себѣ такую же безотвѣтную, какъ его мамаша, и будетъ ее подавлять на каждомъ шагу своимъ ничтожнымъ величіемъ. А подъ старость превратится вотъ въ такого волжскаго лэндлорда, какъ этотъ Николай Петровичъ. Марью Александровну охватило какое-то щемящее и нехорошее чувство, точно она была въ чемъ-то виновата.

„Да, голосъ крови“, — почему-то повторила она про себя, резюмируя безпорядочное теченіе своихъ мыслей.

Боря успокоился и смотрѣлъ на Волгу усталыми глазами. А она была такъ красива, эта истинно русская рѣка,—красива какою-то лѣнивой красотой, точно безконечная проголосная пѣсня, которая лилась безъ конца-края, выкидывая отмели, заливая луга и заслоняя горизонтъ широкими плёсами. Хотѣлось смотрѣть на нее безъ конца, переживая ту русскую тоску, которой тоже нѣтъ конца-края. Да, хорошо и немного жутко и какъ-будто чего-то жаль... Вѣдь въ жизни каждаго найдутся и свои мели, и перекаты, и высокіе берега, и широкіе весенніе разливы... Именно такое настроеніе переживала Марья Александровна, по цѣлымъ часамъ сидя на палубѣ, а сейчасъ ей сдѣлалось какъ-то особенно грустно. Что̀ осталось впереди, если разобрать? Неужели вся жизнь уже исчерпана, и все сводится на отбываніе какой-то повинности, день за днемъ, недѣля за недѣлей.

„Скучно...“ резюмировала она вслухъ свои мысли. „И Клеопатрѣ Павловнѣ тоже скучно...“

Мужчины отъ скуки хоть играютъ въ карты или напиваются, а въ лучшемъ случаѣ заводятъ безконечный русскій споръ, кончающійся ничѣмъ.

Занятая своими мыслями Марья Александровна совсѣмъ не замѣтила, какъ показалась вдали та пристань, на которой они должны были выйти. Мужъ ее разыскалъ и сухо проговорилъ, поднимая плечи:

— Вы готовы, Marie?

Онъ терпѣть не могъ этихъ безконечныхъ дамскихъ сборовъ, когда десять разъ приходится отворять чемоданы, чтобы положить одну за другой забытыя вещи. А чего стоитъ дамѣ одѣться, когда шляпа валится на бокъ, крючки разстегиваются, завязки рвутся, шпильки выпадаютъ...

— Сейчасъ пристань, — проговорилъ Петръ Николаевичъ, дѣлая усталое лицо.

— Пожалуйста, пусть Боря побудетъ съ тобой, пока я укладываю вещи,—почему-то виноватымъ голосомъ отвѣтила Марья Александровна.—Я не заставлю себя ждать...

— Хорошо.

Марья Александровна никакъ не могла понять мужа, который раздражался изъ-за всякихъ пустяковъ. Это ее сердило до слезъ, какъ и сейчасъ. Она торопливо принялась за работу и быстро ее кончила, такъ что пароходъ не успѣлъ еще дать свистка. Она вся раскраснѣлась и должна была напудриться, къ чему прибѣгала только въ крайнихъ случаяхъ. Въ коридорчикѣ, раздѣлявшемъ каюты, Марья Александровна при выходѣ встрѣтила Клеопатру Павловну и еще разъ извинилась предъ ней за своего буяна.

— Развѣ можно сердиться на дѣтей?—отвѣтила та своею печальною улыбкой.

— Да, но все-таки непріятно, когда это милое созданіе начинаетъ кусаться...

Мужья были на палубѣ и опять спорили, при чемъ волжскій лэндлордъ держалъ Петра Николаевича за бортъ пиджака и торопился доказать что-то, тревожно поглядывая на быстро приближавшуюся пристань.

— Если я не ошибаюсь...—напрасно старался перебить его Петръ Николаевичъ.

— Мнѣ, вообще, кажется...

— Нѣтъ, позвольте мнѣ докончить мою мысль... Конечно, я не больше, какъ человѣкъ толпы, и мое мнѣніе, конечно, ни для кого не обязательно, но за всѣмъ тѣмъ я позволяю себѣ имѣть свое собственное мнѣніе. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre...

Это словоизверженіе было прервано пароходнымъ свисткомъ, и Петръ Николаевичъ, наконецъ, освободился отъ своего мучителя. Его немножко начинала шокировать фамильярная манера почтеннаго собесѣдника держать себя,—Петръ Николаевичъ не выносилъ фамильярности и амикошонства. Приличія, конечно,—условная вещь, но пріятно имѣть дѣло именно съ воспитаннымъ человѣкомъ.

Пристань была уже совсѣмъ близко. На пароходѣ поднялась обычная въ такихъ случаяхъ суматоха. Русская публика, по принятому обычаю на всѣхъ пристаняхъ и желѣзнодорожныхъ

станціяхъ, напоминаетъ толпу людей, охваченныхъ припадкомъ остраго помѣшательства. Петръ Николаевичъ возмущался поведеніемъ невоспитаннаго человѣчества и принималъ прокурорскій видъ.

Когда пароходъ причалилъ и публика ринулась на пристань, волжскій лэндлордъ разыскалъ въ толпѣ Петра Николаевича и, любезно приподнявъ мягкую шляпу, вручилъ ему свою визитную карточку.

— На всякій случай... Знаете, иногда пріятно вспомнить о дорожномъ, случайномъ знакомствѣ.

Петръ Николаевичъ вручилъ свою визитную карточку, пробормотавъ что-то пріятное, что говорится въ такихъ случаяхъ. Когда случайные знакомые прочли карточки, то съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга и еще разъ молча пожали другъ-другу руку.

— Да, очень... пріятно...—проговорилъ лэндлордъ, еще разъ приподнимая свою шляпу.— Бываютъ удивительныя встрѣчи... Не правда ли?

— Да, очень...

Марья Александровна видѣла эту сцену только мелькомъ, потому что едва не была смята въ напиравшей на мостки толпѣ. А тутъ еще приходилось сдерживать рвавшагося впередъ Борю. Когда они очутились на пристани, Петръ Николаевичъ остановился у барьера и нѣсколько

разъ приподнималъ свой котелокъ, отвѣчая махавшему шляпой лэндлорду.

— Кто этотъ странный господинъ?—спросила Марья Александровна, удивляясь такому трогательному прощанію.

Петръ Николаевичъ посмотрѣлъ на нее, поднялъ плечи и отвѣтилъ довольно сухо:

— Это... гм... это мой отецъ. Я его вижу въ первый разъ въ жизни, потому что онъ бросилъ мою мать, когда я еще не родился. Она осталась беременной...

— И ты... ты не плюнулъ въ лицо этому негодяю?!.—шептала Марья Александровна, задыхаясь отъ волненія.—Вѣдь это... это... Этому нѣтъ названья!..

Онъ пожалъ плечами, взглянулъ на нее сбоку и отвѣтилъ уже прокурорскимъ тономъ:

— *Это* было ихъ дѣло, т.-е. отца и матери, а я—лицо постороннее, и меня *это* не касается...

Дверь добра и дверь зла.

Разсказъ.

I.

Тетя Марина вѣчно находилась въ какомъ-то осадномъ положеніи. Это была очень милая и добрая старушка, кутавшаяся въ шаль и носившая на вискахъ буколькн изъ сѣдыхъ волосъ. Сморщенное старое лицо тети Марины сохраняло тревожное выраженіе, рѣдко смѣнявшееся удивительно доброй улыбкой. Она ходила въ темныхъ платьяхъ изъ какихъ-то удивительно старомодныхъ матерій и вѣчно лѣчилась отъ какихъ-то таинственныхъ старческихъ недуговъ, при чемъ довѣряла только одному старичку-доктору изъ остзейскихъ нѣмцевъ, который прожилъ всю жизнь въ Россіи и говорилъ очень скверно по-русски. Самымъ замѣчательнымъ у тети Марины были темныя очки, которыя являлись чѣмъ-то въ родѣ термометра, показывавшаго температуру ея душевнаго настроенія. Если очки были на лбу—настроеніе было

ясное, если они спускались къ носу—собиралась туча, а если очки прикрывали глаза—начиналась буря. Всѣ эти перемѣны душевной температуры особенно хорошо были извѣстны прислугѣ, пользовавшейся ею въ своихъ личныхъ интересахъ.

Жила тетя Марина въ Царскомъ Селѣ, занимала второй этажъ деревяннаго домика, такого же старенькаго и добродушнаго, какъ сама тетя Марина, и такъ же глядѣвшаго на улицу своими небольшими оконцами съ какой-то затаенной тревогой. Въ ненастье и въ холодные зимніе дни эти окна застилались слезой, точно не желая смотрѣть на то, что дѣлалось за предѣлами старыхъ стѣнъ стараго домика. Въ свѣтлые, хорошіе дни въ этихъ окнахъ среди цвѣтовъ появлялось такое свѣженькое, молодое дѣвичье личико, какъ-будто хотѣвшее сказать, что старый домикъ хочетъ жить. Это была таинственная племянница тети Марины, которую она называла Нитой. Русоволосая дѣвушка, съ ясными карими глазами и не по лѣтамъ серьезнымъ, скорѣе грустнымъ лицомъ, являлась чѣмъ-то въ родѣ продолженія самой тети Марины, напоминая ея портретъ въ молодости, висѣвшій въ гостиной. Около дома былъ маленькій садикъ, гдѣ Нита проводила лучшіе весенніе и лѣтніе дни. Она сажала цвѣты, ухаживала за ними съ самой трогательной заботливостью и не смѣла

подходить къ садовой рѣшеткѣ, за которой начинался міръ злобы, лжи, коварства и всякихъ пороковъ. Садикомъ для Ниты заканчивался внѣшній міръ.

Самымъ замѣчательнымъ въ домикѣ, гдѣ проживала тетя Марина, были, конечно, двѣ двери—одна, которая вела на парадное крыльцо, и другая, которая служила входомъ въ кухню. Послѣдняя дверь для тети Марины являлась постояннымъ источникомъ тревогъ и неугасавшаго страха, потому что, несмотря на всѣ предосторожности доброй старушки, внѣшнее зло постоянно вторгалось именно этимъ путемъ. Тетя Марина цѣлые дни прислушивалась къ скрипу этой двери (смазывать шарниры было строго воспрещено; это составляло маленькую военную хитрость старушки) и вскакивала даже ночью, когда ей казалось, что кухонная дверь скрипитъ. Причиной этихъ старческихъ страховъ было то, что въ Царскомъ Селѣ сосредоточивалось до десяти тысячъ отборнаго войска—кирасиры, гусары, лейбъ-казаки, уланы, конвой, и тетя Марина находилась на военномъ положеніи, какъ крѣпость, осажденная десятитысячнымъ непріятелемъ. Дѣло въ томъ, что тетя Марина держала двѣ женскія прислуги—кухарку и горничную. Она очень тщательно выбирала ихъ, неустанно слѣдила за ихъ нравственностью, читала постоянно нотаціи, уговаривала, стараясь привить

твердыя основы нравственности и внѣдрить въ души простыхъ и неопытныхъ дѣвушекъ страхъ передъ порокомъ, который могъ проникнуть черезъ дверь зла каждую минуту, и всѣ эти трогательныя усилія оказывались тщетными. Десятитысячный врагъ, въ свою очередь, не дремалъ и наносилъ тетѣ Маринѣ постоянныя пораженія.

Когда къ тетѣ Маринѣ пріѣзжалъ худенькій старенькій генералъ Мочкинъ, бывшій артиллеристъ (у тети Марины всѣ знакомые были старенькіе, болѣзненные и совсѣмъ ветхіе), старушка жаловалась ему въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ:

— Я не понимаю, генералъ, чего смотритъ правительство?

Старичокъ-генералъ впередъ зналъ, о чемъ будетъ рѣчь, и только жевалъ губами.

— Да, правительство...—повторялъ онъ, какъ эхо.

— Не понимаю!—начинала волноваться тетя Марина.—Развѣ нельзя издать такой спеціальный приказъ по войскамъ... о нравственности?

— Да, о нравственности...

— Войдите въ мое положеніе, генералъ: ихъ десятитысячный корпусъ, а я совершенно одна и притомъ дѣвушка. Конечно, теоретически я понимаю всякую гадость, а практически лишена возможности даже назвать нѣкоторыя вещи ихъ

собственными именами. Правительство должно войти въ мое положеніе...

— Да, дѣйствительно, положеніе...

— И я должна все терпѣть отъ этихъ противныхъ солдатъ... Третьяго дня захожу въ кухню, а изъ людской выставляется солдатскій сапожище... Я, конечно, сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаю, но мнѣ сдѣлалось дурно отъ одного воздуха, который онъ принесъ въ мою квартиру. Вѣдь у меня не казармы, не правда ли? Правительство должно особенно войти въ мое положеніе, какъ дѣвушки, которая можетъ понимать только теоретически.

— Да, теоретически...

Тетя Марина вѣчно что-то вязала, и при разговорахъ о правительствѣ въ ея сухихъ рукахъ деревянныя спицы начинали дѣлать какія-то судорожныя движенія, точно онѣ танцовали danse macabre.

— Помните Наташу?—заканчивала тетя Марина свои жалобы.

— Да... Рыженькая такая?—старался догадаться старичокъ-генералъ, хотя слышалъ эту исторію сто разъ.

— Вотъ и нѣтъ, совсѣмъ не рыженькая,—сердилась тетя Марина, при чемъ очки у нея сползали на носъ.—Рыженькая была Даша... кухарка Даша. Ну, та была замужемъ, и меня ея поведеніе не касалось. А Наташа... Я ее взяла дѣв-

чонкой-подросткомъ, воспитала, научила всему... Выросла такая хорошенькая дѣвушка...

— Да, помню, дѣйствительно, хорошенькая... Бѣлокурые волосы, вздернутый носикъ...

— Опять не то!.. Совершенная шатенка...

— Именно я хотѣлъ сказать: шатенка.

— Я ее очень любила, т.-е. привыкла... Я не понимаю, что этимъ женщинамъ нужно? Одѣты, сыты, къ праздникамъ получаютъ подарки, часто даютъ на-чай... Кажется, что еще можетъ пожелать простая дѣвушка? Да, совсѣмъ, совсѣмъ простая...

— Да, совсѣмъ простая...

У тети Марины вся родня была титулованная и всѣ знакомые съ заслугами передъ отечествомъ, и она любила употреблять слово: правительство, потому что правительство должно было защищать дѣвушекъ, которыя если и понимали все, то только теоретически. По присущему дѣвушкамъ, даже не понимавшимъ ничего теоретически, такту, Нита всегда исчезала изъ комнаты, когда очки тети Марины принимали угрожающее положеніе. Молоденькая дѣвушка совершенно не интересовалась тѣмъ, что волновало тетю Марину, а ея ветхими генералами меньше всего.

Когда Нита уходила, тетя Марина говорила съ тяжелымъ вздохомъ:

— Можетъ-быть, это очень нехорошо, но я начи-

наю приходить къ убѣжденію, что люди дѣлятся на двѣ породы: высшую и низшую. Наши понятія, правила и убѣжденія для низшей породы совершенно не существуютъ, потому что ея жизнь регулируется низшими животными инстинктами. Конечно, и мы дѣлаемъ свои ошибки, часто заблуждаемся, но это совсѣмъ, совсѣмъ не то. У нашей кухни своя собственная психологія, логика и этика... Меня это крайне огорчаетъ, какъ убѣжденную христіанку, и мнѣ иногда начинаетъ казаться, что древніе философы были правы, когда считали рабовъ особаго рода существами. Знаю, что это даже грѣшно именно съ христіанской точки зрѣнія, но если правительство совершенно не желаетъ войти въ мое положеніе, что же мнѣ дѣлать?

II.

Наступала весна, холодная, сырая и непріятная. Снѣгъ таялъ медленно, точно по заказу. Талая вода застывала по ночамъ. Иногда ни съ того, ни съ сего начиналъ итти снѣжокъ, точно пудрившій весеннюю грязь на улицахъ, чахлые садики при домахъ и крыши. Нитѣ было уже восемнадцать лѣтъ, и весной она начинала переживать какую-то неясную для самой себя тре-

вогу. Ее куда-то тянуло, хотѣлось что-то такое дѣлать, просто—посмотрѣть, какъ живутъ на свѣтѣ другіе люди. Тетя Марина, конечно, была прекрасный человѣкъ и очень любила Ниту, но хорошая и добрая старушка никакъ не желала понимать, что восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ скучно въ обществѣ стариковъ и старухъ. А другихъ знакомыхъ не было. Нита терпѣть не могла, когда тетя Марина тащила ее за собой въ Петербургъ, гдѣ у ней сохранялись чопорныя знакомства съ такими же ветхими старушками, какъ и она сама. И говорили непремѣнно все о чемъ-то старомъ, о людяхъ, которыхъ давно и на свѣтѣ не было, вспоминали разные интересные случаи въ своей жизни, которымъ было лѣтъ пятьдесятъ давности. Старушки даже оживлялись отъ этихъ воспоминаній и въ присутствіи Ниты боялись сказать что-нибудь лишнее. Нита выносила эту пытку и часто думала, что всѣ эти старушонки только притворяются, что были когда-нибудь молодыми. Ей казалось, что она всегда-всегда останется такой же молоденькой и свѣжей и что жизнь безконечно длинна и что она непремѣнно умретъ, когда на ея лицѣ появится первая морщина.

Тетя Марина, въ свою очередь, тоже переживала весеннюю тревогу, и Нита чувствовала, какъ старушка долго-долго смотритъ на нее такими грустными глазами и подавленно вздыхаетъ.

— Тетичка, ты нездорова?

— Ахъ, нѣтъ, моя дорогая...

— Ты чѣмъ-то недовольна?

Очки тети Марины начали переѣзжать на носъ, и Нита прекращала свой допросъ. Дѣвушка боялась больше всего на свѣтѣ чѣмъ-нибудь огорчить милую, дорогую тетю и успокаивалась, что ни въ чемъ не виновата.

Царскосельская весна, наконецъ, вступала въ свои права, какъ выражались стилисты добраго стараго времени. Развернулись почки, высыпала на проталинкахъ и солнечныхъ угрѣвахъ первая зелень, въ садахъ запестрѣли блѣдные анемоны, эти цвѣты-рахитики, едва державшіеся на своихъ зеленыхъ прозрачныхъ ножкахъ. Дворникъ, исполнявшій и должность садовника, приводилъ въ порядокъ садовыя куртины, приготовлялъ грядки, посыпалъ дорожки свѣжимъ пескомъ. Каждый новый солнечный день производилъ новое чудо, особенно въ небольшомъ парничкѣ, который Нита любила какъ что-то живое, гдѣ почти на глазахъ творилась неразрѣшимая тайна — изъ казавшагося мертвымъ зернышка точно просыпалась жизнь, радостная, бодрая, цвѣтущая, благоухающая. Ахъ, какъ хороши эти первые весенніе цвѣты, походившіе на прелестныхъ дѣтей!.. Если бы они могли говорить...

Во второй половинѣ мая нѣкоторые цвѣты были высажены на клумбы, и Нита съ особеннымъ усердіемъ ухаживала за ними, какъ ухаживаютъ за дорогими гостями. Но это невинное удовольствіе имѣло и свои темныя стороны. Вмѣстѣ съ холеными и изнѣженными цвѣтами выбивалась изъ земли буйная сорная трава, которую приходилось вырывать безъ всякаго сожалѣнія, а между тѣмъ Нитѣ было какъ-то совѣстно лишать жизни какую-нибудь безыменную травку, которая, какъ казалось ей, съ какой-то дѣтской довѣрчивостью смотрѣла на нее. Вырванная съ корнемъ травка такъ быстро умирала, превращаясь въ никуда негодный садовый соръ. У Ниты даже являлось сомнѣніе въ томъ, что дѣйствительно ли настолько красивы всѣ эти садовые цвѣты, чтобы для ихъ благополучія губить такую милую, такую простенькую зеленую травку. Вѣдь, если взять молоденькую крапивку, одуванчики—какіе они милые, не правда ли? И такъ скромненько, какъ бѣдные родственники, жмутся гдѣ-нибудь около забора. Другое огорченіе представляли акаціи и кратегусы, которые торчали какой-то стриженой щеткой. Навѣрно имъ, бѣднымъ, было очень больно, когда осенью дворникъ подстригалъ ихъ. Да, это было тяжело и обидно, тѣмъ болѣе что они не могли разсказать о своихъ страданіяхъ. Когда Нита обращалась за разъясненіями къ тетѣ Маринѣ, старушка

объясняла какъ-то неопредѣленно, почему все это нужно.

— Иначе нельзя, Нита, а то сорная трава заглушитъ всѣ наши цвѣты, а неподстриженные кусты будутъ расти, какъ непричесанные волосы.

Потомъ какъ-то само-собой получалось нравоученіе въ томъ смыслѣ, что стрижка деревьевъ и кустовъ—это то же самое, что воспитаніе, а удаленіе сорной травы—это только желаніе благородныхъ растеній остаться въ своемъ обществѣ.

— Для сорной травы достаточно мѣста въ поляхъ и въ лѣсу,—поучительно объясняла тетя Марина.—Зачѣмъ она лѣзетъ туда, куда ее не приглашали?

— По-твоему, тетя, сорная трава—это наши горничныя, кухарки, дворники, извозчики, вообще мужичье?

— Ахъ, какъ ты глупа, Нита! Совсѣмъ, совсѣмъ ребенокъ!

Наивность молоденькой дѣвушки приводила старушку въ восторгъ, какъ залогъ полной нетронутости.

Дворникъ повторялъ то же, что и тетя Марина, хотя выражался грубѣе. Нита иногда съ нимъ спорила. Разъ, когда они копались въ садикѣ и, по обыкновенію, спорили, Нита услышала за своей спиной чей-то непріятный женскій голосъ.

— Тетя Марина дома?—спрашивала средняго роста дама среднихъ лѣтъ.

— Да, дома...—какъ-то по-дѣтски отвѣтила Нита и недружелюбно посмотрѣла на гостью.

Дама и одѣта была какъ-то не по лѣтамъ, и лицо у ней было подкрашено, и голосъ непріятный, а больше всего Нитѣ не понравилось то, что она называетъ тетю Марину просто тетей Мариной, какъ называли ее только самые близкіе люди, а не Мариной Ильиничной. У садовой калитки стоялъ извозчикъ, нагруженный дорожными вещами — чемоданчиками, саквояжами, свертками въ ремняхъ, картонками. Въ одной рукѣ у незнакомки болтался дорожный кожаный мѣшокъ, а въ другой она держала завернутую въ пледъ крошечную собачку.

Нита побѣжала впередъ, чтобы предупредить тетю Марину, но гостья, не дожидаясь приглашенія, вошла въ гостиную вслѣдъ за ней. Старушка подняла глаза на нее, хотѣла подняться въ креслѣ и поблѣднѣла, какъ полотно. Она едва имѣла силы, чтобы дать Нитѣ условный знакъ о выходѣ.

— Ты... ты... ты жива?—шептала тетя Марина въ ужасѣ, при чемъ очки у нея свалились на полъ.

— Тетя Марина...

Гостья сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ впередъ, чтобы обнять старушку, но та подня-

лась и съ необычайной для ея лѣтъ быстротой спряталась за высокую спинку своего старомоднаго кресла.

— Я удивляюсь... удивляюсь, что ты рѣшилась... да, рѣшилась переступить порогъ моего дома,—шептала она, чувствуя, какъ вся комната начинаетъ кружиться у нея передъ глазами.

Вмѣсто отвѣта, гостья опустилась на ближайшій стулъ, закрыла лицо руками, и въ комнатѣ послышались сдержанныя рыданія. Тетя Марина не выносила женскихъ слезъ, на ея лицѣ выступили красныя пятна.

— Для чего еще эта комедія?—заговорила она уже по-французски, оглядываясь на дверь, въ которую вышла Нита.—Кажется, уже достаточно было всякихъ комедій...

Наступила тяжелая и мучительная пауза. Тетя Марина тяжело дышала и все поправляла несуществовавшіе больше на носу очки.

— Мнѣ некуда итти,—трагическимъ шопотомъ проговорила, наконецъ, гостья.—Я знаю, что я гадкая... вся гадкая... да... Но, вѣдь, и собаку жалѣютъ... Мнѣ некуда итти, тетя Марина...

— Я это давно знаю,—строго и сухо отвѣтила старушка, собираясь съ силами.—Но я и не говорю о тебѣ... Дѣло идетъ о третьемъ лицѣ, которое меньше всего виновато и которое можетъ пострадать больше всѣхъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — застонала гостья.—Развѣ я врагъ собственному ребенку?

— Не вѣрю, ничему не вѣрю!.. Нитѣ было всего два года, когда я взяла ее, брошенную всѣми, несчастную, погибавшую... и для нея ты умерла, какъ мать. Такъ и знай...

— Боже мой, Боже мой!.. Вѣдь я, кажется, ничего, ничего не требую?.. Я такъ устала жить...

III.

Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ совершилось что-то необыкновенное и до послѣдней степени странное, начиная съ того, что странная гостья поселилась у тети Марины, за что Нита возненавидѣла ее еще больше, потому что видѣла по очкамъ тети Марины (куплены были новые), какъ старушка волнуется.

— Я всего на нѣсколько дней,—какъ-то виновато объясняла она, не глядя ни на кого.—А потомъ я опять уѣду...

Въ отвѣтъ очки тети Марины съѣзжали на самый кончикъ носа, и Нита чувствовала, что въ ихъ скромное жилище ворвалась какая-то громадная ложь. Она знала только, что гостью зовутъ Александрой Васильевной, что она при-

ходится тетѣ Маринѣ какой-то дальней родственницей и что она очень-очень несчастна. Когда Александра Васильевна подавленно вздыхала, опуская глаза, Нита не испытывала ни малѣйшаго сожалѣнія. Дѣвушка чувствовала какую-то фальшь даже въ самомъ дыханіи этой таинственной несчастной женщины. Когда появлялись въ домѣ гости, т.-е. ветхіе генералы и не менѣе ветхія титулованныя старушки, гостья пряталась въ своей комнатѣ. Между прочимъ, Нитѣ входъ въ эту комнату былъ строго воспрещенъ. Надъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ точно повисла какая-то туча. Ниту удивляло больше всего то, что временами Александра Васильевна какъ-то неожиданно хорошѣла а иногда казалась совершенно старухой.

Положеніе тети Марины въ буквальномъ смыслѣ было отчаянное, такъ что даже генералъ Мочкинъ замѣтилъ:

— А вы мнѣ не нравитесь, сударыня... У васъ что-то такое въ лицѣ... да. Нужно пить парное молоко и больше гулять въ паркѣ...

— Ахъ, оставьте меня, ради Бога, генералъ!

— Нужно пользоваться весной...

Старушка сама не знала, что съ ней дѣлается. Въ первый моментъ она ни за что не хотѣла, чтобы Александра Васильевна хоть на нѣсколько дней поселилась подъ одной кровлей съ Нитой, но эта несчастная женщина такъ плакала, такъ

раскаивалась и давала такія обѣщанія, что не выдержало бы каменное сердце.

— Ахъ, какъ я сама желала бы умереть, тетя Марина,—повторяла она постоянно:—да, совсѣмъ умереть, чтобы ничего не чувствовать, не знать и не думать и чтобы всѣ меня забыли. Есть вещи, которыя женщинѣ не прощаются, и я это знаю... Возврата нѣтъ, остается прозябаніе, приходится скрывать даже самыя естественныя привязанности... Развѣ я виновата, что меня такъ воспитали, что я никуда-никуда не годна? Я не способна ни къ какому труду—это главное, у меня нѣтъ никакихъ интересовъ, какими наполняется жизнь, до извѣстнаго возраста я умѣла только быть красивой...

Тетя Марина терпѣливо выслушивала эти покаянныя рѣчи и въ глубинѣ души не вѣрила ни одному слову. О, сколько разъ она выслушивала ихъ и была обманута. Первый удобный случай—и Александра Васильевна дѣлалась совершенно другимъ человѣкомъ, у котораго, вмѣсто раскаянія, появлялся какой-то отчаянный голодъ жизни.

— Что же ты думаешь дѣлать, Alexandrine?—спрашивала старушка по нѣскольку разъ въ день.—Вѣдь, надо же какъ-нибудь жить...

— Не знаю, ничего не знаю, кромѣ того, что желаю умереть... И я чувствую, что скоро не буду мѣшать никому-никому.

Вопросъ такъ и оставался открытымъ, и очки тети Марины больше не поднимались на лобъ. А женщина, мечтавшая о смерти, какъ объ избавленіи, половину дня тратила на „приведеніе себя въ порядокъ“, какъ она скромно выражалась, то-есть безъ конца мылась, обтиралась какими-то мудреными спеціями, красилась, прихорашивалась и т. д. Горничная Оля, простоватая дѣвушка, сообщала дворнику Маркеллу удивительныя вещи про гостью, какъ, напримѣръ, она стоитъ чуть не часъ на одной ногѣ, заставляетъ сѣчь себя по спинѣ какими-то резинками, какъ заставляетъ по цѣлымъ часамъ растирать кожу на щекахъ, гладить шею и много-много еще чего другого.

— Не иначе дѣло, что повреждена чѣмъ-нибудь,—рѣшалъ Маркеллъ съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ.—Съ барынями это случается и даже очень просто. Первое дѣло, что имъ какъ есть нѣтъ никакого занятія... Ну, вотъ она и полощется въ водѣ цѣлый день, какъ утка.

Тетя Марина не заглядывала въ комнату гостьи ни разу, но та почти силой затащила ее къ себѣ и показала ей все, что заключалось въ чемоданахъ, саквояжахъ и картонкахъ. Въ большинствѣ все это были никуда ненужныя вещи, говорившія о прежней роскоши и легкомысліи Александры Васильевны, и тетя Марина только удивлялась, для чего она все это ей показы-

ваетъ. А между тѣмъ, основаніе было, и очень серьезное. Александра Васильевна отлично знала, что выживавшая изъ ума старушонка не вѣритъ ни одному ея слову и что, съ другой стороны, подозрѣваетъ ее во всевозможныхъ гадостяхъ и, прежде всего и послѣ всего, въ невидимомъ присутствіи какого-нибудь мужчины. Она даже обнюхивала фотографіи и разныя бездѣлушки, точно врагъ могъ здѣсь спрятаться. Александра Васильевна торжествовала: пусть старушонка ищетъ. Но этимъ дѣло не ограничилось, и она разъ со слезами на глазахъ заявила:

— Милая тетя, вы не обидитесь, если я попрошу васъ получить мою почту и... просматривать ее, какъ это дѣлалось въ золотые дни моей юности.

— Что ты, что ты!..—обидѣлась старушка.—Ты меня принимаешь, кажется, за сыщика или что-то въ этомъ родѣ... Какое мнѣ дѣло до того, съ кѣмъ ты переписываешься.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, я этого требую, если могу чего-нибудь требовать... Я и свои письма буду показывать тебѣ. Тайнъ у меня нѣтъ...

Странно устроено человѣческое сердце. То, что въ первый моментъ даже испугало тетю Марину, въ слѣдующую минуту сильно ее подкупило. Она даже не сообразила, что, принимая на себя контроль корреспонденцій, тѣмъ самымъ какъ бы санкціонируетъ присутствіе Александры

Васильевны въ ея домѣ. Послѣдняя мысль пришла къ ней въ голову уже потомъ, и только тогда она поняла, въ какую западню попалась.

Нита стала замѣчать, какъ Александра Васильевна постепенно точно завоевываетъ тетю Марину. Онѣ вѣчно о чемъ-то разговаривали, а когда входила Нита, разговоръ сейчасъ же прекращался, и Александра Васильевна уходила въ свою комнату. О чемъ онѣ могли постоянно разговаривать—для Ниты оставалось тайной. Разъ дѣвушку одолѣло такое любопытство, что она рѣшилась подслушать. Все это вышло само-собой, безъ всякаго намѣренія съ ея стороны, но все-таки она могла уйти и не ушла. Дѣло было въ саду, когда Нита пересаживала левкои. Тетя Марина и Александра Васильевна прошли въ садовую бесѣдку и не замѣтили ея.

— По-моему, всѣ женщины одинаково жалки,— говорила Александра Васильевна.—Это въ ихъ организаціи... А короткая женская жизнь? Да и та вся уходитъ на дѣтей... А когда женщина, наконецъ, проснется, почувствуетъ себя самой собой и захочетъ дѣйствительной жизни — ея время уже прошло. Начинается жалкое существованіе, когда женщину уважаютъ, когда считаютъ нужнымъ высказывать ей свое почтеніе, преданность, а въ сущности—все это такая же ложь, какъ надписи на могильныхъ плитахъ.

Тетя Марина ничего не отвѣчала, и только

было слышно, какъ деревянныя спицы въ ея рукахъ выбивали лихорадочную дробь. Нита ничего не поняла изъ этой тирады, кромѣ того, что Александра Васильевна говоритъ какой-то раздражающій тетю вздоръ.

— Вѣдь, нѣтъ ничего легче, какъ обвинить кого-нибудь,—продолжала Александра Васильевна:—и нѣтъ ничего тяжелѣе, когда женщину обвиняетъ женщина...

Дальше обѣ разговаривавшія женщины плакали, потомъ послышались поцѣлуи и сдержанный шопотъ. Александра Васильевна что-то разсказывала вполголоса, дѣлая паузы. Закончилась эта бесѣда уже совершенно неожиданно. Нита услышала, какъ смѣялась тетя Марина, что съ ней случалось крайне рѣдко, и смѣялась она какъ-то особенно смѣшно, совсѣмъ по-дѣтски,—тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ, съ чисто-дѣтскими всхлипываніями.

— Ахъ, какіе глупые эти мужчины!—повторяла старушка, раскашлявшись отъ смѣха.—Совсѣмъ глупые...

— Я разскажу вамъ, тетя, еще одинъ случай...

— Нѣтъ, довольно, милая. Я, кажется, лѣтъ двадцать такъ не смѣялась...

Появленіе въ саду Маркелла прекратило эту сцену, и Александра Васильевна увела тетю Марину подъ-руку въ комнату. Старушка нѣсколько

разъ останавливалась, махала худенькой костлявой ручкой и повторяла:

— Ахъ какіе глупые...

IV.

Александра Васильевна шагъ за шагомъ завладѣла тетей Мариной и дѣлала это въ такой мягкой формѣ, что старушка не замѣчала уже собственнаго плѣна. Эта Alexandrine знала, кажется, рѣшительно все и умѣла такъ смѣшно разсказывать, особенно о негодяяхъ мужчинахъ, которые заставляли ее такъ страдать, пока она ничего-ничего не понимала и всему вѣрила.

— Много ли нужно, чтобы обмануть совершенно неопытную молодую женщину?—повторяла она, подавляя вздохъ.—Я слишкомъ хорошо думала о людяхъ и слишкомъ дорого заплатила за свою глупую довѣрчивость.

Переходы отъ мрачнаго настроенія, раскаянія и полной отрѣшенности отъ жизни къ самому заразительному веселью у Александры Васильевны происходили какъ-то особенно быстро, что коробило тетю Марину, и ея очки сползали на носъ. Впрочемъ, Александра Васильевна скоро спохватывалась и поправляла ошибку. Въ присутствіи Ниты она вела себя чрезвычайно корректно, вѣрнѣе сказать—дѣлала видъ, что не

замѣчаетъ ея присутствія, какъ не замѣчаютъ сидящихъ за общимъ столомъ гувернантокъ, бѣдныхъ дальнихъ родственницъ и подростковъ въ неблагодарномъ переходномъ возрастѣ. Нита платила ей той же монетой, и тетя Марина только удивлялась, откуда берется у дѣвочки столько такта. Мать и дочь держались совершенно чужими, и это выходило даже смѣшно, хотя тетѣ Маринѣ совсѣмъ ужъ было не до смѣха.

Однимъ словомъ, въ маленькомъ домикѣ начиналось что-то новое и таинственное. Тетя Марина переживала смѣнявшіяся настроенія: то она вѣрила Александрѣ Васильевнѣ, то начинала сомнѣваться. Иногда на старушку нападалъ совершенно безпричинный страхъ, и она начинала бояться выдуманными страхами. А вдругъ она умретъ? Куда дѣнется тогда Нита? Естественной руководительницей останется Александра Васильевна, а это... Дальше мысль тети Марины отказывалась работать, и старушка въ ужасѣ закрывала глаза.

Горничная Оля, существо обезволенное до послѣдней степени, и та приняла довольно дѣятельное участіе въ происходившемъ.

— Вотъ ужо пріѣдетъ генералъ, такъ онъ эту прощалыгу за хвостъ да объ стѣну,—сообщала она дворнику Маркеллу.—Вишь, какъ разлетѣлась... Генералъ ей покажетъ.

— Извѣстно, генералъ,—мрачно соглашался Маркеллъ.

— Наша старая барышня даже совсѣмъ поддается... А та лопочетъ по-французскому, та лопочетъ—прямо изводитъ.

— Извѣстно, бабы...

Въ порывѣ усердія Оля попробовала закинуть словечко молодой барышнѣ, но, къ удивленію, встрѣтила глухой отпоръ.

— Это не ваше дѣло, Оля.

Раньше молодая барышня такъ не разговаривала, и горничная обиженно замолчала. Одна надежда оставалась на генерала, который все разберетъ. Когда Мочкинъ пріѣхалъ, Оля чуть не сбила его съ ногъ отъ усердія. Старикъ иногда шутилъ съ ней, трогалъ за пухлый подбородокъ и грозилъ пальцемъ..

Александра Васильевна ни за что не захотѣла выйти къ гостю и даже попросила подать обѣдъ къ себѣ въ комнату.

— Нѣтъ, это ужъ невозможно,—обидѣлась тетя Марина и отправилась сама уговаривать упрямую гостью.—Генералъ старый-старый и ничего не помнитъ. Тебя онъ не узнаетъ, однимъ словомъ...

— Да и я его совсѣмъ не помню, тетя.

— Замухрышка такой и все повторяетъ чужія слова... Вообще, милое, но погибшее созданіе.

Послѣдняя вульгарная фраза, сорвавшаяся съ языка тети Марины совершенно случайно, привела ее въ ужасъ. Боже, до чего можетъ дойти человѣкъ... Эта гадкая фраза всегда ее возмущала, а тутъ она сама ее выговорила, да и выговорила какимъ-то пошлымъ тономъ.

— Я уступаю только насилію, — отвѣтила Александра Васильевна, принимая видъ жертвы, и прибавила:—за послѣдствія я не отвѣчаю, тетя...

Старый генералъ посмотрѣлъ на Александру Васильевну прищуренными глазами и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, сударыня, что я васъ гдѣ-то встрѣчалъ...

— Очень можетъ быть... — сухо отвѣтила она.—Вѣроятно, за границей.

— Представьте себѣ, не бывалъ-съ за границей... Все собираюсь туда. Говорятъ, даже необходимо тамъ быть, чтобы, такъ сказать, довершить образованіе. Хе-хе... Нѣтъ, рѣшительно, я гдѣ-то васъ встрѣчалъ.

Потомъ тетя Марина сдѣлалась свидѣтельницей, какъ старый генералъ развеселился и даже разсказалъ какой-то ветхій анекдотъ изъ своего боевого прошлаго. Александра Васильевна дѣлала видъ, что не обращаетъ на старика вниманія и слушаетъ его старческую болтовню

только изъ вѣжливости, желая угодить тетѣ Маринѣ.

— Нѣтъ, я васъ встрѣчалъ,—повторялъ старикъ, напрасно стараясь возстановить далекое прошлое.—Да... гм... Вѣдь васъ зовутъ Александрой Васильевной?.. Тэ-тэ-тэ...

Очки тети Марины очутились на самомъ кончикѣ носа, и она строго посмотрѣла на разболтавшагося генерала, указывая глазами на Ниту.

— Вы не могли встрѣчать Alexandrine,—замѣтила она.—Она полжизни провела за границей...

Но эта маленькая военная хитрость не спасла старушку. Генералъ Мочкинъ, прищуривъ одинъ глазъ, улыбался, точно ему было двадцать-пять лѣтъ. Онъ узналъ Александру Васильевну.

„Боже мой, что я надѣлала, что надѣлала“... въ ужасѣ думала тетя Марина. „Этотъ выжившій изъ ума старикъ способенъ на все... Онъ ведетъ себя, какъ военный писарекъ“...

Чтобы перемѣнить тему, старушка заговорила о прислугѣ, которая испорчена вконецъ, и генералъ Мочкинъ успокоился. Но на прощанье онъ все-таки успѣлъ шепнуть:

— А Нита ничего не подозрѣваетъ?

— Ради всего святого, генералъ, молчите...

Чему этотъ ветхій генералъ радовался? И еще улыбается и подмигиваетъ... Фи, какая гадость.

Александра Васильевна приняла обиженный видъ и молчала. Тетѣ Маринѣ сдѣлалось совѣстно, что она „поставила ее въ такое неловкое положеніе“, и ея очки показывали скверную погоду.

Дальнѣйшія событія полетѣли съ быстротой вихря. Генералъ Мочкинъ началъ бывать все чаще и чаще. Александра Васильевна пряталась отъ него, но онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ высиживалъ цѣлые часы, пока она не выходила, наконецъ, изъ своей комнаты. Это было верхомъ неприличія, и старикъ точно рехнулся.

— Я его какъ-нибудь прогоню,—рѣшила тетя Марина.—Приличіе—прежде всего, и мужчинѣ можно простить рѣшительно все, кромѣ безтактности. И какой примѣръ для несчастной Ниты...

Закончилась вся эта глупая исторія уже совсѣмъ неожиданно. Въ одно прекрасное утро Александра Васильевна объявила за утреннимъ кофе, что уѣзжаетъ.

— Куда?—удивилась тетя Марина.

Этотъ естественный вопросъ смутилъ Александру Васильевну, т.-е. она опустила глаза и покраснѣла.

— Я, тетя Марина... да, я выхожу замужъ...

— Т.-е., какъ замужъ? А твой мужъ?

— О, съ мужемъ у насъ все кончено, т.-е. онъ уступаетъ мнѣ десять тысячъ.

— Ничего не понимаю!..

— Очень просто. Раньше онъ просилъ тридцать тысячъ, а теперь соглашается за двадцать тысячъ.

— Ничего не понимаю.

— Ахъ, тетя Марина... Ну, это такъ нынче принято. Мы разводимся, онъ принимаетъ вину на себя, а вѣдь даромъ ничего на свѣтѣ не дѣлается. Вотъ и все...

— Отлично. А откуда ты возьмешь столько денегъ?

— Мнѣ... мнѣ ихъ даетъ генералъ Мочкинъ. Кстати, я выхожу замужъ вѣдь за него же... А когда онъ умретъ, я буду получать пенсію.

Осенью состоялась свадьба генерала Мочкина, и когда Нита узнала объ этомъ, тетя Марина проговорила:

— Дѣточка, я больше ничего не понимаю, что дѣлается на свѣтѣ... Если ужъ генералъ Мочкинъ... однимъ словомъ, не стоитъ говорить. Пора мнѣ умирать...

Нита такъ ничего и не узнала, что новая генеральша Мочкина—ея родная мать, а тетя Марина совершенно не понимала, которая сейчасъ дверь добра и какая—дверь зла...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
1.	Вкругъ ракитова куста. (Повѣсть)	3
2.	Стрекоза. (Изъ лѣтнихъ идиллій)	101
3.	Между нами.	126
4.	Ангелочки. (Разсказъ)	173
5.	Черное слово. (Эскизъ)	190
6.	Клятва Антона. (Разсказъ)	204
7.	Отчаянный человѣкъ. (Разсказъ)	228
8.	Рекомендательное письмо. (Разсказъ)	253
9.	Голосъ крови. (Разсказъ)	278
10.	Дверь добра и зла. (Разсказъ)	290

Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

Ачкасовъ, А. „Пѣсни русскихъ писателей о волѣ". Цѣна 75 к.

— „Образцы изящной русской рѣчи для взрослыхъ". Цѣна 1 р.

Ауэрбахъ. „Дача на Рейнѣ". Романъ въ 3-хъ частяхъ. Цѣна 4 р.

Апраксинъ. „Больное мѣсто". Романъ. Ц. 1 р.

Арсеній, Г. „Карьера". Цѣна 1 р.

Бернштейнъ. „Проблемы соціализма". Ц. 1 р.

Беллами, Эдв. „Черезъ сто лѣтъ". Ц. 1 р.

Бурже, П. „Изъ-за любви". Цѣна 50 к.

— „Этапъ". Ц. 1 р. 50 к.

— „Трагическая идиллія". Цѣна 1 р. 50 к.

— „Дѣловой человѣкъ". Цѣна 75 к.

— „Призракъ". Цѣна 1 р.

— „Возрастъ любви". Цѣна 25 к.

Баранцевичъ, К. „Родныя картинки". Ц. 1 р.

Бурофилъ. „За буроиъ". Цѣна 50 к.

Бьернсонъ. „Свыше нашей силы". Цѣна 50 к.

Вербицкая. „Освободилась". Ц. 1 р.

— „Преступленіе Маріи Ивановны". Ц. 1 р.

Вогюэ. „Голоса мертвыхъ". 1900 г. Цѣна 1 р.

— „Максимъ Горькій". Критическ. этюдъ. Изд. 2-е. Цѣна 30 к.

— „Антонъ Чеховъ". Критическ. этюдъ. Цѣна 20 к.

Вѣра. „Одна за многихъ". Ц. 50 к.

Гауптманъ, Г. „Роза Бернда". Ц. 40 к.

— „Бѣдный Генрихъ", пер. Щепкиной-Куперникъ. Ц. 75 к.

Гопа. „На скользкомъ пути". Романъ (переводъ съ англійскаго). Цѣна 1 р. 50 к.

Гертцъ. „Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ". Цѣна 1 р.

Гартманъ. „Современная психологія". 2 р. 25 к.

Додэ, А. „Первое путешествіе". Цѣна 30 к.

— „Первая ложь". Ц. 30 к.

Джеромъ К. Джеромъ. Поль Кельверъ, 1 р. 50 к.

Зола. „Нана". Романъ. Ц. 1 р.

— „Плодородіе". Романъ. Цѣна 1 р. 50 к.

— „Трудъ". Цѣна 1 р. 50 к.

— „Госпожа Гансонъ". Ц. 50 к.

Зудерманъ. „Да здравствуетъ жизнь!" Ц. 60 к.

Іокай. „Мечта и жизнь". Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Котляревскій. Собраніе сочиненій. Цѣна 1 р.

Кюльпе. „Современная философія". Пер. подъ ред. пр. Ланге Ц. 80 к.

Коппе, Ф. „Жертва любви". 1900 г. Ц. 60 к.

— „Двѣ женщины". Цѣна 60 к.

— „Вся молодость". Ц. 75 к.

Конанъ Дойль. „Баскервильская собака". 75 к.

— „Красное по бѣлому". Ц. 60 к.

— „Знакъ четырехъ" Ц. 60 к.

— „Приключенія Шерлока Гольмса" Ц. 60 к.

Крестовская. „Артистка". Ц. 1 р.

— „Исповѣдь Мытищева. Вопль". Ц. 1 р.

Лухманова. „Институтка". Ц. 1 р. 25 к.

— „Тайны жизни". 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

— „Избранные разсказы". Цѣна 1 р.

— „20 лѣтъ назадъ". Цѣна 1 р. 25 к.

Любичъ-Кошуровъ. „Братъ человѣчества". Цѣна 75 к.

Мясницкій, И. „Омосквичился". Ц. 25 к.

— „Проказники". Юмористическіе очерки и сценки. Изданіе 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— „Гостинодворцы". Повѣсть. Цѣна 2 р.

— „Смѣшная публика". Юмористическіе разсказы. Изданіе 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

— „Безъ языка". Юмористическій сборникъ разсказовъ. Цѣна 1 р.

— „Дачныя прелести". Юмористическій сборникъ разсказовъ. Цѣна 1 р.

— „Житейскія комедіи". Юмористическій сборникъ. Изд. 2-е. Цѣна 1 р.

— „Отъ скуки". Юморист. сборн. Ц. 1 р.

— „Струйки смѣха". 1900 г. Из. 2-е 1 р.

— „Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова". 1900 г. Цѣна 1 р.

— „Мужья и жены". 1901 г. Цѣна 1 р.

— „Веселые разсказы". 1901 г. Цѣна 1 р.

— „Господа коммерсанты". 1901 г. Ц. 1 р.

— „Блестки юмора". Цѣна 1 р.

— „Юмористическія шалости". Цѣна 1 р.

— „24 разсказа". Цѣна 1 р.

— „Бѣсъ-дѣвка". Ц. 1 р.

— „Свадьба" и др. разсказы Ц. 1 р.

— „Мануфактуръ-совѣтникъ". Ц. 2 р.

— „Наши ближніе". Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. „Баба" и другіе разсказы. Ц. 1 р.

— „Именемъ закона". „Человѣкъ съ планомъ". Изданіе 2-е. Цѣна 1 р.

— „Блудный сынъ". Ц. 1 р.

— „Живыя картинки". Цѣна 1 р.

— „На досугѣ". Цѣна 1 р.

Мура, Ф. „Милліонеры". Цѣна 1 р.

Маминъ-Сибирякъ. „Именинникъ". Цѣна 1 р.

— „Преступники". Цѣна 1 р.

— „Повѣсти". Цѣна 1 р.

— „Уральскіе разсказы". Т. IV. Ц. 1 р.

— „Золото". Романъ. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.

— „Безъ названія". Цѣна 1 р. 25 к.

— „Приваловскіе милліоны". Изд. 2-е. 2 р.

— „Золотая муха" и др. разск. Ц. 1 р.

Мопассанъ. „Дядя Милонъ". Цѣна 60 к.

— „Воскресные дни парижскаго буржуа". Цѣна 1 р.

Наживинъ. „Дешевые люди". Цѣна 1 р.

Негри, Ада. „Борьба и любовь". Цѣна 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. „Въ моръ". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Двѣ ночи". Цѣна 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. „Королева въ лохмотьяхъ". Ц. 1 р. 25 к.
— „Новые разсказы". Цѣна 75 к.
— „Гроза". Изд. 8-е. Цѣна 1 р. 50 к.
— „Городской голова". 1 р. 25 к.
— „Царица Тамара". Цѣна 1 р.
— „Семья богатырей". Цѣна 1 р. 50 к.
— „Вольный Шамхаръ". Цѣна 1 р. 25 к.
Немировичъ-Данченко, Влад. „Губернаторская ревизія". Пов. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— „Мгла". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Сны". Цѣна 1 р.
— „Въ стени". Цѣна 1 р. 25 к.
Нордау, М. „Комедія чувства". Цѣна 1 р.
— „Современные французы". Очерки изъ исторіи литер. Цѣна 1 р. 25 к.
— „Волѣзнь вѣка". Цѣна 1 р. 50 к.
Недолинъ. „Искры". Цѣна 1 р.
Ненашевъ: „Путеводитель по Западной Европѣ". Изд. 2-е. Цѣна 2 р.
Николаевъ. „Вопросы жизни въ современной литературѣ". Цѣна 2 р.
Ницше, Фр. „Такъ говорилъ Заратустра". Изданіе 3-е. Цѣна 1 р.
— „По ту сторону добра и зла". Изданіе 3-е. Цѣна 1 р.
— „Сумерки кумировъ". Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— „Происхожденіе трагедіи". „Объ антихристѣ". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Человѣческое, слишкомъ человѣческое". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Человѣкъ, какъ онъ есть". Ц. 1 р. 25 к.
— „Странникъ и его тѣнь". Цѣна 1 р.
— „Утренняя заря". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Веселая наука". Цѣна 1 р. 25 к.
Онэ. „Развращенный Парижъ". Цѣна 1 р.
Оржешко. „Аргонавты". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Дымъ". Цѣна 30 к.
— „Открытое письмо къ нѣмецкимъ и французскимъ женщинамъ о полькѣ". Ц. 40 к.
— „Анастасія". Цѣна 60 к.
Пелисье. „Критическіе этюды современной литературы", Цѣна 1 р.
Прево, М. „Полудѣвы". Романъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р.
— „Послѣднія письма женщины". Ц. 60 к.
— „Женское движеніе". Lea. Цѣна 1 р.
— „Счастливое супружество". Цѣна 60 к.
— „Желтое домино". Цѣна 50 к.
— „Мелкіе разсказы". Изд. 2-е. Цѣна 60 к.
— „Письма къ Франсуазѣ". Цѣна 1 р.
Ресслеръ. „Электродвигатели перемѣннаго и трехфазнаго тока". Пер. подъ ред. препод. въ Имп. Тех. Уч. И. Б. Угримова. Москва 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.
Риль. Введеніе въ современную философію Ц. 1 р.
Сенкевичъ, Генрихъ. „Крестоносцы". Ц. 2 р. 50 к.
— „Камо грядеши?". Изд. 4-е. Ц. 1 р. 50 к.
— „Потопъ". 2 книги. Цѣна 3 р.
— „Панъ Володыевскій". Цѣна 1 р. 50 к.
Саловъ. „Мелочи жизни". Цѣна 1 р. 25 к.
— „Несобравшіяся дрожжи". Цѣна 60 к.
— „Босоножка". Цѣна 40 к.
— „Три разсказа". Цѣна 75 к.
Сайсъ. „Хеттеи или Исторія забытаго царства". Цѣна 60 к.
Смирновъ. „Рюмы невиннаго свойства". Ц. 1 р.
Толстой, Л. „Власть тьмы". Цѣна 20 к.
— „Крейцерова соната" и другіе разсказы. Цѣна 50 к.
— Тоже и 17 друг. произвед. Ц. 1 р. 25 к.
Тэри. „Денежное обращеніе". Цѣна 40 к.
Тепловъ. „Случайная жертва". Ром. Ц. 1 р. 25 к.
— „Тучки". Сборникъ разсказовъ. Ц. 60 к.
Уида. „Массарины". Романъ. Цѣна 2 р.
Фуле. „Исторія философіи". Изд. 2-е. 2р. 50 к.
Флери, д-ръ. „Физическое и нравственное воспитаніе ребенка". 1900 г. Ц. 75 к.
Фонъ-Хейденфельдъ. „Изъ женской жизни". По поводу „Крейцеровой сонаты". Изд. 3-е. Цѣна 40 к. (8—11 тысячи).
Фонъ-Поленцъ. „Крестьянинъ". Съ пред. гр. Л. Н. Толстого. Цѣна 1 р. 20 к.
Щепкина-Куперникъ. „Незамѣтные люди". 1р.
— „Ничтожные міра сего". Цѣна 1 р.
— „Мои стихи". Цѣна 1 р.
— „Труждающіеся и обремененные". 1 р.
— „Странички жизни". Цѣна 1 р.
— „Около кулисъ". Цѣна 1 р.
— „Изъ женскихъ писемъ". Цѣна 1 р.
— „Счастье". Цѣна 1 р.
— „Принцесса Греза" (пер. въ стих.), соч. Ростана. Ц. 1 р.
— „Вѣдный Генрихъ" (пер. въ стих.), соч. Гауптмана. Ц. 75 к.
— „Монна Джіованна" (переводъ), соч. Метерлинка. Ц. 60 к.
Шпильгагенъ. „Жертва". Ром. 1 р. 50 к.
Шнитцлеръ. „Трилогія". Цѣна 50 к.
— „Тетралогія". Цѣна 75 к.
Шопенгауэръ. „Міръ, какъ воля и представленіе". Цѣна 3 р.
— То же т. 2-й Ц. 4 р.
— „О четверояломъ корнѣ достаточнаго основанія". Цѣна 75 к.
Янки-Хорватъ. „Рокъ". Цѣна 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Вкругъ ракитова куста и др. разсказы. 1 р.
Мопассанъ. Дядя Милонъ. 60 к.
— Воскресные дни парижскаго буржуа. 1 р.
Негри, Ада. Борьба и любовь. 50 к.
Немировичъ-Данченко, Вас. Гроза 1 р. 50 к.
— Новые разсказы. 75 к.
— Вольный Шамхаръ. 1 р. 25 к.
— Городской голова. 1 р. 25 к.
— Царица Тамара. 1 р.
— Семья богатырей. 1 р. 50 к.
Наживинъ. Дешевые люди. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Влад. Сны. 1 р.
— Губернаторская ревизія. 1 р.
— Въ степи. 1 р. 25 к.
Нордау, М. Комедія чувства. 1 р.
— Современные французы. 1 р. 25 к.
— Болѣзнь вѣка. 1 р. 50 к.
Недолинъ. Искры. 1 р.
Николаевъ, П. Ѳ. Вопросы жизни. 2 р.
Ницше, Фр. Такъ говорилъ Заратустра. Изд. 2-е. 1 р.
— По ту сторону добра и зла. 1 р.
— Сумерки кумировъ. Изд. 2-е. 1 р.
— Происхожд. трагедіи. 1 р. 25 к.
— Человѣческое, слишкомъ человѣческое. 1 р. 25 к.
— Человѣкъ, какъ онъ есть. 1 р. 25 к.
— Странникъ и его тѣнь. 1 р.
— Утренняя заря. 1 р. 25 к.
— Веселая наука. 1 р. 25 к.
Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Изд. 3-е. 2 р.
Оржешко. Аргонавты. 1 р. 25 к.
— Дымъ. 30 к.
— Открытое письмо къ нѣмецкимъ женщинамъ и француземъ о польскѣ. 40 к.
— Анастасія. 60 к.
Оствальдъ. Натур. философія подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р.
Прево, М. Полудѣвы. Ром. 1 р.
— Послѣднія письма женщинъ. 60 к.
— Женское движеніе. 1 р.
— Счастливое супружество. 60 к.
— Желтое домино. 50 к.
— Мелкіе разсказы. 60 к.
Пелисье. Критическіе этюды современной литературы 1 р
Риль. Введеніе въ современную философію. 1 р.
Сенкевичъ. Крестоносцы. 2 р. 50 к.
— Камо грядеши. 1 р. 50 к.
— Панъ Володыевскій. 1 р. 50 к.
— Потопъ. 2 т. 3 р.
Саловъ. Мелочи жизни. 1 р. 25 к.
— Несобравшіяся дрожжи. 60 к.
— Босоножка. 40 к.
— Три разсказа. 75 к.
Смирновъ. Риемы невиннаго свойства. 1 р.
Сайсъ. Хеттеи или исторія забытаго царства. 60 к.
Тэри. Денежное обращеніе. 40 к.
Тепловъ. Тучки. Сборн. разск. 60 к.
— Случайная жертва. Ром. 1 р 25 к.
Гр. Л. Н. Толстой. Мысли мудрыхъ людей. 60 к.
Уида. Массарины. Романъ. 2 р.
Фулье. Исторія философіи. Изд. 2-е. 2 р. 50 к.
Флери, д-ръ. Физическое и нрав. воспитаніе ребенка. 75 к.
фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Изд. 3-е 40 к.
фонъ-Поленцъ. Крестьянинъ. 1 р. 20 к.
Шпильгаенъ. Жертва. Романъ. 1 р 50 к.
Шнитцлеръ. Трилогія. 50 к.
— Тетралогія. 75 к.
Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. 1 р.
— Ничтожные міра сего. 1 р.
— Незамѣтные люди. 1 р.
— Письма издалека. 1 р.
— Около кулисъ. 1 р.
— Труждающіеся и обремененные. 1 р.
— Странички жизни. 1 р.
— Счастье. Изд. 2-е. 1 р.
— Принцесса Греза (пер. въ стих.). Соч. Ростана. 1 р.
— Монна Джіованна (пер.), соч. Метерлинка. 60 к.
— Бѣдный Генрихъ (пер.), соч. Гауптмана. 75 к.
Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. 3 р.
— Тоже, томъ 2-й—3 р.
— О четверояkомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. 75 к.
Янки-Хорватъ. Рокъ. 50 к.
Японія, Корея и Манчжурія. Справочн. книга. 30 к.

Собраніе сочиненій А. КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

1 т. Красное по бѣлому. Ц. 60 к. 2 т. Знакъ четырехъ. Ц. 60 к. 3 т. Приключенія Шерлока Гольмса. Ц. 70 к. 4 т. Баскервильская собака. Ц. 75 к. 5 т. Разсказы о Шерлокѣ Гольмсѣ. Ц. 70 к. 6 т. Новыя похожденія Шерлока Гольмса. 60 к. Тома 7, 8, 9 и 10 печатаются. Цѣна по подпискѣ за 10 томовъ 4 р., съ пересылкой 5 р.

Собраніе сочиненій Э. ВЕРНЕРЪ. 1-я серія.

1) Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Ц. 1 р. 2) У алтаря. Германъ. Ц. 1 р. 50 к. 3) Цвѣтокъ счастья. Вѣстники весны. Ц. 1 р. 50 к. 4) Дорогой цѣной. Ц. 1 р. 25 к. 5) У Орлиной скалы. Ц. 1 р. 50 к. 6) Сила воли. Ц. 1 р. 50 к. 7) Въ добрый часъ. Ц. 1 р. 8) Горная фея. Ц. 1 р. 25 к. 9) Освобожденный отъ проклятія. Ц. 1 р. 50 к. 10) Герой пера. Голоса родины. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-й серіи 10 р., съ пер. 11 р.

2-я серія.

1) Вольной дорогой. Ц. 1 р. 25 к. 2) Орлиный полетъ. Ц. 50 к. 3) Судъ Божій. Ц. 1 р. 4) Фата-Моргана. Ц. 1 р. 50 к. 5) Эгоистъ. Высшая точка зрѣнія. Ц. 1 р. 6) Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Ц. 1 р. 7) Заколдованное золото. Ц. 1 р. 8) Блуждающіе огни. Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серіи 6 р., съ пер. 7 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серіи соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Собраніе сочиненій ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМА.

1) Замѣтки романиста. Ц. 1 р. 25 к. 2) На лодкѣ. (Три человѣка въ лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) Объ умѣніи обращаться съ женщинами. Ц. 1 р. 4) Смѣхъ сквозь слезы. Ц. 1 р. 5) Очаровательная женщина. Ц. 1 р. 6) Праздныя мысли лѣнтяя. Ц. 1 р. 7) Міръ сцены. Ц. 1 р. 8) Дневникъ путешественника. Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

Собраніе сочиненій Е. МАРЛИТЪ.

1) Тайна старой дѣвы. Ц. 1 р. 25 к. 2) Имперская графиня Гизела. Ц. 1 р. 50 к. 3) Въ домѣ коммерціи совѣтника. Ц. 1 р. 50 к. 4) Въ домѣ Шиллинга. Ц. 1 р. 50 к. 5) Вторая жена Ц. 1 р. 6) Эльза. Ц. 1 р. 50 к. 7) Степная принцесса. Ц. 1 р. 50 к. 8) Совиный домъ. Ц. 1 р. 50 к. 9) Женщина съ рубинами. Ц. 1 р. 50 к. 10) Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. 50 к. За 10 т. 10 р., съ пер. 11 р.

Собр. сочин. АРТ. ШОПЕНГАУЭРА,

подъ ред. Айхенвальда. 16 вып. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

2007337371